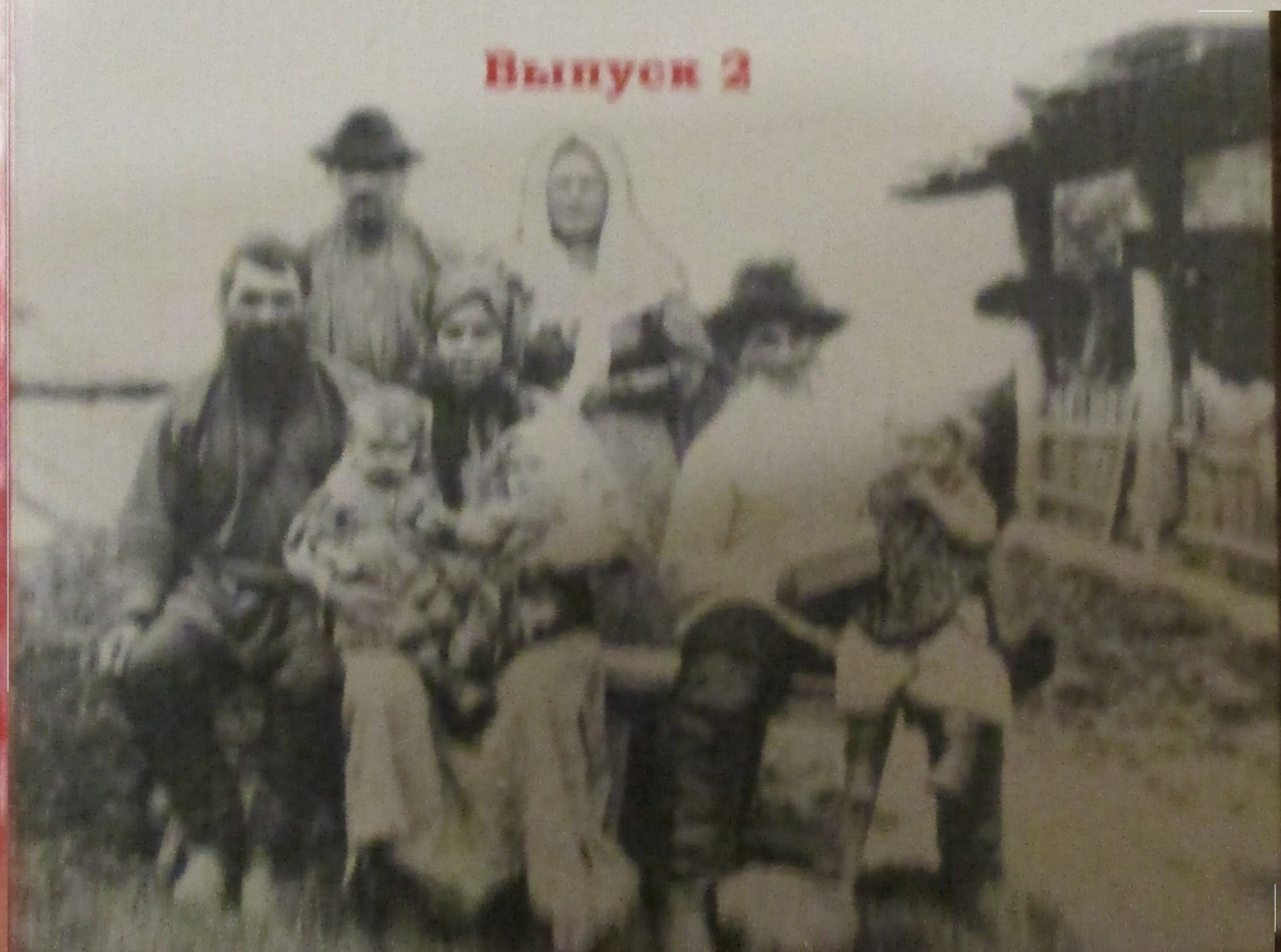

УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕЛОВЕК В ПОВСЕДНЕВНОСТИ XX ВЕКА

Воспоминания и интервью жителей Красноярского края
(о времени, о событиях, о своей жизни)

Выпуск 2

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ГОУ ВПО «КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УСТНАЯ ИСТОРИЯ: ЧЕЛОВЕК В ПОВСЕДНЕВНОСТИ XX ВЕКА

Воспоминания и интервью жителей Красноярского края
(о времени, о событиях, о своей жизни)

Выпуск № 2.

*Хрестоматия для студентов
гуманитарных факультетов
по истории России XX века*

Красноярск 2011

ББК
С 34

Редакционная коллегия:

Андюсев Б.Е., канд. ист. наук, доцент
Ценюга И.Н., канд. ист. наук, доцент

С 34 Устная история: человек в повседневности XX века. Воспоминания и интервью жителей Красноярского края (О времени, о событиях, о своей жизни) / Хрестоматия источников и документов по истории России XX века для гуманитарных факультетов КГПУ им. В.П. Астафьева. / Отв. ред. Б.Е. Андюсев; ред. кол.; Выпуск 2. Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2011. – с.

ISBN
ББК

Составители:
Б.Е. Андюсев
И.Н. Ценюга

Издание осуществлено при финансовой поддержке гранта КГПУ 2011 г.
Проект № 33-09-2/МП.

Устная история – сравнительно новое и актуальное направление исторической науки, позволяющее перейти от изучения «великих людей и событий» к «истории повседневности», микроистории, истории «маленького» человека. Данные исследования позволяют решать проблему формирования и сохранения субъективных источниковых материалов в виде воспоминаний, запечатленных в форме рассказа, интервью, личных записок. Итоги поисково-исследовательской деятельности группы преподавателей и студентов исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева представлены в сборнике «Воспоминаний и интервью жителей Красноярского края (о времени, о событиях, о своей жизни). Выпуск №2.» В ходе продолжения работы по проекту идет формирование банка устных источников по истории XX века на основе устных интервью, воспоминаний, записок и мемуаров, личных документов. Продолжается работа по вовлечению ученых-историков, краеведов, студентов, учащихся в создание Устной истории Красноярского края XX века.

Большинство текстов документов, воспоминаний, интервью даны без фактической и стилистической правки, с сохранением аутентичности рассказов.

Хрестоматия предназначена для использования в учебном процессе на практических занятиях, написания курсовых и дипломных работ, для самостоятельной работы студентов гуманитарных факультетов вуза.

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2011

ИСТОРИЯ «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КАК ЗЕРКАЛО ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА

*Андюсев Б.Е., к.и.н., доцент кафедры
Отечественной истории КГПУ им. В.П. Астафьева*

Сегодня как в исторической науке, так и в исторической публицистике возрастает интерес к малой и местной локальной истории, интерес к «рядовой» личности в бурных событиях прошедших веков. Это является своеобразной реакцией на слишком общие исторические построения, господствующие в течение многих десятилетий. Всё большую популярность приобретает антропологический подход к истории, предполагающий «максимальное наполнение ее «человеческим содержанием». Научный поиск всё более поворачивается от «обстоятельств к человеку»: речь идет о переносе центра тяжести с исследования событий на исследование поведения человека, его мировидения в этих «событийных структурах». Среди новых и динамично развивающихся можно выделить такие направления, как локальную историю, историческую антропологию, микроисторию, социокультурную, религиозную и политическую антропологию и т.д. В большинстве случаев наиболее используемым является понятие «история повседневности».

Все эти направления объединяются тем, что в центре их внимания — человек как производная и как источник исторического процесса. По словам видного сибирского методолога Михаила Борисовича Шейнфельда ныне происходит переоценка ценностных доминант исторического процесса. «Это — человек как центр истории и человеческое измерение прогресса в истории, ментальность общества и изучение своеобразия исторических социумов...». На ведущие позиции выходит «исследование ... форм социальной солидарности», первостепенное значение приобретает «исследование в истории духовно-нравственных и социально-психологический начал».

Появилась потребность оценить возможности проявления человеческой воли в структурах экономических и политических факторов. Важное место занимают ныне ментальные исследования в попытках проникнуть в механизм мышления деятелей прошедших эпох, выяснить мотивацию их поведения, вытекающую из присущего данной эпохе способа мировосприятия. Наиболее ценным оказывается изучение бессознательных характеристик сознания, определяемых традициями, верованиями и социальными поведенческими стереотипами.

История повседневности – отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности – «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет значимость в качестве обыденного и цельного мира, в которой они проживают и взаимодействуют». История повседневности и локальная история по отношению к общей социально-политической истории — есть выраженная малая история или микроистория.

Микроистория — направление в исторической науке, занимающееся рассмотрением малых территорий и популяций (городок, деревня, отдельная семья) прошлого с целью изучения повседневной жизни и ментальности «маленького человека», традиционно теряющегося в истории. Микроисторический анализ предполагает изучение частных явлений, происходивших в жизни отдельных людей прошлого, с целью выявления господствующих представлений и тенденций в обществе в целом. Одновременно микроистория — научно-познавательное направление, сторонники которого исследуют историю повседневности через всестороннее воссоздание жизни «незнаменитых», и в то же время в чем-то нетривиальных представителей того или иного социального слоя.

Причиной появления микроистории явился кризис макроисторических исследований. Во-первых, стали очевидны тупиковые пределы «тотальной

истории» за которыми терялся человек как субъект истории. Ученые стали сосредотачиваться на максимально полном изучении индивидуального объекта и контекста, в котором он существовал, чтобы показать облик эпохи через этот единичный пример. Значимость микроисторического подхода в исследовании повседневности определяется поэтому, во-первых, тем, что он позволяет принять во внимание множество частных судеб. История повседневности стала поэтому реконструкцией «жизни *незамечательных* людей», которая не менее важна исследователю прошлого, чем жизнь людей «замечательных». Во-вторых, значимость микроистории для повседневности состоит в апробации методик изучения несостоявшихся возможностей. В-третьих, описываемый подход определяет новое место источников личного происхождения, помогая пониманию степени свободы индивида в заданных историко-политических, хронологических, этнокультурных и иных обстоятельствах. В-четвертых, именно микроисторики поставили задачей своего исследования осмысление вопроса о способах жизни и экстремального выживания в условиях войн, революций, террора, голода. Микроисторики, изучающие повседневность, озаботились анализом скорее переходных и переломных эпох, нежели периодов стабильности и стагнации.

В определении предмета изучения истории повседневности как научного направления в современном гуманитарном знании нет согласия. Главное отличие между традиционными исследованиями быта и изучением повседневности историками лежит в понимании значимости событийного, подвижного, изменчивого времени, случайных явлений, влиявших на частную жизнь и менявших ее. Здесь историк повседневности анализирует эмоциональные поведенческие реакции, чувства, интересы людей в связи с тем, что его в быту окружает. Он ищет ответ на вопрос, как случайное становится вначале «исключительным нормальным», а затем и распространенным. В центре внимания историка повседневности не просто традиционные проблемы, но их осмысление в условиях инновационных трансформаций. Отсюда наиболее исследуемой проблемой для истории

повседневности стало изучение взаимодействия традиций и новаций в различные периоды истории, и прежде всего, в периоды ключевые, поворотные для социума.

Как видно, в данном направлении историки и исследователи-краеведы работают более с традиционными письменными памятниками. Но в центре их «эго-документы» – именные архивные данные, биография, оценочные анкеты, свидетельства и воспоминания близких, дневники и письма. Все перечисленное в системе позволяет понять человека и его поступки в событийной ситуации, то, что отличает его жизненную биографию – от жизни и поведения других, находившихся в тех же обстоятельствах. Пользуясь психологическим приемом вчувствования (эмпатии), как историки повседневности мы представляем свою интерпретацию чужих мыслей и слов, свой «перевод» с эмоционального языка воспоминаний и документов, тех, кто находится «на расстоянии» многих лет.

В новой постановке научного исследования, в определении методов изучения историк повседневья XX в. имеет возможность расширить свою источниковую базу и за счет свидетельств еще живущих информантов – то есть использовать метод сбора и записи «жизненных историй» на протяжении одной человеческой судьбы или нескольких поколений родственников. Такие «устные истории» становятся для нас не просто сбором материала, но собранный воедино он образует так называемый «вторичный источник».

Одним из ставших традиционными направлений микроистории на основании инструментального, технологического подхода исследования методами устной истории, можно считать историю родословных, историческую генеалогию.

Явление «истории родословных» было наиболее полно реализовано в среде дворянства. На то были ряд причин, которые требуют самостоятельного анализа. Рефлексия купечества и предпринимателей на историю своего рода было связано со стремлением «походить» на дворян, с

формированием династий, фиксацией успехов деловой «удачливости» и пр. Духовенство, дорожа традициями семейственности, старались воспроизводить нравственные заповеди предков, наставления и свою социальную значимость в среде прихожан. Крайне скудны семейные истории «простых» податных сословий — мещанства и крестьянства. Но здесь процветали «изустные» (иногда мифологизированные) семейные предания о предках—героях, участвовавшие в войнах, освоениях новых территорий, об их необыкновенных физических, умственных и иных способностях.

В последние десятилетия в России наблюдается мощный ренессанс в сфере исторической памяти поколений ныне «рядовых» членов российского общества, как среди потомков «именитых», так и «простолюдинов». Многие и многие решили восстановить или создать заново историю своей семьи, своего рода на основе устных преданий и письменных архивных источников. Составление и изучение родословных становится общим делом семьи, помогающим найти контакт между старшим и младшим поколениями. Наблюдается мощный всплеск в обращениях к воспоминаниям старших представителей семейных родов, кланов, семейно-родственных «гнезд».

В многополярности биографий, авторских свидетельств на протяжении ряда поколений, превратностях личных судеб можно глубже осветить весьма значимые и трагичные этапы в истории России. Исследовательский процесс изучения повседневности семьи и рода предполагает объединение отдельных элементов микроисторий в систему с результатами макроистории страны в целом. Видный историк Ю.Л. Бессмертный неоднократно подчеркивал, что микро- и макроподходы находятся в состоянии нераздельности, но и неслиянности. Микроистория, история повседневности, генеалогическая история в ее локальном измерении позволяет увидеть то, чем глобальная история не интересуется; обращает внимание на «нормальные исключения», а не только на типичное; ведет к многомерности видения исторических процессов.

ИНТЕРВЬЮ КАК ГЛАВНЫЙ ПРЕДМЕТ УСТНОЙ ИСТОРИИ

Интервью - это метод сбора информации, беседа с человеком, представляющим интерес для изучения повседневной жизни членов общества в контексте общеисторических процессов. Видами интервью могут быть:

монолог вашего респондента, рассказ о себе, о своих предках, о близких и друзьях, об участии в тех или иных событиях;

диалог с интервьюируемым в виде вопросов-ответов краткого и развернутого типа;

беседа с вашим респондентом «на равных» о различных аспектах и проявлениях прожитой человеком жизни с применением наводящих вопросов, включающая взаимные воспоминания «корреспондента и респондента», оценки событий, и даже столкновение позиций и выводов;

экспресс-анкетирование значительного количества людей на основе анкет, опросных листов, памяток и пр.;

При проведении интервью могут применяться как закрытые, так и открытые вопросы.

В первом случае на поставленный вопрос с вариантом ответа можно ответить только «да» или «нет». Задается для уточнения позиции собеседника, для завершения интервью.

Однако наиболее продуктивным и информационно насыщенным является открытый вопрос, на который информатору предлагается дать развернутый ответ в виде содержательного рассказа.

Для проведения интервью необходимы ряд важных условий и требований.

НАЙТИ СОБЕСЕДНИКА

Поиск человека для проведения интервью зависит от проблемы, вопроса, который вы желаете прояснить. Это могут быть события военного характера,

мирного труда на разных этапах отечественной истории, события детства и юности, студенческой поры и собственно повседневной семейной жизни и пр. Наиболее распространены интервью для записи воспоминаний автобиографического характера, истории жизни и деяний человека в текущих и значимых событиях прошлого.

Для нас важно, чтобы ваш потенциальный собеседник был готов к контакту, готов поделиться своими откровениями «под запись», был способен к оценкам и осмыслению собственного жизненного опыта. Важно и то, что ваш собеседник обладает наблюдательностью, памятью в отношении деталей, имен, дат событий.

Вам необходимо подготовиться к беседе, изучив хорошо исторический фон предмета интервью. Люди пожилые часто оговариваются, путают города и годы, вы же должны быть в состоянии направить разговор в нужное русло.

Если вы еще не знакомы с человеком лично и первый ваш контакт происходит, например, по телефону, не волнуйтесь, даже если поначалу встретите некоторое сопротивление и недоверие. Постарайтесь коротко объяснить, чем вы занимаетесь, заинтересовать вашего предполагаемого собеседника или напомнить ему о прошлом. Постарайтесь мотивировать вашего собеседника, найдите способ, чтобы еще до встречи он начал вспоминать прошлое. В предварительной беседе по телефону постарайтесь определиться с местом и временем встречи.

Помните, что для серьезного интервью необходимо не менее двух свободных часов. Ответы должны быть свободными, без спешки. При этом, если первая встреча будет интересна вам обоим, то вы можете придти к нему несколько раз и сделать многочасовую беседу.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИНТЕРВЬЮ

На результаты интервью влияет место проведения, время года и дня, степень занятости или свободы от работы по дому или на даче. Ваша встреча может пройти в домашней обстановке (обстановка, быт, вещи, фотографии,

личные документы, могут быть важным подспорьем вашему собеседнику), но разговор может состояться и вне домашних условий (образно говоря «на лавочке»). В крайнем случае, если у вас нет другого выхода, если ваш собеседник не согласен на прямую встречу, можно провести один из наиболее сложных видов интервью по телефону.

Наиболее результативной по полноте содержательности, эмоциональной насыщенности, сохранению диалектных особенностей речи собеседника будет запись разговора с помощью аудио или видеоаппаратуры. Прежде, чем идти на интервью, убедитесь, что техника вас не подведет. Не забудьте захватить и блокнот с записями вопросов для беседы, памяток. Если пришли с магнитофоном или видеокамерой, поставьте аппаратуру так, чтобы она как можно меньше привлекала внимание. Неэтично вести запись «скрытно»: это может привести к конфликту и даже чревато юридическими казусами.

Не торопите их и не перебивайте, даже если ваш информатор будет отвлекаться на постороннее, доверительно постарайтесь вернуться к основной теме. Для знакомства расскажите немного о себе. Затем зафиксируйте письменно или на магнитофон имя интервьюера, краткие анкетные данные (по желанию собеседника), тему, место и время проведения интервью. Если ваш собеседник по каким-либо причинам не хочет называть свое имя, а информация крайне ценная, собеседника вы можете обозначить инициалами.

Помните, что для вас важнее не спорить с информатором, не ввязываться в дискуссию, а зафиксировать необходимые воспоминания собеседника. При желании выяснение позиций может продолжиться в последующих встречах. Вам также важно доказать, что не воспользуетесь во вред полученными сведениями. Обязательно предупредите при встрече: «Как только вы захотите сказать что-нибудь не для записи, мы выключим магнитофон. Если вы не хотите, чтобы какие-то сведения остались записанными на пленку, мы можем их потом стереть».

Поощряйте собеседника, но не торопите, не прерывайте, даже если

рассказ выходит за границы ваших интересов, не ломайте стиль рассказа, свойственный собеседнику, ограничьте себя краткими вопросами.

Внимательно слушайте собеседника, только так можно задать по ходу интервью интересный и содержательный вопрос.

Ваш собеседник не обязан доказывать, что он говорит правду или был прав, поступив таким образом.

Крайне важно показать вашу заинтересованность, ваше соучастие откровениям собеседника. Иначе, ветераны, пожилые люди, обладающие большим жизненным опытом и проницательностью, достаточно быстро откажутся от продолжения беседы. Не пытайтесь предупреждать, предугадывать ход его мысли. То, что он думает и чувствует - это часть его истории, его прошлого. «Без гнева и пристрастия» постарайтесь фиксировать информацию, нравится вам это или нет.

ПИСЬМЕННЫЙ ТЕКСТ ИНТЕРВЬЮ

Проведение интервью различных форм большей частью бывает необходимо для создания книг и сборников воспоминаний, тематических публикаций по определенному периоду или проблеме в истории страны или вашей локальной территории. Поэтому так важно не откладывая «на потом» по окончании интервью в самое ближайшее время «перевести» аудио или видео беседу в письменный текст.

Постарайтесь не нарушать в тексте логику, порядок, содержательную полноту, смыслополагание, особенности говора вашего собеседника. Именно эти «мелочи» так важны для раскрытия особенностей времени, личности, событий, субъективных оценок и переживаний вашего информатора.

Если вы ведете письменную запись устного повествования, постарайтесь сразу фиксировать имена, даты, ключевые слова и высказывания, крылатые выражения и поговорки, которые он употребляет. Постарайтесь слушать вашего собеседника как можно внимательнее и, придя домой, сразу же, не откладывая, запишите все, что сохранилось у вас в памяти.

По окончании подробной записи воспоминаний вам необходимо при второй встрече зафиксировать авторство данных материалов личной росписью человека, давшего вам интервью. Во всяком случае, данное требование относится к классическим, в контексте общих требований к достоверности авторских источников устного происхождения.

Таким образом, самое существенное в любом биографическом материале – это соотнесенность частного существования человека с ходом исторических событий. Задача исследователя почувствовать в истории повседневности то, что выражает дух времени, отношение людей к событиям, их мысли, чувства, переживания.

«Человек представляет собой историческое существо — во-первых, в том смысле, что он изменяется, развивается с ходом времени, является продуктом этого развития и осознает свою включенность в историю, а во-вторых, потому что сознательно или невольно воздействует на ее ход» (А. Гуревич).

Настоящая хрестоматия в качестве пособия для гуманитарных факультетов педагогического вуза призвана способствовать более глубокому и прочному усвоению явлений и событий отечественной истории XX века, особенностей общественного развития в Приенисейском регионе (Красноярском крае) и может широко использоваться в учебной работе.

Андюсев Б.Е., кандидат исторических наук,
доцент КГПУ им. В.П. Астафьева

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ЗОИ ФЕДОРОВНЫ САФОНОВОЙ

Интервью записали:
Авдеева Кристина Владимировна,
Щерба Вера Николаевна,
студенты исторического факультета
КГПУ им. В.П. Астафьева

Родилась в 1936 году в Смоленске. В период начавшейся войны жила в Смоленской области в деревне Выставка, где шли немцы карательным отрядом, сжигали все. Немцы шли туда и обратно. И мама встречает Батю («Батя» - командир партизанского отряда) и говорит: «Вот Иван Маркович

скажи, далеко ли нам уходить из деревни?» А он говорит: «Да нет, что вы, мы их не пустим дальше». Однако случилось так, что нам пришлось уходить в лес, который в простонародье назывался Матийский (или Метийский), обживали это место, строили шалаши. И жили, жили в лесу до полета «мушек» (снега), до наступления холода, где-то до октября 1941 года. Уже снег ложиться и к нам приходят партизаны, питались вместе с нами. Приходят и говорят: «Уходите из леса, а иначе вы здесь умрете с голоду». Хотя с собой мы забрали весь скот, чугуны и одеяла и все, все. Семья наша была маленькая я и мама, отец умер, когда мне было три года, сестра уже умерла в послевоенные годы.

В октябре 1941 года мы избрали старосту, и вышли из леса. Деревня наша была большой около 300 человек. Герасима, старосту, отправили вперед, а мы клином, как журавли выходили за ним. Нас тут же немцы взяли в кольцо, и, было слышно, что они говорят: «Партизан, партизан». Партизаны вызывали у немцев большой страх, именно поэтому в лес они старались не ходить. Немцы были очень пугливы, что бы хулиганить. Тогда среди них еще не было распространено мародерство. Взяв нас в плен, они не пустили народ в свои хаты, а заперли в овин, наполненный отработками льна (мякина, костра). В мякине родители простелили одеяла и посадили туда детей, потому что в мякине очень тепло. Детей было много. После, когда немцы разрешили заселиться нам в хаты, они требовали кур, еды. Наплевательски относились к человеческим жизням. На глазах детей вешали партизан, детей просто застреливали, если что-то не устраивало. Копали противотанковые рвы длиною 6 метров вокруг деревни. Но был случай: немцы приехали на мотоцикле, переехали этот ров и партизаны начали в них стрелять, один немец остался жив. В это время мама копала картошку, пришел немец и сказал, чтобы все собрались возле одной хаты. Но был слух, что если возле одной хаты собирают, значит, запрут и сожгут. Мама приходит домой, берет хлеб, меня и мы идем с ней в соседнюю деревню. В конечном итоге нашу деревню сожгли, но жители успели разбежаться.

Детство счастливым у меня не было, но после окончания войны, я чувствовала со стороны мамы опеку, она хотела, чтобы я была здоровой, например, перед школой мама всегда заставляла меня завтракать. Надеть было нечего, но теребили лен, ткали из него штаны (рейтусы), а сверху надевали еще юбчонку. Но зато у каждого были лапти или обувь, вырезанная из шины.

Игры в детстве: девочки старались прядь на веретейке. Из лыка делали фигуры лошадей.

Детство было веселым потому, что ребяташки деревенские кучкавались. У каждого есть бидончик или жнобок (из глины), ходили в лес по ягоду, по грибы, перекликались, чтобы не потеряться, ходили по человек 12, никто друг друга не обижал. Зимой катались на морозянке (залитое лукошко с навозом). Горку заливали сами на покатанных местах, где повыше.

Помню свою первую учительницу Веру Михайловну, женщина из Духовщины, она вела русский язык. Книг не было, была только одна «Родная речь» на всю деревню. Были еще предметы математика, физкультура, писание. Садись в кружок читали, пересказывали, если у кого-нибудь плохо получалось, дразнили друг друга, особенно мальчишки озорничали. Парты были сделаны из 3 досок можно сказать (две перекрещивались и одна сверху). За стенкой хорошо было слышно другие классы.

Чернил не было писали соком ягод, зимой сажей. После, появились невыливашки, в них были чернила, но не у всех они имелись. На переменах играли в апуку (лапта). Мне очень нравилась эта игра. Играли еще в кулик (чижик). В школу ходила за два километра в д. Корево.

Делали сценки про Молодую гвардию, выступали с песнями. Помню свое первое выступление, надо было спеть песню: «я на камушке сижу, я топор в руках держу...». Очень старалась, было смешно, ну старалась не фальшиво петь. Была сцена.

Где-то в 1951-1952 году мы с мамой переехали, мама завербовалась на

торфо- разработки под Смоленском в городе Пярцево. В деревне Ольхова в 1953 году я закончила 7 классов. Тогда еще была семилетка, почти как институт сейчас, это было счастьем получить 7летнее образование, этим гордились. После окончания школы, я решила поехать в сам Смоленск и мама дает мне 50 рублей и я еду поступать в техникум, чтобы быть агрономом. Хорошо было с русским, но я его сдала на 2, сразу же свой первый экзамен. Потратила все деньги приехала домой не с чем.

Так как я была активной участницей в художественной самодеятельности, комсомолкой. Я иду сама в райком комсомола и прошу меня устроиться на фабрику ученицей ткача. Приняли меня в школу ФЗУ на ученицу ткача, учусь год, активно участвую во всех общественных мероприятиях (художественных, даже спортивных). 6 лет там работаю, там же выхожу замуж, в 22 года рожаю первого ребенка. 1958 году приехала в Красноярск. Работала на шелковом комбинате в Красноярске.

Из всех кого я любила и уважала большего всего бабушку, которая была очень ко мне добра. С ней я жила, когда заканчивала школу. Жалею, что не была на ее похоронах.

Бояться было не кого, самое страшное было пойти в лес и наткнуться на мину. Очень много людей подрывалось на минах, некоторые пытались их разминировать. Например, из этих ящиков в которые укладывались мины, снаряды, они были алюминиевые- переплавляли и делали ложки, чашки для себя. Из коры березы делали деготь и продавали его. Я старалась сеять табак на продажу, рубила его в корыте. Продавала стакан табака за 1 руб. На заработанные деньги покупала книжки по возможности. В основном книги о

войне. Любила Бориса Полевого; про «Молодую гвардию» читала; «В лесах Смоленщины».

Старалась дружить с теми кто беднее, с ними было проще и безопаснее.

Сталина народ настолько чтит, его считали, что не на есть спасителем. Особенно когда шла война, защита Ленинграда. Когда Сталин заболел, возле радио которое висело на улице, собиралась толпа народа, чтобы послушать какое состояние сегодня у Сталина. Смерть Сталина застала меня на работе. В это время остановилась работа всех фабрик и заводов, был рев, народ плакал, плакала и я. Было жалко вождя. Похороны Сталина - была утрата для всего народа.

Вера в бога была, многие молились.

Капризным ребенком я не была, меня воспитывали всегда не кричать, не лезть вперед и т.д. Самое постыдное для меня было, когда муж ушел от меня и бросил меня с 3 детьми.

«РЕВОЛЮЦИЯ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, ЭТО БЫЛО ТАК ДАВНО, ЧТО И ЗАБЫЛОСЬ МНОГОЕ...»

Воспоминания записал Андюсев Борис Ермолаевич,
доцент исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Мария Павловна Ильина (Бицуцкая) 1916 года рождения, проживает в Красноярске, в микрорайоне «Взлетка». В августе 2011 г. ей исполнилось 95 лет. Несмотря на преклонный возраст и проблемы со здоровьем, она полна оптимизма, живо интересуется происходящими событиями, по мере сил помогает внучке в уходе за правнуками. Она старается выполнять посильную работу по дому: гладит белье, иногда печет пироги, моет посуду. Баба Маня, как ее называют все ее многочисленной семейство, по-прежнему читает книги, живо интересуется происходящими в стране событиями.

Память у нее по-прежнему цепкая, как выражается, жизнь долгая, от царя Николая, до «капиталистов». По мнению Марии Павловны, - работа, жизнелюбие и любовь близких и родных, – вот и все секреты активного долголетия.

Она прекрасно помнит даже события гражданской войны, которые сейчас представляются далекой от нас историей...

«Родилась я в 1916 году 5 августа. Мы жили в деревне в Черниговке в Приморском крае. Это было большое село, красивое, чистое и ухоженное. Я прожила в Черниговке с родителями до 7-и летнего возраста, где-то наверно до 23 года. Потом мы уехали во Владивосток. Там я проучилась в школе 10 лет, после школы больше нигде больше не училась. Работала сначала счетоводом, потом бухгалтером всю жизнь.

Родители крестьянствовали. В семье у нас было пятеро детей. Старший брат Леонид был, в 14 лет ушел в партизаны в тайгу за Советскую власть. Когда японцев прогнали из Приморья, Леонид ушел работать в уголовный розыск. До самой смерти был в этих органах и работал. Начальником даже уголовного розыска служил во владивостоке. Про партизанство сильно подробно не рассказывал, но были у него документы об этом. (По документальным источникам известно, что около десятка молодых партизан из с. Черниговка были в партизанском отряде Сергея Лазо – Б.А.). Как ушел в тайгу, мама моя сошла почти с ума, что он пошел в отряд. Боялась, не живой ли уже. А мне было тогда 4-5 лет, но помню, что она стала как совсем ненормальная от переживаний. Даже до такой степени, что залезла под русскую печку, где дрова складывают, и сказала отцу: «Если привезешь живого, я тогда только вылезу».

Отец поехал и где-то в тайге разыскал отряд, и Леонида отпустили под расписку дня на два. Мама как увидела, так только и поверила что Леня живой. А любила она сына по-особенному, как любят первого ребенка, до самой старости. Леонид потом воевал в войну, пришел с фронта, в 45 лет

заболел воспалением легких и умер уже после войны. Он был на фронте командиром, имел звание.

Второй брат Александр пошел во Владивосток работать, плавал на пароходе кочегаром, потом перешел на завод работать. А уже позднее уехал в Томск учиться. Учился хорошо, закончил с отличием. Приехал не помню уже когда. Потом работал, а в 37-м году, когда началась вот эта «свистопляска», получилось вот что. Жена Александра раньше была вместе со своим отцом в Монголии. Отца ее отправило наше государство советское, и она в анкетах написала, что была за границей. Работала она на ответственной работе фармацевтом. И вот, узнав об этом, жена начальника отделов кадров написала докладную, что у него работает такая-то фармацевт. А жили мы уже на станции Большой Невер. И ее арестовали. И отсидела жена брата в тюрьме два года. А Саня от всех этих переживаний еще до войны умер совсем молодым. Невестка, вернувшись, жила потом в Невере, потом еще на фронте побывала. После фронта приехала ко мне, а мы уже жили в Красноярске. Дали ей телеграмму и она приехала ко мне. С нашими прожила год-два и уехала. Отец и мама наши умерли уже в Красноярске.

Про царя не помню, я была маленькая еще. Первое, что я помню, залезала на печку, когда к нам заходил поп. Я его боялась. Это видимо еще была война (гражданская) и голодно было. Поп приходил, чтобы подали ему поесть что, но мама ничего не могла дать, не было.

Из того времени помню интервенцию. Японцы в деревне ходили по домам, расправлялись с людьми. Мама нас берегла, на старшей сестре как-бы спала когда заходили они, прикрывала собой. Сестре было лет 10-11 уже, я то была ребенок. Меня не трогали. Но я страшно их боялась, потому, что японцы страшными такими казались. Было же мне всего 4-5 лет. Зайдут к нам, страшно оскалятся, зубы выкалят свои, начинают лопотать по-своему, ищут что-то съестное, а брать у нас нечего было кроме нас. Как дальше на улице, в селе себя они вели, кроме того, чтобы заходили в дом, не помню.

Мы жили еще в Черниговке, когда красные пришли, и стрельбу помню.

Сильно грохотало. Нас в подполье запирали, как начинали стрелять, мы там и сидели. Потом уехали, мне было 8 лет, во Владивосток. У нас кроме коровы не было. Отец мой по национальности еврей и когда он служил в армии, а жил он тогда в Чите, то он перекрестился в русскую веру. Там и женился видимо. Мать была родом из села Сретенка тоже из Приморья. Отц у нее, мой дед, был ломовым извозчиком. В семье мамы было 4 детей, сын рано умер, и отец обеспечивал их, перевозками занимался. Дед мой был очень здоровый, крепкий мужик. Но уже позже маминих родителей раскулачили, мать умерла, а отца мы забрали во Владивосток. Раскулачили их, отобрали все, но не ссылали. После этого как поженились, родители наши оказались в Черниговке и прожили там очень долго.

А потом переехали во Владивосток в 24-м году, когда мне было 8 лет. Мой отец во Владивостоке работал завхозом. Сначала снимали частную квартиру, а потом отец с помощью людей построил свой дом большой в четыре. Дом был хороший, но правда холодный, не штукатуренный долго стоял, денег не было, а потом 37-й год начали, уже и не стали... Мать сидела дома не работала. Отец был грамотный почерк красивый. Завхозом и завскладом одно время, грамоты хватало.

Жили так в городе. Потом старшие ребята пошли работать Леонид не жил с нами. Александр плавал кочегаром на пароходе. Леонид работал в угрозыске, жил отдельно. Жил отдельно Отец один работал. На шее было три девчонки. Но жить постепенно стали ровно. Даже у нас машина была швейная, «Зингер» называлась. Мы ее купили уже во Владивостоке.

Когда сестры подросли, пошли работать. Сначала сестра Зинаида работала на фабрике, потом продавцом. Вторая сестра Вера вышла замуж, уехала от нас с мужем в Красноярск. Осталась я одна у отца.

Учителя в школе были хорошие, дети тоже. Было общее обучение двочек и мальчиков. Мальчишки не баловались не курили как сейчас, не видели в школе во всяком случае. Классы были большие, в нашем классе было человек 30. Богатых сильно е было, хотя жили неровно. Мы жили

неважно, но различия не было.

Я дружила с девочками; у одной при НЭПе у отца был пивоваренный завод. Его раскулачили, но друзья пристроили на пароход работать бухгалтером. Семье оставили одну комнату в доме и они там жили, а отец их плавал. Жили они все же неплохо. Другая подружка, - из семьи учителей и бабушка, и мама ее, и они жили неплохо. Мать преподавала литературу и мне никогда, никто не сказал: «Почему ты ходишь в одном и том же платье?». Они приходили к нам и с удовольствием ели, что у нас на столе было. Но очень трудно стало в 33-м году. Не было хлеба даже. Хлеб нам давали по кусочку в школе. Голодно было.

Я была пионеркой в школе. Школа была 2-х или 3-х этажная на Пушкинской улице. Игры пионерские были. Ездили отдыхать на Русский остров. Там был пионерский лагерь. А теперь хотят этот остров засроить или уже застроили, а в то время был пионерский лагерь. Макулатуру собирали. Во всех мероприятиях с удовольствием участвовала. Ходили к бедным, у которых жети не учатся, приглашали в школу, помогали им. Всё делали тогда, организовали так, чтобы дети учились все.

Праздники в школе были советские, 1 Мая, День 7 ноября. Встрчали. Концерты были. Старшеклассники ходили в клуб для иностранных моряков. Там мы должны были посещать, велели нам. Мы танцевали с моряками, разговаривали, рассказывали им про советскую жизнь. Мы в школе изучали английский. Я правда особо не любила туда ходить.

В комсомол не вступала, нас просто перевели в комсомольцы из пионеров. Все мероприятия с удовольствием. Куда нас не пошлют, везде участвовала. Физкультура была, труд был, вот что вспомнила. У нас была мастераская с напильниками. Законочила школу 10-летку. Пошла я работать счетоводом, потом бухгалтером.

Замуж вышла в 38-м году. Муж был электриком, Ильин Константин Георгиевич. Был членом партии. Тоже житель Невера. Жили они сначала в Ниженеудинске Отец их был из крестьян. Детей было 8 человек в семье. А

во время войны муж работал в Тынде, заведующим электроцехом. Я жила в Невере, а его отправили в Тынду, потом в Алдан.

Я поехала к нему с доченькой. Жила там немного а потом началась война. Про войну в 41-м узнала по радио. Это было рано утром уже на второй день. А Костя остался там. Занимался подготовкой призывников. Ушел на фронт. И пришел с войны толшько в декабре 45-го, под Новый год. Он был офицером. Награды были. Писал письма. Когда его ранило, я получила письмо, что его ранило в руку. Я рада даже была, что в руку, слава Богу, живой. После госпиталя опять воевал а потом война закончилась Воевал где не помню. А потом после войны пошел на фабрику. Кажется в Польше закончил войну. В билете могу показать где был.

В Красноярск тогда до войны переехала моя сестра Вера. Муж ее работал инженерном на мясокомбинате. С началом войны мы остались одни и переехали к сестре в Красноярск. Когда переехали, я так же стала работать бухгалтером на мясокомбинате. Потом приехали мои отец и мама. Мы жили по Лебедевой дом 110. Этот дом до сих пор стоит. Угол Оброны и Лебедевой слева. Напротив по Оброны был магазинчик, баня была на Марковского. Базар был рядом. Мост через Качу старый. Этот уголок города мне до сих пор очень нравится. Асфальта не было. Простая улица была. А уже впоследствии в 50-е годы мы стали жить по Красной Армии, в доме-сталинке до середины 90-х годов.

Так всю жизнь проработала на мясокомбинате. Была просто бухгалтером и главным бухгалтером работала. Пока на пенсию не ушла в 1971-м году...

«СЧИТАЮ, ЧТО ТРУДИЛСЯ НЕ ЗРЯ!»:

ЗАЙЦЕВ Н.И. (09.02.1930 – 30.09.2007)

Воспоминания подготовили к печати дочь и внук Николая Ивановича

– Хоменко Вера Николаевна и Хоменко Денис Юрьевич,
студент 5 курса исторического факультета им. В.П. Астафьева

Денис Хоменко: «Мне бы хотелось рассказать о судьбе моего деда, Николая Ивановича Зайцева. Этот человек за свою жизнь переменил множество профессий и мест работы. Долго работал на Севере, а последние годы живёт в городе Котельниче Кировской области, где прошло его детство. Ему 74 года, он на заслуженной пенсии, ибо всю жизнь трудился, не покладая рук. О его профессиональной деятельности и пойдёт разговор».

-Сколько профессиями ты овладел за свою жизнь?

-В зависимости от того, откуда считать. С самого начала?

-Да, с самого.

-В войну был колхозником. Работы начинались в 4 часа утра, поэтому приходилось вставать в 3 часа ночи, чтобы прийти одним из первых и получить работу на лошади. Заканчивались работы в 21 час. Зато никто в колхозе в войну не голодал. С 47-ого года уехал на учёбу в Кировское железнодорожное училище № 1. Проучившись два года, получил профессию помощника машиниста паровоза. Однако паровозы мне водить не довелось. Я был направлен на курсы электромехаников паровых электростанций, в город Кудымкар.

В 1950-ом году, после получения специализации, работал электромехаником до декабря 52-ого года, когда был призван в армию.

-Какова была твоя специализация в армии?

-Год учился в полковой школе, получил звание сержанта. Был назначен начальником зарядной станции дивизиона.

-А в чём состояла работа?

-Поддерживать все аккумуляторные батареи всего транспорта дивизиона в исправно состоянии.

-В каких же это войсках?

-Ракетные войска. Тогда это было секретное оружие. Когда мы перевозили ракеты с места на место, их клали на платформы, которые цепляли к автотягачу. А ракеты закрывали щитами, на которых рисовали домики. Создавалась иллюзия, что тягач перевозит дома.

- А что ты делал после демобилизации? Как сложилась твоя судьба?

-Работал электромонтёром. В 1956-ом году случилось большое несчастье – оборвавшийся металлический трос попал по мне и перебил мышцы на ногах, а кроме того, выбил все зубы. Страшное было дело. Но ничего, оклемался, хотя долго не мог ходить. А зубы новые почему-то не выросли, пришлось обходиться вставной челюстью. Позже работал на Урале, где родились две дочери, потом на Кузбассе, где строил Южно-Кузбасскую ГРЭС, после чего вернулся на малую родину – в Кировскую область.

В 1961г. поступил в 7-ой класс вечерней школы, в 1966 г. закончил одиннадцатилетку и сразу поступил в Ивановский энергетический техникум, где получил специальность техника-электрика. Одновременно с учёбой работал инспектором по Энергонадзору. В 72-ом был назначен начальником Котельничского отделения эноргонадзора.

-В чём состояла твоя работа, каковы были обязанности?

-Руководить персоналом участков на местах, в 8-ми районах. В задачи Энергонадзора входило: проверка технического состояния всех электроустановок, допуск к эксплуатации новых установок, контроль за режимом экономии электрической и тепловой энергии. Наши сотрудники были одними из лучших, а на областных соревнованиях мы брали первые места.

-Как ты оказался на Севере?

-Осенью 1980-ого года по договорённости с администрацией энергонадзора «Тюмень-энерго» мне прислали вызов для работы на Север. Был направлен начальником Северного отделения энергонадзора по Ямало-Ненецкому автономному округу, город Уренгой.

-«Чубайс местного разлива»?

-Если бы. Чубайс – он кто? Собственник. Он никогда к работе и не прикасался. А мне пришлось много поработать. Многое испытать. Например, надо было дать добро на запуск подстанции в отдалённом населённом

пункте, куда добраться только вертолѐтом. А как я дам добро, ежели его в глаза не видел? Пришлось лететь, но не в рабочий день (тогда дел и так невпроворот), а в воскресенье.

-Когда ты вышел на пенсию?

-Фактически это произошло в феврале 1990-ого года, но в Уренгое я работал до мая 92-го года, а потом переехал в Свердловск, где нам с женой дали квартиру. Однако в ноябре 92-го года я уехал в Ханты-мансийский автономный округ, в город Нягань, где проработал до февраля 1996 г.

-А что заставило тебя выйти на работу?

-А я не могу сидеть без дела. Вот и сейчас, когда я живу в Котельниче на пенсии, я каждый день езжу на дачу. А зимой гуляю часа два. Ну а кроме этого, в 1992-ом году пропали все мои сбережения. Вот и пришлось срочно заработать на старость, которой лишила нас Ельцина банда.

-Какая банда?

-Это у меня стихи такие есть. Я на протяжении всей жизни иногда писал стихи. И у меня есть такая эпитафия:

Детство школьное наше Война отобрала, отринула,
Юность прошла в непосильных, бессонных трудах и глуши.
Всю жизнь мы трудились, чтоб крепла держава родимая,
А Ельцина банда лишила нас старости, отняв трудовые гроши.

Интервью Дениса Хоменко с Н.И. Зайцевым, опубликованное
в «Красноярской газете» 14 мая 2004 года № 36.

ВОСПОМИНАНИЯ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ЗАЙЦЕВА

(Род. 09.02.1930 – ум. 30.09.2007)

Зайцев Николай Иванович

Дошкольный период. Родился я 9 февраля 1930 г. в д. Шушканово, бывшего Макарьевского р-на (сейчас Котельничский р-н) Кировской области. Там я прожил до 1 сентября 1947 года, то есть до 17 лет.

Шушканово в то время насчитывало 45 дворов. Деревня расположена на высоком берегу р. Молома, которая в этом плесе делала дугообразный поворот.

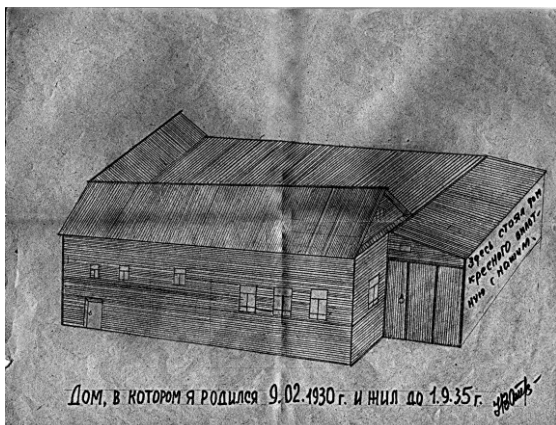
Особенно прекрасный вид открывался, когда выйдешь на край берега (горы). До сих пор вспоминаю заречные дали, что открывались с высокой горы и отблески первого раннего солнца, что отражались от чистой воды.

Дом, в котором мы жили (и где я родился) стоял на одной усадьбе с домом двоюродного брата моего отца на одном огороде, разделенном заплотом. Отца звали Иван Кондратьевич, а мать Клавдия Васильевна Зайцевы. В семье я был пятым ребёнком. Первые две сестры, Анна и Тоня, соответственно с 1919 и 1922 года, два брата, Алексей и Александр, соответственно с 1925 и 1927 годов. Отец с 1900, а мама с 1901 гг.

Наше строение было очень большим. Все наши постройки: дом, клеть, дворы - были под одной крышей, расположены буквой Г, и всё было обшито снаружи обойным тёсом. Изба с тремя окнами на дорогу и двумя окнами к воротам в ограду, очень большие сени, далее клеть с подвалом, затем поворот и дальше дворы с сеновалом. Из сеней были вход в клеть и на сеновалы. Ограда была большая, колодец был в ограде. В том доме мы жили до 1935 года.

Ввиду того, что усадьба была маленькой, родители были вынуждены переехать на освободившуюся усадьбу в дом маминой сестры, Анна Васильевны, которая с семьёй переехала в Мурманск в 1934 году. Семья у них была большая, шестеро детей. Они уехали из-за обиды на колхоз. Ими было сдано много добра в колхоз, в том числе прекрасная лошадь по кличке Стрела, в округе не было такой лошади (она работала в колхозе до 1946 г). Когда им нужно было работать на лошади, то им давали какую-нибудь клячу, а не их Стрелу. Вот из-за этой обиды дядя Фёдор Дмитриевич покинул деревню и уехал в Мурманск. Я узнал об этом от моих родителей.

В старом доме я жил до 5 лет и запомнил из той жизни не очень много. Однажды, когда мне было года 3, я бродил в огороде и забрел в грядки

Дом, в котором я родился 9.02.1930 г.
Рисунок Н.И. Зайцева

соседей, выдрал морковку, и это увидел их седой дед Василий и погнался за мной с клюкой, заругался. Я испугался, убежал в подвал, спрятался за кадки и сидел там долго, боялся выйти. Меня начали искать и нашли.

В детстве я рос худеньким, белобрысым ребенком, хорошо контактировал со взрослыми людьми, и они меня как-то баловали (смеялись). Однажды у нас с неделю жили и катали валенки мужчины, Артем и Андрей. Мне в то время было 3-4 года. Я им пел песни (частушки), сидя на печи или полатах, а они мне платили деньги монетками по одной копейке за частушку.

Колхоз в деревне был организован летом 1930 года, т.е. в год моего рождения, и назван к-з им. Чапаева. Это имя он носил до 90-х годов, несмотря на все перестройки и слияния. На первые годы был прислан чужой председатель, какой-то тысячник Мациевский, были бригадир и счетовод.

До образования колхозов, если в семье рождался мальчик, то на него выделялась земля. Вот и при моем рождении была выделена земля, родители её засеяли, а убрать не удалось, т.к. создали колхоз. Я ещё помню в колхозе нашу лошадь Белогривку и нашу корову Красулю, которых отдали в колхоз.

Зайцев Иван
Кондратьевич

Счетоводом был Михаил Моисеевич, молодой ещё неженатый человек. Я к нему часто бегал в контору, с ним болтал, и это его забавляло. Помню, в то время привозили немое кино, он всегда продавал билеты, а меня всегда пропускал бесплатно. Кино показывали в конторе (дом

раскулаченных Зайцевых). Для показа кино крутили руками динамку, которая вырабатывала эл.ток. Как правило, для этого пропускали бесплатно взрослых парней и мужиков. Их пропускали столько, сколько было частей кино. Каждый выкручивал одну часть. Часть длилась около 10 мин.

Мои старшие братья, Алексей и Александр, учились в школе, и я от них очень рано научился считать до 100 и более. Был в деревне кузнец, молодой здоровый мужчина Дмитрий Александрович (звали Митька Алексанев), слыл он смелым Митькой-резкой (они зарезали мужа с женой раскулаченных). Когда он шел в кузницу, если встречал меня на улице, звал к себе в кузницу и давал считать выкованные болты, гайки, гвозди и укладывать по полкам.

Зайцева Клавдия
Васильевна с внуком
Николаем

В доме Петра Васильевича, что жил с нами на одной усадьбе, жили два старых человека, Николай Харитонович и его жена Пестеминия. Они были из раскулаченных. Детей у них не было. Жили они за счет сбора ягод, грибов, косили сено и продавали, выращивали картофель и овощи. Я постоянно к ним ходил. Николай Харитонович очень любил пить чай и меня садил с собой. Он садился пить чай с полотенцем на плече. Самовар стоял на столе и кипел. Выпивал он стаканов по 6-8, потел и обтирался полотенцем. Сахар, конечно, экономили.

И мне давали кусочек сахара на стакан чая. Я чай выпивал без сахара, а сахар после сосал во рту, чтоб на дольше хватило.

У моих крёстного с крёстной был один сын, на 2 года старше меня, но они его опекали и ничего делать не заставляли. Когда нужно было устанавливать ткацкий станок (его всегда устанавливали весной ранней), Настасья звала меня подавать нитки утка, в нитеницу и бердо. Я сидел иногда по два часа, а за работу мне всегда давали куриное яйцо. Таков был порядок, или какое поверие, не знаю.

Помню один эпизод. Когда мне было 3 года, в конце лета созрела

черёмуха, родители были в поле на работе. Мы с братьями ушли к черёмухам, что стояли за нашей усадьбой. Собралось много ребят, забрались на черёмуху, а я остался под черемухой собирать ягоды, что мне оттуда кидали. Черемуха росла наклонно над косогором, ствол у неё уже был подгнивший, и она, не выдержав нагрузки ребят, сломалась. Чужие ребята испугались и разбежались. К счастью, ствол черемухи упал возле меня, и меня только поцарапало ветками. Братья вытащили меня из-под черемухи. Когда вернулись родители, братья решили не говорить, почему сломалась черемуха, и сказали, что был вихрь и сломал черемуху, хотя родители этому не поверили.

Когда переезжали в дом на новой усадьбе, мы с мамой ночевали в нем вдвоем. В старом доме полати были ограждены перилами, а здесь перил не было, и в первую же ночь я сонный упал с полатей на пол. Высота была около 2 м, и я сильно разбил нос.

Когда мы переехали на новую усадьбу, мне уже шел пятый год, появились и новые дружки. Чаще всего ко мне приходили играть соседские мальчишки, они были чуть моложе меня. Нас, малышей, всегда охраняли, чтоб мы одни не убежали к реке и не утонули. Ходили к реке только со старшими братьями. Они нас учили плавать. Каждый ребенок в нашей деревне в 5-6 лет уже умел плавать сколько-нибудь.

Мои братья учились в школе села Красногорье за 7 км, домой приходили на выходные дни, а там жили у бабушки, маминой матери. От братьев я очень рано научился считать до тысячи, а самое главное, до школы научился считать обратно от тысячи и до единицы. Ещё до школы я знал весь алфавит, умел складывать слова и немного читать и писать.

В 1932-34 годы девочки, учившиеся в 6-7 классах, занимались со взрослыми и пожилыми людьми, учили считать, читать и писать. В деревнях были так называемые ликбезы (ликвидация безграмотности). Учились в основном женщины. Мои родители окончили в детстве по три класса и считались грамотными. Прошло время и подошел 1937 год, мне исполнилось

семь лет.

Школьные годы. Летом 1937 года пришла в деревню учительница Ступникова Параскевия Яковлевна записывать ребят в школу в первый класс. Родителей дома не было, и я записался в школу.

Родители решили меня в школу не отдавать ещё год. Вероятно, потому, что я рос маленьким и худеньким, а школа была за три километра, в д. Кошечевы. Кроме того, они не были готовы с одеждой и обувью. А я постоянно говорил дома, что пойду в школу, хотя родители не очень верили моей настойчивости.

Наконец, пришло 1 сентября, ребята пошли в школу. Из нашей деревни в школу ходили около 40 человек и из Кошечевы еще около 30 человек ребят. Книги для 1-го класса у меня были от братьев, букварь и другие, но они мне их не дали. Ребята меня сманили, и я с ними ушёл в школу. Хотя меня в списке не оказалось (видимо, родители просили вычеркнуть), в школе меня вновь внесли в список, когда я сказал, что умею читать, считать и писать.

Так я стал ходить в школу без разрешения родителей. Проходил месяц, и уже по ночам стало подмораживать. Вот тогда-то меня и решили остановить со школой. Не дали обувь, но я пошел босиком. Старшие ребята меня выручали: где трава - они меня несли на руках по очереди, а по песку я шел сам. Родители после этого сдались, и я стал законным учеником. Все четыре класса начальной школы я был первым учеником по успеваемости в своем классе. Особенно легко мне давалась арифметика, задачи 3-4 классов.

Со мной учился соседский сын Вася, часто его мать Варвара сама приходила и просила ей объяснить, как решается та или другая задача. Сам Вася приходил списывать задачи, приносил куски сахара. Сын крестного Колька был на 2 года старше меня, учился со мной в одном классе и всегда просил дать ему списать контрольную работу или план решения задачи, заданной на дом, рассчитывался со мной мелкими монетами.

В колхозной конторе в нашей деревне стоял шкаф с книгами, их можно было брать и читать дома. Библиотекарем был ученик 7 класса, живший по

соседству, Василий. Он давал книги читать и записывал в тетрадь, как в библиотеке.

В январские морозы многие первоклассники домой не ходили каждый день, а ночевали на квартире. Жил рядом со школой раскулаченный мужчина Костя со своей бабкой, у них был 2-х этажный полукаменный дом, в нем мы и квартировали.

12 декабря 1937 года проводились первые выборы в Верховный Совет СССР. Избирательный участок был в доме этого Кости на втором этаже, на котором они не жили. Мы возле дороги в поле в снегу выставили лозунг: «12 декабря 1937 года День выборов в Верховный Совет СССР» крупными буквами по 2 м высотой. В этот день был большой праздник.

Зимой 1937-38 года моя старшая сестра Анна вышла замуж в небольшой починок Бересневы, за Степана Петровича, сына Петра Кондратьевича. В их семье было три сына, четыре дочери. Степан был вторым сыном.

Починок находился в 2-х километрах от нашей деревни. В то время их считали зажиточными людьми. Петруша работал кузнецом, держали много гусей, пчел и другого скота. В январе 1939 года у сестры родился сын Вячеслав. Второй сын родился летом 1940 года, назвали Николаем. В конце 1939 года Степана призвали на Финскую войну, с которой он вернулся летом 1940 года. После возвращения он работал председателем колхоза «Примоломский», в котором было пять маленьких деревень. Летом 1941 года Степана призвали на Отечественную войну, с которой он не вернулся.

Сестра Анна осталась одна с двумя детьми на руках. От родителей Степан отделился, и мне приходилось ей помогать во всем с детьми. Моя мама все время работала на ферме, доила и кормила коров, отец был больным, признавали туберкулёз и в армию не взяли.

В 1940 году мой старший брат Алексей после окончания 6 классов ушёл учиться в г. Халтурин в ремесленное училище, по специальности столяр. Второй мой брат Саша перешел учиться в нашу школу в 4 класс, и мы стали ходить вместе. Но он не доучился до конца учебного года, бросил и начал

работать в колхозе. Учёба ему давалась сложно и трудно.

В 1941 году, сдав успешно экзамены за четвертый класс, я был переведен в 5 класс. Поскольку у Кошечевых была только начальная школа, я должен был идти в школу с. Красногорье.

Это было лето начала Отечественной войны, страшное лето горя и слёз людских. В то время в деревнях не было ни телефонов, ни радио, и все новости можно было узнать из газет и от нарочных из сельсовета.

23 июня из сельсовета приехал нарочный и сообщил о начале войны. Сразу же привёз несколько повесток мужчинам на призыв в армию для отправки на фронт. Кончилось мирное время, и начались тяжёлые дни для всех людей России. Помню, в первые дни войны привезли к Кошечевым

Братья Александр и Николай (справа). 1943 г.

два кино, «Чапаев» и «Пугачев», и показывали бесплатно. Тогда уже кино было звуковым, и ездили с передвижной эл.станцией.

С этого времени начались повестки, проводы, песни, слезы прощания, наказания. Для многих односельчан это были последние слова. Забегу вперед и сообщу статистику войны: из нашей деревни Шушканово в 45 дворов на войну было отправлено 36 молодых здоровых мужчин и парней, из них погибло 23 человека, инвалидами вернулись 5 человек. Наших дальних и близких родственников в войне участвовало 10 человек, из которых погибло 8 человек, один вернулся тяжело раненым, и только один вернулся без ранений.

Для перехода в Красногорскую школу мне необходимо было представить свидетельство о рождении. Так как мы дома не могли его найти, то мне пришлось дважды ехать в район, село Макарье за 20 км, в ЗАГС. Первый раз я ездил с молодыми парнями, которых призывали на войну. Из

них были 2 Вениамина с 1922 г.р. и Василий 1923 г.р. и Дмитрий 1922 г.р. Из них ни один не вернулся с войны. Второй раз ездил с тремя мужчинами, из них один не вернулся, один пришел без ноги.

В деревне фактически остались несколько стариков, женщины и подростки. В то время, особенно в начале войны, все дети работали в колхозе, кто учился - работал летом, а кто не учился, работал круглый год. Дисциплина в нашем колхозе была до войны, и особенно в войну, очень крепкая, что и помогало справляться с горем всем семьям, оставшимся без мужей и отцов. Действительно, дисциплина была «чапаевской», коллектив гордился этим именем и частушки складывал про свой колхоз. Например:

Все по бережку, по бережку

Чапаевцы идут,

Они отчаянные головушки –

Гуляют и поют.

Голубая лента вьётся против нашего села

Где чапаевцы гуляют – там вечерка весела.

Осенью 1941 года к нам в деревню привезли пять семей, эвакуированных из Карело-Финской республики, в основном были женщины с детьми. Среди них были пожилой мужчина Никандр Филимонович с женой Марусей. Никандр был отличным плотником, он так и жил в деревне до конца своих дней, не захотел уезжать на родину. Все эти люди были такими же трудолюбивыми и выносливыми, как наши. В весенние паводки их женщины вброд на реке в заливах ставили сети для ловли рыбы и этим нас всех удивляли.

В пятый класс до Нового года нас ходило в школу человек 10, но с зимних каникул многие побросали школу и из ребят мы ходили втроем с Зайцевым Мишей и Едоминым Николаем. Расстояние до Красногорья было 7 км. Я домой ходил только на выходные дни, а жил, т.е. стоял на квартире, как тогда говорили, у бабушки, маминой матери. В семье у них были тетя Надя и трое детей: Нюра, Иван и Вася.

Вспоминаю один случай, зимой 1943 г., когда меня попросили прийти домой на неделе. Учился я во вторую смену и после уроков вечером я пошел домой на лыжах, было уже темно. По дороге встречался один лес с названием «Раменье» Дорога была 7 км, а лес стоял в 2-х километрах от деревни. Про этот лес ходили дурные слухи, кто бы ни шел по нему в ночное время, всем показывались невероятными истории (по-нашему, «млило»).

Я на лыжах решил идти напрямую не по лесу, а возле него по опушке. На опушке леса стоял один дом, где жили дед с бабкой. Они были единоличниками (так называли людей, не вступивших в колхоз при коллективизации). Возле леса идти было удобней – немного под уклон. Когда я уже прошел более половины леса, мне послышался чей-то голос. Я оглянулся назад и увидел сзади себя, метрах в 40-50, великана, который размахивал руками. У меня от испуга волосы поднялись под шапкой дыбом, я кинулся быстрее бежать. Огонёк в окне того дома немного светился, и я бежал прямо на него. Сзади слышал только такие громкие слова: «Ага, догадался!»

Добежал до дома быстро, ни разу не оглянувшись назад. Оглянулся только у ворот дома и ничего не увидел. Постучал в ворота. Вышел дед Костя с фонарём, узнал меня, спросил, откуда я взялся в такую темень. Я ему всё рассказал, он не удивился и пригласил ночевать. Но я ему объяснил, что спешу. В деревне Лысовы были видны слабые мерцания огоньков. И мы решили, что я побегу, а дед будет стоять у своего дома с фонарём. Я когда подходил к Лысовым, то ещё был виден свет фонаря. Так я благополучно добрался до дома. После этого перепуга я по ночам иногда вскакивал, но потом всё прошло.

В село Красногорье были привезены эвакуированные дети из Ленинграда. Они занимали два одноэтажных здания школы. Под школу были приспособлены здания: одна 2-х этажная школа, здание бывшего сельсовета и библиотеки.

Со мной в одном классе учились из Ленинграда Витя Петров и Толя

(еврей, не запомнил фамилию). В 7 классе учился Женя. Я часто к ним ходил выполнять уроки, книг у меня не было, не хватало на всех, а писали мы тогда в основном на старых книгах, а тетради были только для контрольных работ. Продуктами в основном ленинградцев снабжали из колхозов. Ещё им давали конфеты (карамель) и печенье – это уже привозили из города. Иногда и меня угощали конфетами или печеньем по 1 штучке. Все воспитатели этих ребят были очень доброжелательны и культурны.

В деревне вместо сахара мы пользовались только сахарином, он походил на чернильный порошок. Когда его разводили, он принимал красный цвет и обладал сладостью. Если его много положить, то он горчил. Нужно было знать норму. К зиме много заготавливали грибов и ягод. Грибы сушили и солили кадками. Собирали ягоды впрок: клюкву, бруснику, калину. Много солили капусты.

Дома мы держали корову, овец, кур, иногда поросят. Налоги были большие: мяса – 40 кг, молока в начале войны было – 120 л, а потом увеличили до 240 литров при жирности – 3,6%. Яиц – 75 штук, шерсть тоже сдавали. Был введен военный налог, каждую весну приходили финагенты, подписывали. Суммы давали разные добровольно-подневольные, у нас всегда эта сумма крутилась около 1000 руб.

Ко мне в 4 классе прицепилась болезнь глаз. В основном болел левый глаз (очень сильно), болезнь возобновилась и в 5 классе, мне пришлось пропустить целую третью четверть, но я сдал экзамен успешно и закончил пятый класс. Болезнь называли золотухой. Везли в Котельнич в больницу. Рыбий жир мама выменивала в госпитале г. Котельнича на сливочное масло. В 6 классе я проучился до зимних каникул, а глаза всё болели, и уже портилось зрение на левый глаз. Уже зрачок начал покрываться плёнкой. Боясь потерять зрение, я решил оставить школу.

Сестра Анна жила с двумя малыми детьми, держала корову, овец, гусей, кур, иногда и поросёнка. Ей жилось, конечно, трудно и приходилось помогать, усадьбу я полностью огораживал и обработку земли проводил.

Одну зиму я жил у неё, с ребятами нянчился и кормил скот, топил печи. Она работала на лошади, уезжала рано.

В январе 1943 года во время зимних каникул мы с соседом на год моложе меня Аркадием сходили за реку, расчистили протоку из старицы озера в реку и поставили там морду. Та зима была очень морозная, а все знают, что в морозы в озере рыба душится и старается найти выход в чистую воду. Первую пару дней уловы были небольшими, но потом наступили морозы и пошла щука. Мы ходили утром до рассвета и вечером, когда стемнеет. Щука попадалась очень крупная и много. Мы, два пацана, ходили туда с некоторой опаской, т.к. в то время было много волков. У нас было старое ружье «Берданка» и один или два патрона всего, мы его брали с собой, и это вселяло в нас смелость.

Поскольку мои глаза побаливали, я решил оставить школу или переждать. Отец мой, Иван Кондратьевич, работал фуражиром на конном дворе, он был болен, и я частенько его подменял, ходил на двор и выдавал фураж, это овёс и посыпка лошадям. Лошадей поили три раза в день, и каждый раз после пойки давали им овёс. Фураж выписывали со склада и привозили на конный двор, хранили в ларе. Получали по пятидневкам. Те лошади, которые ходили в дальние рейсы и на основных работах, получали увеличенную норму, а которые использовались на хозяйственных работах – получали меньше.

После школьный период – работа в колхозе. В 1940 году к нашему колхозу присоединили ещё один колхоз им. Крупской у д.Лысовы и Машковцевы, починок. Во время войны в 1941 году к нашему колхозу присоединили ещё один колхоз им. Коминтерна. Центр колхоза и руководство были в нашей деревне. В 1944 году к колхозу присоединили ещё один колхоз им. Дзержинского (д. Кошечевы). Поскольку все начиналось присоединением к нашему колхозу, то и название осталось им. Чапаева. Все распоряжения поступали с района в сельсовет, дальше в колхоз, а потом по бригадам – деревням с помощью нарочных. В сельсовет направляли

нарочных по очереди из колхозов, по 2 человека с лошастью. Приходилось и мне дежурить. Как правило, направляли на неделю. Если указаний никаких нет, то оба находились на месте и лошадь кормили и поили сами. Когда есть распоряжения, а они почти всегда были, один едет по колхозам с распоряжениями, а другой сидит у телефона и записывает, что сообщается. Поскольку мне почти всегда приходилось находиться на конном дворе и в конторе колхоза, то почти постоянно мне приходилось ездить на лошади по бригадам с распоряжениями.

Я очень любил ездить на лошадях верхом, да, собственно, кто из деревенских ребятишек не любил лошадей? Все кружились около конторы, ожидая какой-нибудь поездки. Ездовых лошадей было в пределах 25, и ещё молодняка единиц 8. Однажды я гнал молодых жеребят домой с пастбища. Чтобы не идти пешком, я уселся верхом на молодого жеребёнка 2,5 лет и ехал спокойно позади остальных. Когда въехали в деревню, от одного из домов, из-за палисадника, выскочил табун овец, жеребята напугались и помчались, естественно. И мой помчался, а у жеребенка не было узды, и удержать его было нечем, и команд он ещё не понимал, так как на нём не ездили. Подбегая к конторе, он бросился между двумя деревьями, на которых был проложен металлический толстый прут вместо турника. Мой Буян проскочил под него, а я, ударившись об этот прут грудью, почти замертво упал на землю. Но тут было много людей, и они меня откачали.

Октябрьские праздники справляли сообща, по бригадам Угощение готовили за счёт колхоза и праздновали два дня. Выдавали водку и готовили хорошие обеды. В Октябрьские праздники 1943 г. мы, рабочие пацаны, были посажены за стол со взрослыми людьми, и нам выделили по 0,25 л водки, и мы чувствовали себя взрослыми, а до этого всегда нас кормили отдельно, т.е. раньше взрослых. Взрослым мужчинам и более старшим парням давали по 1 литру, женщинам по 0,5 л. Кроме Октябрьских, праздновали Новый год, Масленицу, Пасху, Троицу, но эти праздники – за свой счёт.

Обычно в эти дни работали до обеда, а после обеда праздновали.

Женщины очень уставали от работы, кроме этого очень уставали от переживаний и в такие праздники у них была разрядка и снятие стрессов. Они выпьют, посадят подростка с гармошкой и пляшут до упаду. Напляшутся досыта, наревутся вдоволь, а утром с 3 часов снова на работу.

Очень хорошо людям в нашей деревне помогала река. В то время в ней было много рыбы и это являлось большим подспорьем к столу.

Вспоминаю один случай, произошедший со мной и с мамой. Это было глубокой осенью в конце октября 1944 г. Пришла к нам в дом жена бригадира Александра Гавриловича Вера и сказала, что сторож на скотном дворе заболел, и просила мою мать посторожить одну ночь. А сторож этого двора одновременно охранял и склад, который состоял из трёх секций. 1 и 3 – зерновые, а средняя – для хозяйственных товаров и прочих материалов и продуктов. Склад стоял метрах в 100 от двора, на краю горы, что спускалась к реке. Почему-то Вера ещё и подчеркнула, что к складу можно и не ходить, он мол закрыт на замок и с ним ничего не может случиться. Мать согласилась, и я пошёл вместе с ней.

Двор от нашего дома был в 200 метрах, и мы ушли из дома в 7 часов вечера. Сделали обход-осмотр снаружи и внутри двора, пришли в помещение и отдыхали. Около 10 часов вечера мы решили сделать новый осмотр. Снова осмотрели ферму – двор снаружи и изнутри, решили сходить и осмотреть склад. Осмотры делали с фонарём (летучая мышь). Мать шла с фонарём, а я решил вперед её пробежать по настилу перед складом и осмотреть замки. Я бежал и все что-нибудь громко кричал. Замок первой секции проверил и крикнул «Всё нормально!», ко второму подошёл – замок не закрыт, в третьем всё было нормально. Мы ещё поругали кладовщика Зину, вернулись на двор, и я побежал к Зине, ещё стал ругаться, почему не закрыла склад? Но она божилась, что закрывала. Тогда мы с ней прибежали на склад, и она сразу туда, где стоял мёд. Мёда не оказалось. Там был ушат и маленькая кадка. Унесли кадушку и ушат с мёдом. Воры были со своими ключами, вероятно, мы помешали им закрыть склад. Если бы они закрыли, то вся вина лежала бы

на кладовщике.

Председателем колхоза был в то время ставленник райисполкома Кузьма Антипьевич. Он перебрал всех людей в деревне, кто мог это сделать. Погода была дождливая, а спуск с горы и почва под горой была из красной глины. Её трудно отмыть. Поиски в кустах по косогору ничего не дали, но ушат с мёдом был найден в овине, где обрабатывали лён.

Утром на работу пришёл бригадир Александр Гаврилович с неотмытой глиной на сапогах и похожих на отпечатки в глине. Тогда председатель сказал ему наедине, что будет ждать два дня и то, что он сомневается в его причастности. В случае невозврата кадушки мёда он вызовет милицию, и виновники будут найдены и строго наказаны по закону военного времени. А на следующее утро бочонок с мёдом оказался на крыльце дома кладовщицы. Мёд был возвращён колхозу. Мать мне говорила, что хорошо, что я пошёл с ней. Если бы она пошла одна, её могли пристукнуть. Конечно, председатель примерно знал, кто был с бригадиром, но не распространялся.

Ещё хотелось рассказать о том, какое большое количество во время войны водилось волков около деревень. А около нашей тем более, так как за рекой не было деревень на 7 км, были заливные луга и сенокосы.

Однажды мы со старшей сестрой Анной пошли за реку в марте утром рано, до восхода солнца, пока держал наст. Пошли с санками за сеном. С собой у нас были вилы и топор. Только перешли через реку и пошли по лугу вдоль веретей («веретей» называют листовенное мелколесье, ограничивающее чистые покосные поляны), нам дорогу перегородил волк. Он был такой страшный, худой, взлохмаченный, с оскаленными зубами, по-видимому, сильно голодный. Мы остановились в нерешительности, но потом всё же решили идти к селу, до него было не более 150 м. Я дал сестре вилы, сам взял в руки топор, пошел на волка, а санки оставил сзади на длину верёвки. Потом резко рванул санки, они быстро побежали на волка и мы с криком кинулись к нему. Волк в испуге отскочил в сторону метров на 10, и мы прошли. Я в детстве ещё слышал, что в таком случае необходимо

постараться волка согнать с дороги и пройти, а потом опустить сзади себя какую-нибудь веревку (шнур) подлиннее, и волк будет преследовать сзади, но не переступая дальше опущенного конца верёвки. Мы с сестрой прошли, положили на санки сена, а волк всё время сидел у кустов метрах в 50. Потом уже вышло солнце, и где-то вблизи слышались голоса людей, приехавших за сеном на лошадях, и мы уже уверенно пошли домой, а волк больше нас не атаковал. В летнее время волки совсем не опасны для человека, они стараются уходить с глаз. Осенью 1943 года мы с соседом Аркашей караулили овец на лугу, загнали их в лозу у реки. Там же ходили жеребята, а мы сидели на лугу около лозы у костра и пекли картошку. Потом слышали, как с топотом из лозы помчались жеребята, не обращая на нас внимания. Мы поняли, что их кто-то сильно напугал, и побежали туда. Нам на встречу с рёвом бежали напуганные овцы. Мы увидели здорового волка, но он быстрее нас заметил и начал убегать к реке. Он добежал до берега и прыжком бросился в реку. Мы пошли по кустам и обнаружили разорванную овцу с перехваченным горлом и выгрызенным боком.

Был тоже случай, когда овец пасли двое пацанов, один из них с 25 года, но «у него были не все дома». Откуда-то взялся волк, забежал в стадо. Овцы кинулись от него врассыпную, он схватил барана, закинул на спину и побежал к озеру. Пастухи побежали за ним, волк забежал в озеро и поплыл. С бараном плыть нелегко, а поскольку было неглубоко, то его догнал этот большой парень, и волк бросил барана. Парня звали Аркадий, он взял на руки барана и пошёл к стаду, а волк вышел за ним на берег, но накинуться не посмел. Баран ещё был живой, и хозяин его зарезал.

В январе 1944 года, вечером, мы, подростки, катались на лыжах с горы и увидели лошадь, мчавшуюся из-за реки с санями без седока. Нам с трудом удалось её остановить. Завели в деревню и привязали к воротам ближайшего дома. Мы вместе с хозяином этого дома думали и ничего не могли придумать, откуда она прибежала и где её хозяин. Но прошло около часа, прибежал хозяин, и всё стало ясно. Я уже отмечал, что за рекой до

ближайшего населенного пункта было около 7 км, и люди старались не ездить в тёмное время суток по этим лугам. Его там предупреждали, но он решил, что пока не совсем стемнело, проскочит до нашей деревни. Оказывается, он не доехал до берега, как на них напал волк. Он прыгнул на хозяина в сани, лошадь рванулась вперед, и хозяин вместе с волком выпали из саней. Хозяин сбросил тулуп и побежал, а волк остался рвать тулуп. Не успел мужик добежать до берега, как волк снова догнал его, в момент броска волка мужик оглянулся. Они схватились, видимо, в смертельной схватке. Мужчина победил волка и удушил его. Так закончился этот поединок. Когда на следующий день сходили посмотреть на этого волка, у него вся глотка была изодрана, словно её грызли зубами.

В начале 1945 года моя мать пошла в Котельнич. До с. Юрьева она доехала с подводами, ехавшими за сеном. Из Юрьева в 4 утра вышла пешком с санками. Прошла 12 км и стала спускаться под гору. Она видела что-то тёмное возле дороги, но считала, что это ветка. Это был волк. И когда она спустилась под гору, он обогнал её и выскочил на дорогу, закрыв ей путь. Она повернула санки – и быстрее обратно в гору. Волк всё шёл сзади, за санками. Но тут попал навстречу мужчина на лошади, ехавший в Котельнич, волк, естественно, скрылся, а мать благополучно доехала. Случаев с волками во время войны было очень много.

Но продолжалась война, и людского горя не убавлялось, а прибывало. Похоронки шли одна за другой.

Жили от нас через два дома Павел Моисеевич с женой Ариной Исаковной. Детей у них не было. Ещё до войны они всё время просили меня загонять их скот, пришедший с выгона. Они меня очень уважали, и я оправдывал их доверие и с удовольствием помогал им. Меня даже ребяташки в деревне дразнили Ариным приёмком. В 1942 году от Павла пришла похоронка, и Арина ревела целую неделю, а то и больше. А внутренне, вероятно, до тех пор, пока через месяц она не получила письмо от Павла, что он жив, ранен, в госпитале. После госпиталя его снова отправили на фронт. В

начале 1944 года всё повторяется вновь, приходит похоронка, ещё больше слёз, но месяца через полтора она вновь получает письмо с госпиталя, Павел тяжело раненый, в госпитале, и в конце 1944 года приходит домой на одной ноге. Правую ногу ампутировали полностью.

Моего второго брата, Александра, призвали в армию осенью 1944 года вместе с Лёней Харитоновичем. Во время призыва призывникам давали лошадь, чтобы покатались на ней. Они ездили в д. Исаковы, и там у них произошёл скандал, за который их арестовали, судили, и ему присудили один год заключения. Это было в январе 1945 года. В июле 1945 года его амнистировали, и он вернулся домой.

4 января 1945 года умер мой отец, он был болен туберкулёзом. Его отпевали в церкви с. Юрьева, где он и похоронен. Когда я написал об этом брату Алексею на фронт, его ответ был таким, что это ничем изменить не возможно. «Да я и сам сегодня жив, а завтра не знаю».

Прошло два месяца, чуть больше, и война уже близилась к концу. Во время вечерней пойки лошадей я выдавал им овёс, так как после смерти отца полностью работал фуражиром. В это время ко мне подошла почтальонша и передала письмо. Я посмотрел на конверт, увидел адрес, он был брата (полевая почта, 55307), а почерк другой, и я сразу почувствовал что-то неладное, так ударившее меня по мозгам. Открыл конверт, пробежал по записке глазами, и всё понял: погиб мой любимый старший брат, так меня любивший в детстве. Когда он приходил из училища домой, то обязательно приходил в школу за семь километров повидаться.

Я до сих пор помню содержание той записки, писал её политрук Павлов: «Уважаемый Николай! Пришло тут Ваше письмо Алексею, а его нет среди нас. Его убило при наступлении на Северную Померанию. Жаль, Лёшка был хорошим танкистом. Он был награждён орденом Красной звезды и тремя медалями. Не хотелось печалить Вас, но приходится. С. Павлов.»

Когда я получил это письмо, мамы дома не было, и мы с сестрой Антониной решили пока ей не говорить, а сообщить позднее, когда у неё

будет получше настроение. Она узнала, ещё не доехав до дому. Очень тяжело мама переживала эту утрату. На нас сразу свалилось столько невзгод: смерть отца, суд над братом, а тут ещё эта похоронка.

Позднее я написал письмо Павлову с просьбой сообщить подробнее о гибели брата Алексея. Ответа не было долго, война окончилась, и я уже потерял надежду, почти забыл об этом. Как вдруг в июне месяце мне приходит ответ от Павлова, в котором он написал подробно о гибели: «Во время наступления на Северную Померанию брат Лёша, командир танка и наводчик, сидели с открытым люком, над ними разорвался шрапнельный снаряд, никто из них и голоса не подал. Механик-водитель, не слыша команды от командира, остановил машину, поднялся к ним – они все были мертвы. Их всех похоронили в одной могиле, под городом Шлипфенбайн, местечко Шломвиц».

Брат Алексей погиб в Померании марте 1945 г.

Я уже писал, что наша деревня, то есть колхоз Чапаева, был самым крепким хозяйством в Макарьевском районе. Он ещё в 1936 году был участником Всесоюзной сельхозвыставки в Москве, и грамота, полученная там, висела в конторе до 1950-х годов. А выступал он на выставке в связи с хорошим урожаем зерновых.

Присоединенный в 1943 году к нам колхоз им. Дзержинского, д. Кощеевы, был очень слабым хозяйством, землю как следует не обрабатывали, урожаев не было. Колхозникам хлеба из колхоза не давали, и они очень бедствовали. Чтобы выйти из этого положения, начальство района решило его присоединить к нам. Два дня проходило общее собрание в нашей деревне. Два дня бились наши женщины, старики и подростки против присоединения, но силы были неравны. Потому что было всё начальство района и сельсовета, вместе с начальником милиции, Меркушевым. Присоединение состоялось, хотели этого или нет.

В 1944 году своевременно был проведен весенний сев, летний уход за зерновыми, что дало неплохие виды на урожай и в том колхозе, люди работать стали лучше. Была проведена своевременная уборка, и взяли хороший урожай, рассчитались с государством. Когда жители деревни Кощеевы получили хлеб от колхоза, это их воодушевило, и они начали работать, как и наши люди.

Ещё стоит написать о том, как в нашем колхозе забирали зерно на семена. Было это в мае 1944 года. Я уже отмечал, что многие колхозы, особенно Макарьевской зоны, были в полном упадке и развале, потому что не смогли мобилизовать себя, работать не жалея сил. Постоянно наших гоняли в те колхозы на посевную и на уборку. Поэтому, когда пришла весна 1944 года, у них не оказалось семенного зерна, они его съели. Приехали к нам деревню за 30 км, на 8 подводах, из с. Сретенье. Видимо, руководство района знало, что наши женщины так свободно не отдадут хлеб, и привезли начальника милиции с двумя милиционерами. Ключи у кладовщика Никиты Фёдоровича женщины забрали и не хотели отдавать. Председателя, бригадира и кладовщика завели в кабинет и держали под охраной милиционеров два дня. Потом всё-таки вернули ключи, зерно увезли, конечно, не всё. У нас всегда зерна запасали больше, чем положено, заготавливали и на фураж. Основа прочности колхоза – лошадь. Это правило всегда помнили наши люди.

В общем люди того времени умели трудиться, не покладая рук, особенно в нашей деревне. Летом, начиная с весенней посевной, и до полной уборки урожая, можно сказать, примерно с 25 апреля и до конца октября, люди трудились от рассвет до темна. Домашняя работа по заготовке сена, уход за своим огородом и скотом – всё было за детьми. Взрослые сено косили для своих коров и овец за рекой, по ночам. Грести ходили днём дети, метали тоже ночью. Если дождливая погода мешала работать в поле, женщины выполняли домашние дела – топили бани, стирали белье, ходили за грибами и за ягодами, которых нанашивали много. Мы, пацаны

двенадцатилетние, ходили ловить рыбу небольшими бреднями, и налавливали немало. Река была очень богата рыбой. Летом её ловили в реке, а зимой – в озёрах. Было время, когда ловили рыбу для всей деревни, и улов делили по списку, помогая и тем, у кого в семьях некому было ловить.

В начале войны, осенью 1941 года, собрали молодёжь, парней и девушек с деревень, и мобилизовали их на рытьё окопов на границе Шабалинского района, была туда направлена и моя сестра Тоня. Потом, в начале 1942 года она была мобилизована на работу в Киров, на военный завод, по-моему, это был Коломенский завод, и выпускал он танки. Вернулась она по болезни в 1943 году. Брата Сашу ещё до призыва мобилизовали на торфоразработки. Я помню, как он оттуда приехал без разрешения, и некоторое время сидел у соседей на сеновале. А было ему тогда 16 лет.

Кончилась война в мае 1945 года. Люди кто радовался, кто плакал о погибших близких. Мне исполнилось 15 лет, и я по-прежнему продолжал работать в колхозе.

В 1946-47 году парней с 1927-28 года мобилизовали через военкоматы в школу ФЗО и ФЗУ (Фабрично-заводское обучение со сроком обучения – 6 месяцев, и Фабрично-заводское училище с обучением 1 год). Ещё было ремесленные училища (РУ) и железнодорожные училища (ЖУ) со сроком обучения 2 года. Все ФЗО, ФЗУ, РУ, ЖУ подчинялись управлению трудовых резервов. Молодёжь с нашей области отправляли в основном на Урал. Брат Саша был на шахтах ст.Половинка Пермской области. Его отправили туда в ФЗО, когда я был уже в ЖУ-1 г.Кирова.

Учёба в ЖУ-1. Летом 1947 года я решил поступать в Киров, в ЖУ-1, по специальности помощника машиниста паровоза. Хотя у меня было слабое зрение на левый глаз, учиться было необходимо, и я решил во что бы то ни стало поступить. Дома меня снова не хотели отпускать, но потом решили, что я не поступлю и вернусь обратно. Мы собрались, четыре подростка, вышли на берег Моломы, проходящий катер нас посадил и довёз до города [Котельнича] за стакан табаку (самосада). Уехали на поезде в Киров.

Мы прошли медкомиссию в железнодорожной больнице. Мне пришлось схитрить с левым глазом, но всё получилось. Я приехал домой, и мне не сразу поверили, что смог поступить на помощника машиниста. А я им показал справку на получение паспорта. Съездил в район, получил паспорт и был готов.

Нас собрали в училище не с 1 сентября, а с 1 августа и использовали на благоустройстве территории по улице Деповская. Из поступивших большинство было ребят из деревень, а к работе мы были приучены, и запланированную на месяц работы выполнили в основном за 12 дней. Нам намеряли норму на день рыть траншеи, мы свою норму выполняли, а городские ребята и половины не успеют сделать, и мы ещё им помогали. Поскольку мы плановую работу выполнили, нас держать не стали. Выдали сухой паек на полмесяца: хлеба, сахара, крупы, макарон, сыру, масла, и мы явились домой богатыми очень по тем временам. Полмесяца ещё были дома, и к 1 сентября отправились в Киров.

Николай курсант ЖУ-1.
г. Киров, 1948 г.

Это время и явилось моим отрывом от семьи, от дома, от деревни Шушканово, и от прекрасной реки Моломы с красивейшими берегами. Далее всё зависело от себя, и только от себя. Короче, с того времени я взял свою судьбу в свои руки. Как-то уж так сложилось, что ещё в войну соседки ходили к нам, к маме и ко мне, обращались за советом – и мы помогали советом и делами. Мне приходилось и валенки подшивать, и галоши плести, и лапти, и веретёна точить, и все хозяйственные работы делать. И в училище ребята часто обращались ко мне с разными вопросами. Видимо, им я казался серьёзным и практичным.

Началась учёба: на первый год – 4 дня теории и два дня практические

работы в неделю по слесарному делу. Изучались предметы: математика, физика, русский язык, литература, черчение, политзанятия, устройство паровоза, ремонт паровоза, правила технической эксплуатации паровоза, ПТЭ железных дорог, сигнализация и т.д. На практических занятиях занимались слесарным делом, то есть изготовлением инструментов из заготовок, которые ковались в кузнице, а мы вели слесарную обработку молотков, гаечных ключей (простых и разводных), газовых (трубных), труборезов и т.д. Этим обучением я загорелся с огромным удовольствием, и первый год учёбы окончил неплохо.

В начале июня 1948 года меня, и ещё около 20 человек с нашего набора направили в Дом отдыха трудовых резервов, что в селе Бобино, под Кировом, на месяц. После непосильной работы во время войны и после неё это был первый отдых в моей жизни. Прекрасно кормили, лето было жаркое, и мы купались там в пруду. Даже не верилось, что такое возможно. Мы все прекрасно отдохнули, приехали в училище, сдали экзамены за первый год обучения, получили сухой паёк и уехали по домам в отпуск, на месяц. В то время домой из училища не отпускали, кто жил в общежитии, а только в отпуск на месяц. Мы, конечно, ездили домой на праздники, т.е. попросту сбегали. Дома погостим с неделю, и обратно. Ездили поездом на крышах, подножках и фартуках вагонов. По дороге нас ловили на станциях, но мы старались не попадаться. Когда проходил контроль, мы выскакивали на крышу и бежали с головы поезда в хвост или обратно, в зависимости от того, откуда идёт контроль. Если милиция поймает, то просто отправляют обратно в училище.

Помню один случай. Ехал я на Троицу летом, сидел на подножке, обнявши поручень, и уснул, а тамбур был нерабочий. Поезд остановился на станции Оричи, и меня снял с поезда милиционер, завёл в детскую комнату (так они её называли) и закрыл на замок. Поезд Киров-Кострома ушёл, и он пришёл ко мне, оформил документ, и нужно было ждать встречного поезда на Киров, чтоб меня отправить обратно. Я попросился в туалет и сказал, что

буду сидеть на диване на улице до поезда. Он меня отпустил, и я быстро смотался за станцию, за водонапорную башню, и укрылся в траве. Я знал, что через полтора часа пойдёт поезд на Горький, а на Киров поезд прошёл и я видел, как милиционер шнырял около вокзала, искал меня. Я дождался горьковского, и пока он стоял на станции, я лежал в траве, не выходя из укрытия, а милиционер всё сновал и искал меня. Когда поезд уже набирал ход, я выскочил из укрытия к быстро идущему поезду и вскочил на подножку, а милиционер увидел и только смог погрозить кулаком. Так что каждая поездка домой имела для нас немало сложностей. Возврат в училище имел свои сложности. На питание нас не ставили, пока не побываешь у руководства училища с объяснительной запиской. Обычно объявляли выговор, строгий выговор, ставили на питание, кроме этого, нужно было обязательно сходить в баню, и пройти санобработку, в противном случае не пускали в общежитие.

В наш набор были ещё направлены ребята из детской колонии, в основном это были ребята с оккупированных немцами территорий. К нам в училище их было направлено 36 человек, а ко второму году обучения осталось 4 человека. В нашей группе из 5 человек остался 1 – Гриша Утяков, остальные не вернулись с каникул. У них у всех фамилии были придуманными.

Второй год обучения проходил так: первые две четверти – три дня теории и три дня практики, а дальше два дня теории и четыре дня практических работ. Практическая работа проводилась в паровозном депо, на ремонте паровозов. Для нас специально ставили паровоз на ремонт, нам была выделена своя канава в подъёмочном цехе. Учёбы и практическая работа у меня шли хорошо. И по окончании работы в депо мне был присвоен пятый разряд слесаря по ремонту паровоза с записью в аттестате по окончании училища. Каждый выпускник ездил практику на паровозе в течение двух месяцев. Некоторые ездили действующими кочегарами или помощниками машиниста. Я ездил и дублёром, и действующим кочегаром на маленьком

паровозе типа «ОВ» на хозяйственных работах в Марадыково.

С начала учёбы норма хлеба была в училище 700 граммов в день, в стране была карточная система, которая была отменена в декабре 1947 года. В то время в городе было полно шпаны, картёжников, барыжников, карманников. Булка хлеба в два килограмма стоила на барыге 350-400 рублей. В декабре же была проведена денежная реформа. С 1 января 1948 года нам была увеличена норма хлеба по 1 килограмму на день. С мая 1948 года норма хлеба была установлена 800 грамм на день, но был улучшен рацион.

В училище занимались спортом, много читали. Иногда на вечерней поверке пели гимн Советского Союза, пока его не заучили наизусть. В комсомол я вступал в училище, нас принимали в Молотовском райкоме комсомола (был в то время такой район) г. Кирова. Задавали очень много вопросов: знание должностей руководства страны, основные положения политики страны, знание гимна и многое другое.

В то время вышли книги «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке», «Это было под Ровно» и др. Вышли кино «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке», все стремились посмотреть эти кино. В 1948 году в Киров приезжали для встречи с кировчанами Алексей Маресьев и Анатолий Лопухов – участник молодой гвардии. Я присутствовал в железнодорожном клубе, где происходила встреча с А. Лопуховым. Он был в звании лейтенанта. Вопросов задавали огромное количество, и он на все отвечал.

Дома в это время, на Шушканове, были мама и сестра Тоня. Брат Саша в 1947 году осенью был мобилизован через военкомат и отправлен на Урал, на ст. Половинка Пермской области, на работу в шахты, отработал там год, приехал в отпуск и больше не поехал туда. С того времени работал в колхозе, а по зимам обычно их направляли в леспромхозы.

После окончания училища нас всех не распределили по стране, потому что не пришла разнарядка. Ребят, которые были из г.Кирова, выпустили в

кировское депо. Чтобы мы не сидели без дела в ожидании разнарядки, направили нас на сельхозработы в колхозы. Так решило областное управление трудовых резервов. Нашу группу направили в один из колхозов Халтуринского района, за 18 км от Халтурина, с. Колково. Проработали там десять дней и узнали, что тех, кто успел выехать обратно, отправили в отпуск. Вот тогда решили ребята отправить меня в разведку в свою деревню, потому что мой сосед, из деревни, тоже должен был быть в отпуске. До дома было сорок километров. Я это расстояние покрыл за пять часов. У Миши я действительно узнал, что оставшихся ребят отпустили в отпуск по домам. Вернувшись в Колково, я доложил обстановку, и мы решили без всякого согласия руководства ехать в училище самовольно. На второй день, вечером, мы забрали свои вещи и пешком, через город Халтурин, отправились на станцию Оричи, около 45 километров. Шли туда всю ночь, и рано утром сели на проходящий поезд, уехали в Киров. Ещё одна группа так же самовольно приехали в училище днём раньше. В училище нам сказали «Молодцы!», они хотели за нами посылать туда, так как за нами уже приехали представители, чтобы отвезти на новое место жительства и работы, опять в неведомое.

Начало трудовой деятельности на производстве. Направили нас на работу в Чепецкий ЛПХ (леспромхоз), что находится в 18 км от города Зуевка Кировской области. Привезли в п.Чепецкий, в управление, в отделе кадров оформили трудовые книжки, несколько человек оставили работать на паровозах, а остальным выдали отпускные и отпустили в отпуск. В числе первых отпускников отказался и я.

Отпуск, как правило, проводил в родной деревне Шушканово, где отдыхал, ловил рыбу в Моломе, помогал родным в заготовке сена, дров, ходил в лес за грибами, ягодами. Вечерами с ребятами ходили по вечеркам: гуляли и т.д.

В конце августа вернулись на работу. Нас направили в Чепецкий из Кирова 22 человека, а работы на паровозах на всех не хватало. Там же было решено несколько человека направить для работы на тепловых передвижных

эл. станциях кочегарами (эти электростанции присылались из Германии в счёт репараций после войны из города Вербая). Они были смонтированы в ж-д вагонах. На паровозе мне ничего не светило из-за слабого зрения на левый глаз. Поэтому я с удовольствием пошёл на станцию. Нас с Витей Котюргиным направили на Бочуровский лесопункт, его в качестве кочегара на ППЭС-40, а меня помощником электромеханика на высокочастотную электростанцию ПЭС-12/200.

Нас довезли на паровозике до тропинки, идущей на п. Бочуры, и дальше мы пошли пешком. Нам сказали, что до посёлка – 3 км, а мы всё идём, идём и кругом тишина, кустарник и лес. Показалось, что мы прошли уже дальше, и мы думали – сбились с пути. Но через некоторое время мы услышали впереди лай собак – значит, деревня близко. От центрального посёлка Чепецка до п. Бочуры было ок. 15 км по узкоколейной железной дороге (УЖД), но железная дорога ближе 2,5 км до поселка Бочуры не доходила, и всегда до УЖД ходили пешком, а кругом – тайга и тайга. Вышли мы к посёлку. Он был расположен на холме, по уклону к речке Дубовице. Время было уже близко к вечеру, мы сразу зашли в контору, представились начальнику Разумову А.В. Он пригласил коменданта, и определили нас в барак, в общежитие, на ночлег, где мы и стали жить. В общежитии мне дали кровать с дощатым настилом, а Вите – деревянный топчан, и в комнате нас уже было 7 человек.

Когда мы устроились в общежитие, то в комнату набегали девки и парни, и рассматривали нас, словно зверей. В нашей комнате жили ребята ФЗОшники, мотористы и трактористы, лебёдчики. В бараке было 8 комнат, из них одна наша, ребят, в 4-х жили семейные, в остальных жили девки. С ребятами мы быстро сошлись, на следующий день нас определили на работу. Это было начало сентября 1949 года.

Я начал работать с Геней Мошонкиным на ПЭС-12/200, а Витя на ППЭС-40 кочегаром. Мы с утра заводили свою электростанцию, подавали напряжение на электропилы К-5, следили за работой мотора (ГАЗ-МК) и

генератора, точили пильные цепи, ремонтировали пильные кабели и устраняли мелкие неисправности самих электропил. На работу ходили пешком 3-4 км. Если по окончании рабочего дня ставили порожняк под погрузку, то домой никто не уходил: ни мужчины, ни женщины. Все оставались на погрузку платформ, чтобы они не простаивали. Если вагоны ставили в выходной день, всё равно старались их погрузить. Собирали мужчин по баракам и шли грузить эти вагоны. Мужчины погрузят вагоны, придут на посёлок в столовую, их напоят водкой, а зарплата – сама по себе. Мужчины работали трактористками, лебёдчиками, мотористами, грузчиками, механизаторами. А женщины в лесу – сучкорубами, учётчиками (бракёрами), ну и на посёлке – в хозяйственных службах. Я там проработал менее месяца и 06.10.1949 г. был направлен на курсы электромехаников ППЭС-40 в г. Кудымкар Пермской области, центр Коми-Пермяцкого округа. Платили нам с квартирными 950 р. в месяц, по тем временам это деньги немалые.

Поехали мы тогда с Мишей Тарасовым вдвоем, на поезде, доехали до ст. Менделеево, что недалеко от Перми. Оттуда нужно было добираться 105 км на машине. Утром мы нашли попутку ГАЗ-67 («козёл»), и на нём доехали до Кудымкара. Это небольшой городок, 15-20 тыс., расположен на большой возвышенности, внизу протекала река Инва. Почти до вечера мы искали квартиру, потому что куда ни зайдём, все отвечают на своём языке. А мы не знали, что они все умеют говорить по-русски. Потом мы нашли квартиру в частном доме, недалеко от техникума, где была курсовая база. Хозяин работал кучером на рысаке, возил управляющего трестом «Комипермлес», жена Нюра – домохозяйка. У них было трое детей. Комнату они сдавали четверым курсантам, с нами жили ещё два Ивана – Федосеев и Чудинов. Стояло две кровати, и спали по двое. Платили мы по 50 руб. в месяц со стиркой белья. Занимались в лесотехническом техникуме после студентов, с 16:30 до 21:30 вечера. День у нас был свободен, уроки мы успевали выучить, а вечером после занятий ходили в кино, на 10-часовой сеанс. Учёба мне давалась неплохо, в основном мы уделяли внимание электричеству, т.к. в

Кирове мы учились на паровозы, и паровая часть котлов и машин нам была более известна. Теплотехнику у нас вёл грек, по фамилии Вальсамаки, очень интересно и понятно давал.

Коми-пермяки – народ интересный и своеобразный. В магазин заходишь, чего-нибудь спросишь по-русски – они обязательно ответят на своем языке, когда скажешь «Говори по-русски» - начинают с тобой разговаривать. Они все, и даже малые дети, все знают оба языка. Мне показалось, что этот народ очень суеверный. Я сделал вывод после того, как хозяйский сын Мишка залез в карман моих брюк и из бумажника стянул сторублёвую бумажку. Его поймал Иван Федосеев, а я спал. Сколько его ни допрашивали мать и отец, он всё отрицал. Потом хозяйка Нюра сказала, что пойдёт к гадалке, и если «гадалка скажет на тебя – берегись!» С утра она ушла и вернулась в обед. Сын уже пришёл из школы, и мы все сидели дома, учили свою науку. Нюра сильно материлась по-русски. Она прямо с порога к сыну и на него с матом «Куда дел деньги? Гадалка сказала, что ты взял!» И он уже больше не сопротивлялся, признался, и сказал, что деньги истратил – купил валенки, а их в школе украли. Бить Мишу я ей не дал. Мы с ней договорились, что эти деньги зачтём за квартиру, за два месяца. У хозяина была гармонь тальянка. Он играл интересно: «Как девки идут за ягодами», «Как возвращаются с пустыми корзинами» или «С полными корзинами» - всё играют разным мотивом. Ещё интересно у них справляли праздники – гости не дожидаются общего застолья. Пришли гости – собирают стол, усаживают гостей, поят их, а больше гости сами пьют. Напьются, наедятся, покурят и отправляются по домам. Так же и хозяин с хозяйкой часто ездили – уедут на рысаке, часа через три возвращаются пьяные.

Однажды мы возвращались из кино в полночь и видели очень красочное полярное сияние. Такой красоты я ни разу не видел много лет спустя в Новом Уренгое, хотя там тоже видел их немало, но такой красоты не было.

Окончил я курсы успешно, получил удостоверение. Перед нами встал вопрос – как добраться до Менделеево. Температура – ниже 46 градусов,

автобус неотапливаемый ГАЗ со сломанными стёклами. Ехать 105 км, в то время ехали ок. 5 часов. У нас с Тарасовым одежда – шинельки, ещё из училища, с поддёвкой, на ногах – ботинки, а раньше тёплых не было, просто с шерстяными носками. Мы очень переживали за переезд. Нас провожали оба Ивана, на прощание мы на автостанции выпили. Я ботинки одел с носками и замотал газетами – меня научил Иван Федосеев. Сели в автобус и тронулись в путь – январь 1950 года. На половине дороги автобус имел стоянку, где можно было перекусить в столовой. Мы с Тарасовым в столовой взяли горячий обед и по стакану водки. Выпили и пообедали горячего, хорошо разогрелись и до Менделеева доехали нормально. Договорились с Мишкой, что заедем домой – он был из Макарья. Мы и билеты брали до Котельнича. В старых вагонах мы улеглись на третьих полках – там было теплее – и благополучно доехали до Котельнича. На вокзале дождались утра и разъехались по домам, договорившись о времени поездки в Чепецкий. Я отправился в Шушканово по дороге через Красногорье – она была короче – 25 км. Погода была морозная, за минус 40, ещё и ветер. Я бежал к Паничам, наморозил щёки и зашёл в один дом, а там женщина с детьми, сидят на печи, в избе холодина. Я растёр щёки одеколоном, сидеть было некогда, и побежал дальше. Зашёл на Шипичевщину, к дяде, и там заночевал. А наутро пораньше встал – и домой. В деревне в то время ходили только в валенках, а я, на удивление всем, пришёл в ботинках. Дома мне дали новые валенки, скатанные братом Сашей. Дома погостил около двух недель, и уехали в Чепецк. Так, с января 1950 года связал свою жизнь с электричеством и не жалею.

26 января 1950 года в отделе кадров меня оформили электромехаником ППЭС-40. Две недели я поработал в качестве стажёра в Чепецке, а потом направили меня в п.149 участка электриком на эл.станцию к Кулябину Ивану Максимовичу. Это был пожилой мужчина лет 50, бывший когда-то машинистом паровоза. Мы обеспечивали током мастерский участок, на котором работали ребята из ФЗО. Жил там на частной квартире у Тимофея

Черемисинова. Домик был маленький, мы спали вдвоём на нарах: Володя Притыко внизу, а я наверху (нары двухъярусные).

Однажды Максимович попросил, чтобы я поработал несколько дней и за него. Я согласился, и он уехал в Чепецк. День отработали, а к концу дня выбило прокладку у водяной камеры насоса. Я заменил прокладку, начал затягивать болты, и один из них сломался. Нужно было срочно принимать меры. Мне пришлось за ночь два раза сбегать в посёлок за три километра к главному механику В.В. Маркову, мы в кузнице изготовили нужную деталь. К утру я установил, всё собрал. Когда утром начали работать, создалась аварийная ситуация. Но всё обошлось благополучно.

Наутро приехал машинист Максимович и к нам с претензиями, что мы чуть не взорвались. Тут я ему сразу отрезал, что он не имел права работать с одним питательным насосом. Он мне начал доказывать, что неработающий насос невозможно отремонтировать. Я должен был доказать этому старому зазнайке, что он не прав. Я вплотную занялся насосом, установил причину, и через 3 часа насос работал как часы. Я доказал всем механикам, что не зря меня учили в Кирове в училище и на курсах в Кудымкаре.

В марте 1950 года меня вызвали в Чепецкий ЛПХ, и мы с Мишей Тарасовым запустили новую электростанцию, на которой мы и начали работать. Затем направили меня работать электромехаником в п. Бочуры на такую же станцию. Жили мы в том же бараке, что и в 1949 году. Доработали до весны, до конца апреля. А когда сильно заливало водой, работу по заготовке леса прекращали, начинали очистку лесосек зимней выработки.

25 апреля нас собрали команду из 20 человек мужчин, а больше молодёжи, и направили на сплав леса. В эту команду попали я и Тарасов. Во время весеннего разлива реки Чепцы сплавляли весь лес, заготовленный за зимнее время. Для сплава лес сплавивали большими «матками» и сплавляли до Кирова, и далее по Вятке, Каме и Волге. Матка в ширину составляет 20 метров, а в длину – ок. 100 метров. Команда на матке – не менее 25 человек. Руководит лоцман и его помощник. На самой матке стоит домик с печкой-

буржуйкой и нары для спанья. Поскольку на малых реках нет сигнальных бакенов, то сплав идёт только в светлое время суток. Когда мы приехали на посёлок Нижнего Склада (так называется посёлок, где плотят лес), он уже был весь в воде. Нам дали матку, укомплектовали команду в 25 человек, дали лоцмана – деда седого лет 65 Долгушина, и мы перебрались жить на матку в домик и стали ждать время отплытия. На матке была большая лодка, можно было всю команду посадить. По вечерам мы часто выезжали с ребятами в столовую на лодке, там собиралось очень много команд, ужинали, пили водку и пиво. Часто возникали скандальные истории между командами.

В команде было такое распределение. Первое лицо – лоцман, его помощник, бригадир был от нас – Николай Жуйков. Мы с Тарасовым были на первых ряях, как рулевые, выполняли команды на поворотах. На вторых ряях были два здоровых хохла, тоже бочуровские. Они были после заключения, в городах им прописка не разрешалась в течение трёх лет, вот они и были в лесу. Володя Тарнопольский был очень крутой, по-старому – вор в законе, Гришка Возненко – здоровенный хохол, он был как телохранитель у Володи. Володя вёл себя очень деликатно, если его не трогали. Остальные члены команды находились на матке. Женщины: была жена помощника лоцмана, и две девушки- они больше дежурили ночью, топили печку, чтобы теплее было спать. Был ещё в нашей команде Борис Быков. Он работал токарем на лесопункте, немного приبلатнённый, особенно когда выпьет. Передвижная мастерская, в которой он работал, стояла в тупике рядом с нашей электростанцией, и мы с ним контактировали на работе, да и дома. Он был из города Зуевка, районного центра.

Во время одной из поездок в столовую, после выпивки Борис начал буяннить, и мы решили его вытащить из столовой и на лодке увезти на матку. Когда его затолкнули в лодку, он схватил весло и ударил Володю по руке. Его схватили и через борт окунули в холодную внешнюю воду – он сразу стих. Приехали на матку, Борис разделся донага и развесил сушить свою одежду. Володя сразу его прижал за удар по руке веслом и сказал, что он должен

отдерживаться. Это по законам лагерников. Боря согласился, и Володя взял полено от печки и колотил его на наших глазах, пока не устал. Потом они объявили себе перекур. Закурили папиросы, перекурили. Боря попросил время, чтобы одеться, надел брюки, китель железнодорожный, крикнул Володе «Прощай!» и выскочил из избушки. Время было часов 11 вечера, и никто не пошёл его искать ночью, так как он прыгнул в воду и уплыл. Утром мы поехали его искать на лодке. От нашей матки до берега стояли ещё две матки. На первой нам ответили, что ночью забегал мокрый человек, у печки немного погрелся и исчез. На второй ответ был тот же. От второй матки до клуба было метров 50. Поехали на лодке в клуб, а там тоже жили сплавные команды и по всему залу были трёхъярусные нары. Там спросили, приходил ли ночью кто-нибудь. Они ответили, что какой-то мужик прибежал ночью и лежит на верхних нарах. Ясно, что это Борис. Мы его разбудили – всё лицо у него было избитое. Его попросили съесть с нар, взяли на лодку и привезли на матку. Они с Володиёй распили мировую бутылку и этим скандал закончился. Никто не вмешался во время его избиения, потому что по закону преступного мира того времени человек, нарушивший соответствующий порядок, несёт наказание и отдерживается. Он же сам ответил Володе «Держусь!».

30 апреля вода ещё прибыла, и в обед нашу матку сорвало с якоря, и она пошла. На катере собрали команду на матку, и мы первыми вышли в путь, то есть поплыли. Вечером подплыли к г. Зуевка, бросили якорь и решили Первое мая простоять на якорю. Утром 1 мая этот Борис с Мишей Тарасовым решили сходить в Зуевку. Они ушли рано утром – мы ещё не все проснулись. Когда я проснулся, в кармане куртки не обнаружил денег – 250 рублей. Я тотчас же сказал об этом Володе и Грише, они сразу решили, что это мог сделать только Борис.

Вечером Тарасов вернулся на матку один, встретили его на лодке, на матке он перепрыгивая с челена на челено, оборвался в воду – только шапка всплыла. Но скоро и сам вынырнул, пришёл в домик. Ему дали стакан спирту, и у печки обогрелся (на каждую матку даётся НЗ для таких случаев –

по три литра на команду). Они в Зуевке напились и пошли к сестре Бориса отдыхать. Миша лёг, и Борис у него вытащил деньги – 1000 рублей. Но Мишка проснулся раньше, хватился денег и нашёл их у Бориса, забрал и быстро ушёл оттуда. Сомнений не оставалось, что мои деньги взял Борис. Но встал вопрос: вернётся он на матку или нет.

На следующий день, когда мы уже плыли около Кордяшной бумажной фабрики, на берегу появился Борис. За ним послали лодку, привезли на матку. Он долго не стал заператься, признался, что мои деньги взял он, и у Миши тоже. Его выгнали с матки, он прыгнул в воду и уплыл на берег. Таким образом, он не стал больше работать в Бочурах. Дальше до Кирова доплыли благополучно, без эксцессов. С Кирова я ещё решил заехать домой в деревню, и в Бочуры вернулся позднее.

Забегая вперед, расскажу ещё одну встречу с Борисом. В августе 1950-ого года, по возвращении с отпуска, я только сошёл с поезда в Зуевке, как на перроне столкнулся с Борисом. Он был с двумя друзьями. Они подошли ко мне и сказали, что Борис хочет поговорить со мной и выяснить отношения. Я сдал чемодан в камеру хранения и пошёл с ними. Мы зашли в закусочную недалеко от вокзала. Там сидела компания, человек семь. Одного я знал хорошо, его звали Аркаша «Якуня». Кличка была у него из-за того, что он заикался. Он работал у нас трактористом. Мы постоянно стыковались на работе и в бараке. Однажды он наехал на кабель и попал под напряжение, я его спасал. Один из них был мужчина лет сорока, здоровенный, он, по-моему, у них был за босса. Меня им Борис представил чуть ли не своим врагом. Мне пришлось подробно объяснять и сказать, что не я стал его врагом, а вернее, он моим. Большую роль в благополучном исходе для меня сыграл Аркаша, он тоже котировался в этой компании больше, чем Борис. Мне предложили с ними выпить, я выпил 100 грамм и ушёл, распрощавшись с ними, и больше ни разу не видел Бориса.

Ещё до поездки на сплав я проводил одну дивчину из клуба до дому, Зою Силуянову. Она ещё была ученица, по-моему, девятого класса. С ней,

видимо, встречался Новомир Чурин, он работал мотористом после окончания ФЗО, а потом перешёл кочегаром на нашу эл/станцию. Проводил я Зою до дому и ушёл в общежитие. Через неделю мы уехали на сплав, и Новомир ездил с нами. Когда я вернулся со сплава (позднее на неделю), Новомир мне говорит со смехом: «А здорово мы с тобой подрались на сплаве?» Я спрашиваю: «Когда?» Он мне рассказал, что эта Зоя пустила на посёлке слух, что мы из-за неё подрались на сплаве. Мы тогда решили отойти от неё и никаких отношений с ней не иметь.

Я в начале июня взял отпуск на 2 месяца, т.к. работникам леса было положено через два года месяц дополнительного отпуска. С деньгами было плохо, сразу выдать отпускные не смогли, и мне более недели пришлось ждать деньги. Я уехал в отпуск на родину в деревню, отдыхал, уехал с братом на отъездные луга и там были как в лагере детском. Иногда помогали в сенокосе. Уехал из отпуска, когда получил перевод с остальными отпускными.

Снова я работал на электростанции, ходили на работу пешком за три километра. Случай произошёл со мной в начале сентября 1950 года пренеприятнейший. Я попал под напряжение на собственной электростанции. Пришли мы на смену с Новомиром-кочегаром, запустили эл/станцию, подали ток на объекты. Мы сами заготавливали дрова для эл/станции, а подвозили хлысты на лошади. Я вышел на улицу и начал пилить дрова, но вдруг пила отказала в работе. Зашёл в машинное отделение, посмотрел на приборы и понял, что генератор потерял возбуждение. Я решил устранить, не останавливая машины, что явилось нарушением ТБ, но мы были молоды, и учиться было не у кого. При попытке устранить неисправность я оказался под напряжением 220 В и потерял сознание, и упал возле генератора. Пришёл в себя и понял, что мне оказывают помощь. Глаза открою – всё идёт кругом и разноцветные круги. А закрою глаза – начинают бить по щекам. Это кончилось для меня благополучно, с помощью Господа я остался жив. Рука болела очень долго, от большого пальца к основанию

кисти выгорели две большие ямы, и рука до локтя долго была тёмно-синей. Мне тут же дали больничный, и хотели на время положить в больницу, но я отказался. Приехал в п. Бочуры, начальник участка уговорил, чтобы я продолжал работать, потому что нечем было заменить. Почти месяц я был на больничном и продолжал работать.

Так продолжалось до глубокой осени 1950-ого года. Затем меня вызвали в п. Чепецкий, и главный механик, Рожин Ефим Степанович, вручил мне ключи от новой эл/станции ППЭС-40 №271. Дали мне сменщиков, старшим Рожин назначил меня. Отправили нашу эл/станцию на нижний склад, и работали мы круглосуточно на три смены. Там мы проработали всю зиму до весны. Весной, где-то в марте, нас заменили. Немного побыли в Чепецке на освещении посёлка, а потом нас отправили в Бочуры. Поставили нас на новый поток, экспериментальный. На работу ходили за 4 километра. Я рассчитывал, что долго не буду работать в Бочурах, но пришлось пробыть там почти всё лето. Весной в апреле месяце я познакомился с работницей детского сада, нынешней женой, Александрой Ивановной.

В центре посёлка был пятачок, где по вечерам собирались молодые люди. Там были скамейки, выносили гармошку и плясали. Поздним вечером люди стали расходиться по домам. Пошли домой и две подружки: Люба Трапезникова, работница бухгалтерии, и Шура. Я напросился их проводить. Люба жила ближе, зашла домой, а я пошёл проводить Шуру. С тех пор и началась наша дружба.

В июне месяце я составил дефектную ведомость на ремонт эл/станции. Отправил в управление леспромхоза главному инженеру и ждал, когда пришлют мне на подмену электростанцию. Согласно инструкции, все сроки ремонта давно прошли, а мне всё не разрешали остановиться. Прошёл месяц, три срока назначали, а подменной электростанции всё не было. Тут я написал конкретную дату остановки эл/станции. Я смену отработал, станцию потушил и сказал сменщику, чтобы с утра начинали подготовку станции к ремонту. Рабочие пришли утром на работу – а энергии нет. Нас с

Котюргиным Витей вызвали в ЛПХ к директору. Им был Турчанинов Александр Александрович. Зашли к нему, они были с главным инженером Иванцовым Н.В. Вначале нас уговаривали, чтобы мы ехали обратно, запустили электростанцию и работали до прибытия другой. Но я сказал директору, что если меня допустят до электростанции, то я буду продолжать разборку котла, и приложу все силы, чтобы быстрее отремонтировать. Директор вскочил, закричал на нас, что «Вы не электромеханики, а электрозасранники!» и выгнал нас из кабинета. Мы выскочили на улицу и пошли в столовую пить пиво. К нам пришёл главный инженер и сказал, чтобы мы ехали туда и занимались ремонтом. На смену нам ночью утащили электростанцию. Но главный механик Буряк запретил нам вскрывать трубы экрана котла для прочистки, а произвести промывку антинакипинном. Я ему доказывал, что это бесполезно, т.к. антинакипин применяется ежедневно при заправке водой, а старую накипь он не возьмёт. Запросил у него письменное указание, промыли котёл, выполнили профилактический ремонт, и запустились в работу. После запуска станции я уехал в отпуск. Приехал уже к осени, осенью на станции прогорели трубы переднего экрана котла, и появилась течь. Приехала комиссия, и попёрла на меня. Моим оправданием было то письменное распоряжение главного механика, что я затребовал от него.

Электростанцию прицепили к паровозу и повезли в мехмастерские в Чепецкий. Вызвали электросварщика из железнодорожного депо г. Зуевки, дипломированного. Он заварил и никаких проблем. После этого мы с месяц стояли на территории мех/цеха и освещали посёлок Чепецкий. Из Чепецка меня отправили работать с электростанцией в посёлок Талицкий. Жить я устроился на частной квартире, у главного механика Афанасия Дерендяева. У него жил мой родственник, Николай Петрович Зайцев, сын моего крёстного, из деревни Шушканово. Он работал электромехаником на ПЭС-12/200.

Поскольку отношения мои с Шурой не были разорваны, то мне

приходилось ходить в п. Бочуры по выходным дням и в перерывах между сменами. Работа шла хорошо, и заработки по тем временам были хорошие. Ещё в Бочурах мне приходилось к праздникам писать лозунги, стенгазеты – я же был примерным работником и комсомольцем. В Талицком я тоже был включён в редколлегию стенной газеты по участку. В 1950 году нас вызвали в военкомат, забрали приписные свидетельства и выдали военные билеты. По чьему-то указанию на нас всех (22 человека) дали бронь – отсрочку от призыва, но на какое время, не сказали. Ребята наши в большинстве поженились, считали, что их не возьмут в армию.

Я был увлечен работой, даже во время отдыха между сменами ходил к Афоне в склад и занимался ремонтом электропил. Обычно из двух-трёх неисправных собирал исправные пилы. Афанасий закрывал наряды и оплачивал.

В октябре 1951 года наш мастерский участок с трелевщиками и грузчиками остался один в квартале, вырубка его уже закончилась, и все перебрались на новый квартал по другой ветке, УЖД, и за нами по утрам и вечерам ходил мотовоз или паровоз. В тот день не пришёл ни мотовоз, ни паровоз, и мы знали, что мотовоз встал на ремонт. Уже стемнело, и мы решили ехать своим ходом, а было километров пять. До поворотной стрелки было с километр, и решили так: на платформе спустимся под уклон до стрелки, оттуда из будки позвоним диспетчеру, узнаем, есть ли на этом перегоне транспорт в ближайшее время. Нас было 15 человек, в основном татары. Бригада трелевщиков и грузчиков 12 человек, мастер-женщина, бракёр-женщина и я, электромеханик. Опустились на платформе до стрелки, попробовали позвонить. Но дозвониться не смогли, и стали решать, что дальше делать. Спорили-спорили и рискнули ехать. От стрелки ещё дорога шла под уклон, потом подъём и платформа до верхней точки перевала не добежит метров 30-40, там выталкиваем на себе, а дальше опять под уклон и нас выносит до посёлка. Естественно, у нас не было света. И мы тронулись в путь, платформа под уклон развивала скорость такую, что на стыках рельсов

подпрыгивала. На подъём мы немного потолкали, и начали спускаться под большой уклон. Оказалось, что мотовоз всё-таки послали за нами, и он шёл на подъём нам на встречу, и тоже без огней. Мотовозник на горизонте на фоне неба заметил нашу платформу и понял, что мы едем своим ходом. Он быстро переключился и начал от нас удирать, но ему это не удалось. Мы быстро его догнали с бешеной скоростью. Мы же на платформе мотовоз заметили, когда до него осталось метров 30. Трое из наших прыгнули на ходу. Платформа являлась полуприцепом для перевозки хлыстов, из двух платформ. На такой платформе закреплены три здоровых бруса: один по центру и два по краям платформы, посередине поперёк установлен брус-конику, на котором лежат хлысты. Все, кто не решился прыгнуть, зацепились за эти брусья. У меня с собой было эмалированное ведро на 15 литров. Я ведро поставил к бусу-конику, и упёрся в него плечом, чтоб оно амортизировало. Удар был такой силы, что бидон мой смяло от моего плеча. А меня швырнуло вверх ногами, и сбросило с платформы метров на восемь вперед и в сторону. Когда приземлился в кустах, сразу мелькнула мысль, всё ли у меня в порядке с телом. Ощупал себя и понял – всё в норме. Лежу – прислушиваюсь, слышу – кто-то рядом зашуршал, спрашиваю – кто там. Лебёдкич Миша Овсяков ответил, что с ним тоже всё нормально. Услышали – кто-то заревел. Встали, вылезли из кустов к платформе, на ней никого не видно, а только с платформы женский рёв. Оказывается, Степан, муж Лиды-мастера, при приближении к мотовозу положил её между брусьев продольных на пол платформы, а сам лёг на неё и руками поймался за брусья, надеясь таким образом удержать её и себя от удара. Но от удара его перебросило на мотовоз, а жену затолкнуло под поперечный брус-колоду так, что чуть её вытащили. Мотовозником был сын основного мотовозника, не имеющий прав на вождение мотовоза. Если бы он ехал как положено, с включёнными фарами, то мы бы не начали спускаться с подъёма, а подождали его и прицепили платформу. Мотовозник тоже ревел, платформа аж влезла на платформу мотовоза, кабину с места немного свернуло, стёкла

повыбивало. Мы же все были живы, правда помяты и поцарапаны, с ушибами, но переломы были только у одного. Такой удачный был полёт. Это случилось где-то около полутора километров от посёлка. С этих пор последовал жёсткий приказ, запрещающий такие поездки.

Приблизительно в то же время, чуть пораньше случилось, что возле электростанции током убило лошадь, на которой подвозили дрова. На корпусе, а значит и на рельсах тупика, был небольшой потенциал. И т.к. мы должны были через несколько дней переехать на новое место, то не было принято решение об усилении заземления. Территория была ограждена, и возчик предупрежден, что туда нельзя заезжать. Лошадь судом оценили в 7 000 рублей. И пришлось платить возчику, мастеру и мне. Возчик не растерялся, отрезал голову лошади, мясо разделал, увёз на поселок, продал татарам, а их у нас было много. Деньги внёс в бухгалтерию за себя и за меня.

Однажды я ходил в п.Чепецкий, там был какой-то концерт, и мы договорились встретиться с Шурой. После концерта погуляли, побыли вместе, и я часа в два ночи отправился пешком к себе, в Талицу. Расстояние было 9 км по УЖД. Это было в октябре. Погода была ясная, с лёгким морозцем, светила луна. Прошёл около шести километров, с подъёма уже был виден свой посёлок. Я тогда уже начал курить, достал портсигар, папиросу и закурил, а когда поднял голову и посмотрел вперёд, то увидел человека, идущего навстречу, метрах в двухстах от меня. Человек вышел на линию с противопожарной полосы. Одет он был в телогрейку и юбку. Я ещё подумал, откуда могла там взяться женщина в глухую ночь. Но решил, что она шла по линии и спустилась с насыпи, чтоб справить свои дела. Когда подошли друг к другу ближе, и перекинулись фразой, я сразу понял, что это мужчина. Когда между нами осталось меньше 10 метров, я сказал: «Чего тебя носит по ночам? Волков не боишься!» Он меня руганул крутым матом: «Кого волками пугать надумал...» Я шёл по середине ЖД, а он – по бровке. Как только я понял, что это мужчина, сразу руку сунул за пазуху – у меня был кинжальчик. Так мы прошли, провожая друг друга глазами. Только когда мы

разошлись метров на восемь, он сказал мне, чтоб я не шлялся тут по ночам и хорошо, что я на него попал, а могло быть и хуже. Ему было лет под сорок.

Немного позднее, в октябрьские праздники, всё выяснилось. В наш посёлок приехали гости из Чепецкого, муж с женой. Во время празднования поскандалили между собой, жена собралась и побежала в Чепецк ночью. Немного не добежала до противопожарной полосы, увидела, что на дорогу вышли двое мужчин – и бросилась обратно. Они бежали за ней, но она успела добежать до казармы на ЖД стрелках и забежала туда. Там жили рабочие УЖД. После этого милиция окружила этот участок леса с собаками. И их поймали – да им, собственно, куда деваться – наступала зима. Это были бежавшие из лагеря три человека: одному было сорок лет, двое молодых лет 18-20.

Перед новым, 1952 годом, я взял отгулы и поехал в Киров. Купил чёрный бостоновый костюм и рубашку вышитую, украинку. Заехал домой в деревню, побыл там два дня, и ушёл пешком в Котельнич. Погоды была метельная, дорога очень плохая, шёл через Юрьево 30 километров. Пришёл на вокзал, зашёл в ресторан покушать, купил обед, 150 гр водки и пару кружек пива. Покушал, купил билет, и в ожидании поезда снова зашёл в ресторан, немного выпил. Затем посидел в вокзале пару часов и сел в поезд. В то время по вагонам корзинками носили обеды и водку. В вагоне ещё выпил 100 гр, съел бутерброд с икрой и улёгся спать, предупредив проводника, чтобы не забыл разбудить в Зуевке. Хотя в плацкартном вагоне они обязаны своевременно поднимать пассажиров. Проводники меня не разбудили, т.к. ехали ночью, и они сменились в Кирове. А поднял меня контроль, начав проверять билеты. В то время билеты не отбирались. Это было перед станцией Яр, уже проехали Фалёнки. Оттуда пришлось возвращаться в Зуевку. В то время в поезде ехать было без проблем, если есть у тебя деньги: тебя всегда накормят, дадут и выпить, и на закуску чего желаешь, и бутерброд с чёрной икрой, и прочее.

Помнится, в ноябре 51 года вечером пошёл в Бочуры на свидание, уже

стемнело, от железной дороги повернул по санному пути, напрямую – была такая дорога. Снег был ещё тонкий, вырубка леса ограждена от скота, т.к. она была засеяна молодым лесом. Дорога с вырубки проходила лесом, на этой опушке мне повстречался волк. Мне осталось до посёлка не более двух километров, а прошёл уже шесть. Волк стоял посреди дороги и не уступал. Я достал папиросу, спички, закурил. А он стоял неподвижно и наблюдал за мной. Я попробовал бросать зажжённые спички – волк только глазами водит, наблюдая, куда падает горящая спичка. Я знал, что мне во что бы то ни стало нужно сбить его с дороги. У меня в кармане был нож, но я побоялся идти на него с ножом. Трудно было предположить, чем могла закончиться эта схватка. Он же способен делать прыжки более пяти метров. Тогда я свернул с дороги, отломил от огорода кол метра полтора. А волк всё ещё сидел на дороге и наблюдал за мной. Я подошёл к нему ближе, метров на шесть. Замахнулся на него и с криком бросился к нему! Он сделал прыжок в сторону метров на пять-шесть, я прошёл по дороге и кол потащил сзади себя. А волк вышел на дорогу и шёл за мной в метрах восьми-десяти. Так мы шли, наверное, километра полтора. Он отстал, когда слышались с посёлка шум и собачий лай. Так дошёл я до посёлка. Там побыл часов до двух-трёх утра, и нужно было возвращаться обратно, т.к. утром нужно было ехать на работу. Взял с собой старых газет, верёвку, пошёл в обратный путь, но никого уже не видел. Спокойно дошёл до дома. А ходил я по этой дороге три-четыре раза в месяц, больше года, пока не призвали в армию 6 декабря 1952 года.

А в Талице были свои дела. Я уже писал, что был активным комсомольцем, членом ред.коллегии стенной газеты. Сочинял, хоть и грубо, острые стишки на кого-нибудь. Помню, к нам в посёлок приезжало руководство ОРСа и проводило совещание с работниками ОРСа нашего участка в клубе. Я не спал до часу ночи, и сочинил очень острое сатирическое стихотворение на работников пекарни. Утром рано пришёл в контору и вывесил его на доску объявлений. Все рабочие собрались утром на поезд, читали и смеялись. А девчата из бухгалтерии пришли на работу,

прочли и размножили на машинке. Потом отнесли в клуб и вывесили там. Ох и здорово возмущалась Копытова, завпекарней! Конечно, в посёлке девчата в основном знали, чья это работа.

Позднее на мою электростанцию пришла работать кочегаром Зоя Кузнецова. Она всеми силами тянулась ко мне. Как только купит какую-нибудь обнову – и бежит к нам похвастать. Мы её покачаем с Афоней, она принесёт бутылочку. У меня тоже с ней сложились дружеские отношения. Она постоянно приходила к нам, если была не на смене, старалась всячески мне услужить. О её равнодушном отношении ко мне знали и её родные, да и в посёлке многие знали. У неё в семье были отец, мать и сестра Ира – ещё подросток. Однажды я зашёл в столовую, там сидел её отец, Саша Кузнецов. Мы с ним выпили по стопке, по две, а потом он пригласил меня к себе домой. Там мы ещё выпили, и я уснул у них. Ночью проснулся, осмотрелся и понял, что не дома. Оказалось, я спал на одной кровати с Зоей. Я тут же вспомнил вчерашний день, тихо встал, оделся и смотался домой. Многие девушки того посёлка старались, чтобы я обратил на них внимание. У меня хорошие отношения были и с ребятами, что жили в общежитиях.

В электростанциях я разбирался прекрасно, и новый главный механик, Асмус Михаил Васильевич, всё хотел организовать участок по их ремонту, и обещал поставить меня мастером по ремонту электростанций, но меня призвали в армию. Так проходила моя жизнь в те молодые годы.

Жил в то время на поселке и работал в медпункте фельдшер Миша Комалов, плотный паренёк небольшого роста. Его направили после окончания медтехникума. Мы с ним хорошо подружились, и когда у меня была получка, мы с ним шли в столовую, брали по 200 гр. водки и по пиву. Посидим за столиками, или возьмём бутылочку и у него посидим. Он жил прямо в медпункте. А когда он ездил в район за медикаментами, мы с ним тоже отмечали у него, он всегда привозил спирту, и мы тогда засиживались. Как бы мы с ним ни укрывались, а полностью быть незамеченными нам не удавалось. За ними следили девчата, особенно сёстры Мусихины, Валя и

Зина. Валя работала в детсаду, а Зина бракёром на нашем участке. В выходной день Зина прибежала за мной и сказала, что девчата просили прийти и отремонтировать патефон. Я собрался и пошёл. Отец сестер, Мусихин Евстигней Андреевич работал в лесу мотористом, на электропиле, и мы были хорошо с ним знакомы. Когда я пришёл к ним, хозяин был дома. Мы с ним в прихожей выпили бутылочку, и я пошёл в комнату к сёстрам. Посмотрел патефон, а он оказался исправным. Они пригласили в гости, чтобы обратил на них внимание. Так, во всяком случае, мне показалось.

Я часто бывал в общежитии у ребят и девчат. Это были бараки, там жило человек по сорок. Поэтому я сразу ушёл жить к Афанасию, и питался у них, им за это платил. Я часто ходил в Бочуры, а Тоня, хозяйка, всё время мне напоминала о том, что люди ходят за ягодами и видят болтающихся чужих. Моя зарплата была тогда в пределах 2000 рублей, это были довольно солидные деньги по тем временам. Многие рабочие основных профессий: мотористы, лебёдчики и другие механизаторы, - зарабатывали до 3000 рублей. Жил в посёлке татарин, Салеев Мусса Садыкович. Ему было лет 65, весь седой и ни одному зуба во рту. А питался только блинами. Он работал мотористом на валке леса, его сын Саша тоже работал вальщиком, сын Миша – мастер ФЗО, и была ещё дочь. У них был большой свой дом, стены дома внутри в комнатах были обиты красным бархатом. Работали люди самоотверженно, и стоять над ними не нужно было, и упрашивать тоже. Начальником участка был Кролинов Алексей Николаевич, пожилой человек, очень требовательный и справедливый, до этого работавший начальником лагеря заключённых.

Однажды летом 1952 года мы были в Чепецке на отдыхе. Оттуда доехали до поворота на Бочуры, а дальше – пешком с Шурой отправились в Бочуры. Я уже знал о том, что там появился новый комендант посёлка, и он высказывал своё равнодушие к Шуре. Она просила, чтоб появился там днём, т.к. я обычно приходил туда только вечером. Пришли мы туда днём, где-то около обеда. Когда проходили через посёлок, там на пяточке было

много мужчин и парней. Я в основном всех их знал, особенно молодёжь. Шура ушла к себе на квартиру, а я остался с ребятами на посёлке. Затем мы с Новомиром пошли в столовую пообедать. Взяли обед, по стакану водки, сели за стол, и тут зашёл в столовую этот комендант, взял 50 гр водки, закуски и подсел к нашему столу, предложил выпить за знакомство. Но мы ему поставили условие, чтобы он взял стакан водки, как и у нас. Но он не пошёл на наше условие, выпил свои 50 гр., закусил и убежал. Мы с Новомиром выпили, пообедали и ушли в общежитие. С ребятами поболтали до вечера, вечером сходили поужинали, немного выпили и собрались идти в клуб. Я зашел на квартиру, где жила Шура с Любой. Они собрались, и мы отправились тоже в клуб. Клуб стоял на краю посёлка на возвышенности. Там уже вовсю шли танцы. На гармошке играл этот комендант, молодёжи было много. Я отошёл в сторону, Шура с Любой пошли танцевать. Как только они пошли по кругу, он перестал играть. Они сели, он снова заиграл, они некоторое время посидели, вновь стали танцевать — музыка снова замолчала, в третий раз повторилось то же самое. На этот раз я не стерпел, подошёл к нему, взял у него гармошку, передал Семёну Катаеву и сказал: «Он не хочет играть». Я ушёл и сел на своё место, а Семён начал играть, и все стали танцевать. Комендант подошёл ко мне и пригласил выйти с ним на улицу (он был на 4 года старше меня). Мы вышли, сели на поваленное дерево, закурили. Он мне начал говорить, зачем я хожу за 9 километров на их посёлок, что мне, девок не хватает на своём посёлке. Я старался сдерживать себя и не доводить дело до драки. Когда он сказал, что, как комендант, просит меня не появляться на их посёлке, я не мог этого стерпеть и ударил его локтем правой руки под дыхало, он перевернулся с дерева, я вскочил, пнул его несколько раз, он вскочил и убежал. Я повернулся и пошёл в клуб, а в тамбуре много стояло зевак и наблюдали. Когда мы пошли с Шурой домой, она говорит, что он мне где-нибудь подкараулит за углом, но меня это не страшило. Комендант хотел на меня подать в суд, а свидетелями включить ребят, но они ему отказали и сказали, что если он будет судиться, то пусть

уедет с посёлка от греха. После того, через некоторое время мы с ним повстречались в лесу. Я шёл пешком в их посёлок к Шуре, а он ехал верхом на лошади. Я попросил его сойти с лошади, и мы с ним побеседовали на эту тему. Тогда он сказал, что раздумал судиться.

В отпуск я ездил ежегодно домой в деревню, где жили брат Саша, мама и сестра Тоня. В 1951 году, во время моего отпуска, Саша решил жениться. Мы ходили сватом: мама, Саша и я в д. Тупицыны к Алексею, чтоб он отдал свою дочь Нину. Свахой была женщина Дуня из той деревни. Все уже было договорились, но отец Нины поставил условие – обязательное венчание. Церковь работала в селе Юрьево, за венчание брали сто рублей. Я сказал Саше, что деньги у меня есть и разговора об этом не может быть. Выпили вина, договорились о дне свадьбы. Шла подготовка к свадьбе, все были заняты делом. Уточняли, сколько нужно подвод в поезд, кто поедет из гостей до Тупицыных и в Юрьево. Поезд состоял из пяти подвод: первым ехал дружка, зампредседателя Алексей, вторым шёл наш экипаж, я был за кучера, вёз жениха и невесту, за нами ехали на трёх подводах. В деревнях поезд останавливали, и дружке приходилось откупаться от мужиков вином или пивом, где возможно – проезжали по-за деревне. Заехали в дом невесты, там было застолье, после чего поехали в церковь. Там тоже было много зевак. Была интересная церемония венчания, после которой снова заехали к Тупицыным, и там гуляли почти всю ночь, потом уехали на Шушканово. Приехали все гости на Шушканово и гуляли там, кто один день, кто два дня.

Во время моего отпуска 1952 года ездили в эту же церковь на второй день Троицы крестить сына Саши и Нины Лёшу. Это был мой последний отпуск перед армией, а потом я появился в деревне через три с половиной года, в 1955 году, в октябре.

6 декабря 1952 года нас вызвали в военкомат города Зуевки, отобрали военные билеты, провели комиссию по пригодности к службе и вручили повестки. Нам с Витей Краевым дали повестки с отправкой 9 числа. Стоял вопрос, брать или не брать меня из-за слабого зрения. Тут был представитель

военной части подполковник Бондаренко, его прельщала моя специальность электромеханика, в то время это была дефицитная специальность, и он высказал своё мнение за призыв. Я со своей стороны высказал своё согласие. Утром 9 мы отправились в Чепецкий. Меня зачислили в команду в ракетную часть.

Привезли нас на станцию в Новгородской области. Нас разместили в

Младший сержант Зайцев. 1953

фойе клуба – 120 человек. Там мы проходили карантин. Через день нас отправили в баню, обмундировали, и мы не стали узнавать друг друга. Карантин длился больше месяца. Потом начали готовить к присяге и распределению по подразделениям части.

Перед распределением к нам приходил начальник полковой школы подполковник Кадзаев и беседовал со многими ребятами, в том числе и со мной. Первым вопросом было, желаю ли я идти

в школу. Я ответил отрицательно, потому что у нас было понятие о строгостях в полковой школе. А через пару дней зачитали приказ командира части, и меня зачислили в третий взвод полковой школы электриков-механиков.

При выходе из карантина состоялось принятие присяги, военный парад на плацу, праздничный обед. Когда мы приехали в карантин, то не знали, какая часть: погоны артиллерийские, а пушек нет, только спецмашины, механизмы, никто ничего не говорит. В школе мы стали изучать боевой путь части, она в войну была одной из первых частей «Катюш», на знамени части было 5 орденских лент, и мы узнали, что это была ракетная часть. Учебные ракеты были в ангарах, это была «двойка» - так её называли. Наш взвод изучал её электрическую часть, системы питания.

Много было занятий по строевой и физической подготовке. Учёба у меня шла хорошо, особенно спецдисциплины. Командир взвода был лейтенант Скородумов, дотошный, визгливый. Зиму проучились, и в конце мая нас отправили в лагерь, но потом меня вернули на зимние казармы и определили работать на зарядную станцию. Начальником станции был сержант Фёдор Иванович Лукоренко, из Харькова. Мы занимались уходом за аккумуляторами той техники, что находилась в ангарах. Мы даже монтировали и формовали новые аккумуляторы. Изготавливали парами и через механика стройбата Колю Бабанова продавали шофёрам гражданским, 300 рублей пара. 100 рублей отдавали нач. склада, часть механику за посредничество. Так мы работали летом, но на продажу сделали пары 3-4, не больше.

В октябре все вернулись из лагерей, и нас вновь собрали в школе. Месяц занятий, экзамены и распределение по подразделениям. Последовал приказ командира части, где мне присваивалось звание младшего сержанта и меня направили в третий дивизион, в техническую батарею.

В нашей батарее было 22 офицера, 12 сержантов и 36 рядовых солдат. Отношения у меня со всеми офицерами были хорошими. Командующим ракетными войсками был маршал артиллерии Неделин. Как приедет – обязательно всё везде проверит, в столовую придёт и в казарму.

Последнее лето 55-го года я оставался на зимних квартирах, был штатным помначкараула. В конце июля, перед демобилизацией, нас всех из этой части решили отправить в другую часть в Кременчуг. Пришли за нами машины, нас должны отправить в лагерь – а оттуда поездом в Кременчуг.

В то время на Днепре формировался коллектив строителей Кременчугской ГЭС. Несколько раз приезжали к нам представители и приглашали на эту стройку, но мало кто согласился. Я тоже решил ехать домой и обратно, в ЛПХ, откуда и был призван, да меня же ждала Шура. Мы с ней переписывались все три года службы. Перед демобилизацией нам дали задание отремонтировать автомобиль ГАЗ-67 (козлик), на котором ездил

командир дивизиона. Предупредили, что пока неотремонтируем, демобилизации нам не будет. Мы не знали никаких построений, из столовой бежали в парк, из парка в столовую и в казармы. Но зато после ремонта и обкатки машины нам сразу дали на руки документы, проводили на этой машине на вокзал, и мы пассажирским поездом поехали домой.

Дома я прожил с месяц и уехал обратно на работу в чепецкий ЛПХ. Оттуда направили меня в п.Майский. В п.Майском работала и Шура заведующей детским садом. Чтобы мне опять не поселиться в общежитии, мы решили пожениться и 25 ноября 1955 года зарегистрировались. Жили в четырёхквартирном щитовом доме. Я работал вначале почти всю зиму электромехаником. В то время оплата была уже много меньше, чем до армии. Так работали до лета 1956 года.

В июле попал в аварийную ситуацию. Оборвавшимся тросом мне выбило зубы и перебило ноги. Такая сила удара была по челюсти, что мне показалось, что у меня отлетела голова. Придя в себя, я первым делом проверил, на месте ли она. Приехали на мотовозе фельдшер, начальник и технорук. Мне забинтовали ноги, всё лицо и повезли в больницу в Чепецкий. Были сильные ушибы мышц ног вверху, их очень трудно было ворочать, когда вставал, то ноги с кровати скидывал руками. Выбиты четыре зуба, и один вывернут с корнем. Температура у меня держалась долго, наверное с полмесяца. Кололи пенициллин четыре раза в сутки. Кормили меня только жидкостями и кашами. Мне есть было совершенно нельзя, т.к. правая нижняя челюсть была переломлена, и во рту не было живого места. Я пролежал месяц в больнице в Чепецке и ещё месяц – в районной.

Жена была в положении и уже в декретном отпуске, 11.09.1956 г. родила дочь Любу. Я продолжал работать электриком.

Ещё по прибытии из армии парторг Ворончихин предложил мне вступить в партию. Я подумал и написал заявление. Но незадолго до собрания, на котором должны были его рассматривать, у нас получился конфликт с начальником Костылевым А.А., и он сказал, что не поддержит

мою кандидатуру. После этой ссоры я пошёл в парткабинет и забрал заявление до лучших времен, которые для меня так и не наступили.

В конце мая мы решили отвезти Любу в деревню к моим родным. От Котельнича нужно было добираться 30 км. Мы напросились на две машины, которые шли в Киров. Доехали до д. Гостевы, машины застряли, и нам пришлось где-то определяться на ночлег. Никто не пускает в деревне, потом одна женщина пустила. Мы спали на лавке, а утром рано тронулись в путь пешком. Я тащил чемодан и сумку, а жена несла Любу. Так добрались до деревни, где я провёл своё детство. А потом в сентябре ездили за Любой, она уже ходила.

В Майском я доработал до января 1958 года и поехал поискать своего счастья, всю жизнь в ЛПХ не проживёшь – лес вырубят, и делать будет нечего. Уволился я и поехал на Урал, в пос.Карпунино Свердловской области. Там жил дядя Миша Кошечев, брат тёщи. Я узнал в отношении работы, и мы переехали туда всей семьей. Остановились у дяди Миши. Я устроился на железную дорогу слесарем-механиком. Начальником был Иван Александрович Совко. Он узнал, что я по специальности – электромонтёр, пригласил к себе и сказал, что его уже второй год терроризирует газета «Гудок» за то, что он не может электрифицировать казарму около реки Сосьва, хотя там ВЛ-6КВ проходит рядом, и попросил меня сделать это. Помогали мне в строительстве рабочие, что жили в этой казарме. Работы велись с нарушением правил безопасности, но иного выхода не было. После подключения проверили все точки и розетки – всё действовало нормально. Я уехал домой в Карпунино – мне неплохо оплатили.

Зимой меня перевели работать механиком снегочиста. Во время езды на снегоочисте оплата была сдельная – с километра. Наш участок считался от станции Новая Сосьва до Алапаевска – это 140 км. Несколько раз за зиму со мной ездил за слесаря мой тесть, он работал в ПЧ кладовщиком.

У дяди Миши мы жили недолго, с неделю или даже менее, потом купили домик их сына Афони, который стоял рядом (с усадьбой в 15 соток). Вскоре

к нам приехали тесть с тещёй и сыном Толей, он учился в шестом классе. Весной тесть купил небольшой сруб, к осени построил домик, и они перешли от нас жить в свой домик. У них была корова, держали кур. Мы тоже, пока там жили, держали коз, кур и порося.

В январе 1959 года у нас родилась дочь Вера, было хозяйство, работы дома было много, и поэтому я решил уволиться с железной дороги. Нужно было что-то искать постоянное. Я об этом задумался, и решил съездить в Кузбасс, в г.Калтан. Съездил туда, и договорился с работой на строящемся заводе котельно-вентиляторного оборудования. Когда я вернулся в Карпунино, мы приняли решение выехать с Урала в Кузбасс. Мы с женой уволились, собрали вещи (а их было мелочи), отправили малой скоростью, и поехали сразу всей семьей, с двумя детьми, и ещё с нами была сестра Тоня. Мы уехали, а дом оставили тестю. Он его продал, а деньги выслал нам.

Поездка была трудной. Любе было 4 года, а Вере – полтора. Было очень много вещей с собой и питания. Много было пересадок: в Свердловске, Новосибирске и Новокузнецке. Приехали в Калтан к тёте Анне, маминой сестре, и пока поселились у них. Но потом мы походили с тётёй и нашли квартиру в пригороде Калтана, который назывался Маленький Калтанчик. Жила в частном доме одна пожилая бабуля Анисия Тимофеевна. Мы с ней договорились, и она пустила нас за небольшую цену, отдала нам большую комнату.

Я устроился на работу электромонтёром в строительное управления Юж-Кузбасс-ГРЭС, через полтора месяца был назначен бригадиром. В то время был введен порядок самообслуживания при получении зарплаты. Это было не только на стройке, но и на предприятиях и в шахтах. Заключалось оно в том, что с ОГМ выделялись два человека из рабочих в день зарплаты, шли в управление, получались ведомости на весь ОГМ и деньги, приносили в кабинет, клали на стол деньги и ведомости. Люди приходили, расписывались, отсчитывали себе деньги и уходили. Правда, в первой получке одному не хватило – пришлось собрать обратно необходимую сумму. Но потом люди

сами следили друг за другом. Это очень упрощало – не нужно было выстаивать очереди у кассы.

В то время были введены ДНД – добровольные народные дружины, по городу дежурили энергетики и шахтёры, при этом шахтёры старались ловить больше энергетиков и наоборот. Если в день полочки дежурили шахтёры, то мы сразу шли домой, не обмывая.

Оплата была сдельная – сколько бригада выполнит работ (освоит денег), 15% из них шло на зарплату. Зарплата во многом зависела от умения правильно закрыть наряд. Я ежедневно вёл записи работ во всех мелочах. Для того, чтобы более своевременно было снабжение материалами и оборудованием, мы приняли на себя обязательство бороться за звание «Бригады коммунистического труда», в то время это движение только начиналось, и грех было им не воспользоваться. Если нам что-то не завозили, то мы шумели, что бригаду сдерживают от выполнения обязательств.

В ту зиму двоюродная сестра Люся, дочь тёти Анны, выходила замуж за Мишу Привалова. У них в семье было 14 человек. Миша был старшим, он работал дежурным инженером на ГРЭС и учился в вечернем техникуме. Растить детей помогало государство, и жили они неплохо. У них был свой большой дом, держали двух коров и другой скот. Насколько я знаю, все дети выучились и закончили институты и техникумы.

В целом место там очень хорошее, летом мне обещали дать квартиру. Но у нас нездоровилось старшей дочке Любе, и мы отправили её с сестрой Тоней на родину в деревню. Там ей стало лучше, и мы переехали в родную Вятскую губернию.

Я начал работать электромонтёром в ГорСети в городе Котельнич. Все работы проводили вручную: копали ямы, ставили опоры, натягивали провода. Я очень быстро вписался в коллектив электросетей, директор эл.сетей Котов А.Ф. и мастер Трефилов С.В. хорошо ко мне относились, доверяли сложные работы.

На частной квартире мы жили с мая 1961 года до февраля 1962 года.

Затем переехали в квартиру на ул.Яранская, возле Городского сада. Дом был уже старый, списанный. Был небольшой огородик от дома до оврага, где сажали грядки. Был дровяник – отапливались дровами. Туда переехать мне помог директор Котов, он в то время являлся зампреда Горсовета (тогда эта должность была не освобождённая от основной работы, по совместительству). Конечно, было решение профсоюзного комитета городского коммунального хозяйства.

Николай Иванович Зайцев с семьей.
Середина 1960-х гг.

В 1961 г. с 1 сентября я поступил в вечернюю школу. Как я уже писал, я учился в шестом классе до января 1943 года. Учиться хотелось, и пошёл на русский авось в седьмой класс. Учился примерно, и учёба шла неплохо. По окончании восьмого класса мне было вручено свидетельство, и я

оказался одним отличником из 2-х классов. Вручал его директор школы Исполатов Николай Михайлович, который написал книгу «Люди трудной судьбы» о защитниках Брестской крепости, он был одним из них. По закону я имел право пользоваться один день отдыха в неделю, или в дни учёбы сокращать рабочий день на 2 часа с оплатой 50%. Но я за время учёбы ни разу не пользовался этими льготами. Оклады монтеров были 75 руб. в месяц, в нашей бригаде – 110-115 руб.

Однажды ремонтировали ВЛ-0,4КВ около элеватора в деревне Лукаши. Я поднялся на опору и стал вворачивать крючья. Тут мимо проходил Вагин и говорит: «Спустись быстро! Опора потрескивает!» Я быстро отцепил когти от опоры и съехал на землю. Мы толкнули опору, и она упала. Вот тогда у меня волосы встали дыбом. Оказалось, что она сгнила на глубине 0,5 метра в земле.

Дочки наши росли, летом их отправляли к бабушке в деревню. У брата своих было трое, и наши ездили. Мы с женой ездили на выходные их навещать, привозили гостинцы.

Я решил пойти в 9 класс школы. Мне не повезло, потому что ввели 11-классное образование, и мне пришлось на год больше учиться. Почти все годы учёбы я был старостой класса. Ученики в нашем классе были в большинстве своём взрослые, работающие на предприятиях. В 1966 году я окончил 11 классов, получил аттестат с 2 «четвёрками», остальные – «пятёрки».

Работа шла хорошо, и авторитет у меня был большой. Это видно из трудовой книжки – к каждому празднику получал поощрение. В июле 1965 года мы получили двухкомнатную хрущёвку в четырёхэтажном доме, на 4 этаже. Это была практически первая настоящая квартира, полученная нашей семьей. Это была настоящая радость. Люба уже ходила в школу, а Вера – в детсад.

Ещё в 1964 году в Котельниче было организовано отделение энергосбыта «Кировэнерго». Начальником назначен Котов А.Ф. В августе 1966 года мне сделали приглашение на работу ст.техником-инспектором в энергосбыт. Школа была закончена, и я принял это предложение. Мне дали курировать Даровской район, колхозы, совхозы и сельхоз организации Котельнического района.

В 1966 году нам дали участок земли 6 соток, под сад. Уже в 1967 году мы там сажали овощи, саженцы, картошку, ягоды и т.д. Я в то время постоянно находился в командировках: неделю в Даровском и неделю в своём районе. Работал с полной отдачей сил, и работа мне очень нравилась.

В 1967 году поступил в Ивановский заочный энергетический техникум по специальности «монтаж эл.оборудования электростанций и подстанций». Почти ежедневно сидел до 12 ночи и дольше с контрольными работами.

В то время шла сплошная электрификация сельского хозяйства. А мы занимались допуском в эксплуатацию подстанций в колхозах и вообще в

районах. В месяц их иногда приходилось допускать до 15 штук.

Я выехал в Иваново в октябре 1971 года для окончания обучения. Сдал экзамены за последний курс, получил задание на дипломный проект «Разработка проекта ГРЭС на 900 МВт». Защита состоялась 23 декабря, я шёл тринадцатым по списку, последним. Защиту провел с оценкой «пять». На следующий день вручили диплом, значок, и я в этот же день уехал домой.

В 1972 году в мае тяжело заболел брат Саша, он лежал с больницы с инсультом. У него отнялась речь и вся правая сторона. Когда его выписали домой, он стал соблюдать диету, гулять по свежему воздуху и стал поправляться. Когда через месяц его вновь привезли в больницу, он уже ходил нормально, но речь так и не восстановилась. Ему была присвоена группа инвалидности.

Ещё в 1971 году мне сделали предложение работать в Западном предприятии эл.сетей в качестве старшего мастера. Там был оклад больше. Ранней весной 1972 года заболел Котов А.Ф., и в Энергонадзоре встал вопрос, кого назначить начальником отделения. Они несколько раз звонили мне, чтобы я перешёл обратно. В конце концов я дал согласие на перевод, и 26 июля я перешёл в Энергонадзор начальником отделения.

Работы было очень много, в течение полутора лет было принято на баланс более 20 000 абонентов в сельской местности, нужно было набрать и персонал: контролёров, монтеров. В первое же время работы меня пригласили в Горисполком «для знакомства» - так сказал председатель В.Д. Белых. Их удивило, что меня назначили – а я не коммунист. Работа шла своим чередом, но очень сильно нам надоедали руководители райкома и исполкома из-за работ в колхозах. Сено- и хлебоуборка в колхозе постоянно нервировали.

К столетию рождения Ленина меня Энергонадзор представил к награждению юбилейной медалью. В 1974 году наградили юбилейным значком «30 лет Энергонадзора». До 1980 года было много грамот от Энергосбыта и РЭУ «Киров-энерго» и других поощрений.

Дочки после окончания школы поступили учиться: Люба в Ленинградский санитарно-гигиенический медицинский институт им. Мечникова, а Вера – в училище искусств города Кирова. Условия жизни усложнились.

В феврале 1980 года отмечали мой 50-летний юбилей. Приезжали с участков, а из Кирова приезжал главный инженер – Дряхлов Л.Д., вручил мне подарок.

Во время отпуска, в июле 1980 года я решил съездить в г.Сургут Тюменской области в разведку в отношении работы. Встретился с начальником энергосбыта Командировым, который предложил мне должность начальника отделения в Новом Уренгое. Специалисты, особенно с опытом работы, были очень нужны, так как отделение только организовывалось.

Вернулся домой, обсудил с семьёй, и дал телеграмму, что согласен на Новый Уренгой. Через полтора месяца пришла телеграмма «Прошу Вашего согласия начальником Отдела распределения и контроля(ОРИК)». В начале ноября я поехал в Сургут. Меня встретили на автобусе прямо у вагона. Заехали в коттеджик, где мне временно предстояло жить. Привезли раскладушку, постельное бельё, всё положили в комнату не более 9 метров, и я сразу уехал на работу. Это было 14 ноября 1980 года. В феврале 1981 года мне дали однокомнатную квартиру в деревянном доме на втором этаже.

Персонала в ОРИКе было мало, кроме меня ещё три женщины, а работы бумажной, особенно цифровой, было очень много. Работал я в этой должности до июля 1981 года. В июле по моей просьбе меня перевели старшим инспектором по Энергонадзору. Это была живая работа, всё время с потребителями.

23 октября 1981 года меня впервые послали в командировку в Новый Уренгой. В Сургуте было ещё не очень холодно, и я полетел в осеннем пальто и в ботинках. А там была уже зима, - 25 с ветром. Приехал с аэропорта в Северные сети к директору Прядильщикову О.П. Он посмотрел

на мою одежду и говорит: «Ты что, в Сочи летел?» Вызвал кладовщика, велел выдать тёплую одежду на время работу в Уренгое. Поместили меня на ночлег в вагончик, а в нём холодина, ноги мёрзнут на кровати. По возвращении в Сургут я пришёл к Командирову и сказал, что больше в Уренгой не полечу.

В середине декабря директор снова предложил мне ехать в командировку в Новый Уренгой для заключения договоров с потребителями

Соревнования в г.Киров. 1983 г.

электроэнергии. Так как послать больше было некого, то я согласился. Прилетел в Уренгой, устроился в гостиницу «Русь». Там было своё отличное кафе, в нём можно было прекрасно кормиться. В этот раз мне даже понравилось.

В апреле 1982 года я поехал обратно в Котельнич. Добрался до Котельнича, а там готовятся к похоронам – умерла моя старшая сестра Анна. Сильно болела моя мать в деревне. В июне умерла моя мама, хоронили её в селе Юрьево. Это был тяжёлый год для нашей родни – осенью умерла племянница Люся.

Я работал в Коммунаэнерго в должности старшего инженера с правами главного. В январе 1983 года преобразовали в предприятие, и меня утвердили главным инженером Котельнического ПКЭС.

В феврале мы поменяли квартиру. Жили в двухкомнатной хрущёвке – а получили двухкомнатную на втором этаже с лоджией и комнаты изолированные.

В мае при Кировкоммунаэнерго организовали областные соревнования среди бригад всех предприятий сети. Я был назначен старшим судьёй на седьмом этапе. Я начал готовить людей к этим соревнованиям, взяв их не из Котельнича, а из Свечи. Когда подвели итоги, у нашей команды оказалось

больше всех очков. Самая большая неожиданность была в том, что ребята были моложе всех. Вся бригада получила премии и подарки, как и я. Когда я приехал в Котельнич, мне не поверили, что мы заняли первое место.

Наши дочери уже в это время работали самостоятельно после окончания учёбы. Люба была направлена в город Омутнинск, в СЭС. Вера работала в музыкальной школе.

В 1982 году меня избрали в профком. Волею судьбы я остался за председателя профкома. Я был аккуратным в отчётности, что очень нравилось профкому объединения. Потом, когда я стал главным инженером, я оставался председателем профкома. При отлучке директора был в одном лице и.о. директора, главным инженером и председателем профкома.

Позже я принял решение вернуться в Новый Уренгой, одновременно с возможностью получить там квартиру, которая могла бы пригодиться моим детям. В Сургут я прибыл 13 октября 1983 года, а прилетел в Н.Уренгой 1 ноября 1983 года. Пришёл в Энергонадзор. Они сидели в Уренгойгазэнерго, где я их и оставил весной 1982 года. Ознакомился с делами и понял, что никакого порядка в организации работы нет.

6 ноября 1983 года нужно было вводить в эксплуатацию новую подстанцию для питания вновь сдающегося жилья. Меня пригласили на комиссию для решения вопросов по пусковым объектам. Я проверил документацию и понял, что сопротивление заземляющего устройства превышает норму в 4 раза. Я им сразу сказал, что сейчас о включении не может быть и речи. Вот так начались мои первые дни работы в Новом Уренгое. Работа началась с наведения порядка среди своих сотрудников. Завёл строгий распорядок дня, и закрепил распоряжением по отделению. Повысили требовательность инспекторы к своим потребителям.

Я поселился в гостинице «Приполярная», поначалу в двухместном номере. Потом мне отвели одноместный номер, в котором я жил до 4 ноября 1984 года. Платил с рук, а квитанции отсылал в Сургут, и мне оплачивали полностью.

В марте 1984 года получил телеграмму из дома, что Люба выходит замуж. Я позвонил в Сургут и полетел в Котельнич. Там уже шла полным ходом подготовка к свадьбе. Для проведения свадьбы откупили столовую. После свадьбы через два дня я уехал на работу. Дорога была тяжёлая после пьянки. В то время ещё не было железной дороги до Нового Уренгоя. Летали из Тюмени самолётом.

Контора энергонадзора в Н-Уренгое.

В Новом Уренгое нужно было решать вопрос с конторой. В мае 1984 года мы взяли в УБР-1 два новых вагончика, установили их параллельно, а между ними – входной тамбур с

кладовкой, из тамбура – входные двери вправо и

влево в вагончики. Так обзавелись своим помещением, подключили электроэнергию, водяное отопление, телефонизацию в каждом из четырёх кабинетов. Энергонадзор уверенно брал под свой контроль все электроустановки потребителей, особенно ввод новых.

Много было соприкосновений с горкомом партии, исполкомом и народным контролем. Иногда они требовали какие-нибудь сведения, а иногда помогали в борьбе с нерадивыми руководителями.

С получением квартиры у меня дело затянулось. Мне была намечена квартира в строившемся пятиэтажном доме по улице Молодёжной, который сдавался в конце октября 1984 года. Я зашёл в горисполком узнать, в какой стадии находится подготовка выдачи ордеров, а мне сказали, что Попик С.К., зам.ген.директора УГД, приказал вернуть мои дела из горисполкома. Я понял, что меня хотят лишить квартиры. Тут же я пошёл к генеральному директору Никоненко, добился приёма и объяснил всю мою ситуацию с

получением квартиры. Он вызвал к себе в кабинет Попика и дал указание выделить ту квартиру, которая была намечена. Ему ничего не оставалось делать, и мне была выделена двухкомнатная квартира на втором этаже пятиэтажного дома. 5 ноября мне дали ордер, а 6-го я перевёз свои вещи из гостиницы, где я прожил ровно год.

7 ноября я должен был улететь домой в отпуск. Ночь на седьмое я ночевал в своей квартире, а 7 утром улетел. Температура была -37, с большим ветром. Произвели посадку в Надыме – там было -30, а в Тюмени – 20. Когда я приехал в Котельнич в шубе – там была плюсовая температура и шёл дождь. Шура и Вера жили дома, а Люба – в Омутнинске. В отпуске я был до 18 декабря 1984 года. Нужно было Шуре получить пропуск на перезд в Новый Уренгой, выписаться и подготовиться к поездке. Дома оставили Веру и кота Степана.

По приезде в Новый Уренгой Шуре нужно было устраиваться на работу, устроили её в ЦБПО, в отдел снабжения, где она и работала до пенсии.

В начале 1985 года к нам приехала дочь Люба, устроилась на работу врачом-лаборантом в больницу. Она была в положении, и перед Первым мая у неё родился сын Егор, наш первый внук. В то время к нам уже приехал зять Миша, и работал он на автомобиле «Татра» в АТХ-3.

В 1986 году ж/д подошла к Новому Уренгою. Пустили пассажирский поезд. С тех пор все поездки в Сургут совершались поездом.

В 1986 году в майские праздники уехали домой в Котельнич Шура и Люба с Егором. А Миша уехал ещё раньше – не захотел работать в Н.Уренгое. Егору уже исполнился год, я их провожал в аэропорт. Сколько там ждали – Егор всё время ходил со мной, держась за палец. Я понял, что он в Уренгой не вернётся.

Наше отделение курировало весь север Ямало-Ненецкого округа от Нового Уренгоя до Надыма 200 км, до Белого Яра – 700 км, до Салехарда – 500 км, до Ямбурга – 300 км, до пос.Тазовский – 200 км.

Впервые в городах Салехарде и Лабытнанги я побывал в декабре 1987

года. Салехард раньше назывался г.Обдорск, в переводе Салехард – город на мысу. Там река Полуй впадает в реку Обь. А Лабытнанги на языке тех народов – «Семь лиственниц».

Я часто ездил в командировки в Ямбург. Ездили на вездеходах, переплывали озёра. С 1990 года пустили поезд от Нового Уренгоя до Ямбурга.

Зимой 1988-89 года я летал в пос. Тазовский. Там есть речной порт, небольшой аэропорт. В Тазовском для хранения овощей и картошки используют специальные утепленные баржи. Осенью их наполняют на юге области, везут туда рекой, ставят на причале, и имеется подогрев для поддержания температуры. Зимой торгуют прямо на барже.

9 февраля 1990 года у меня был юбилей – шестидесятилетие. Мы решили отметить праздник дома, день был рабочий – многие приезжали на работу с поздравлениями и подарками. От Энергонадзора – премия в размере среднемесячного оклада и Почётная грамота Министерства энергетики и электрификации СССР.

Я продолжал работать дальше, но приходилось думать о выходе на пенсию и переезде на Большую землю. В июле 1991 года выделили несколько квартир в городе Свердловске. Чтобы получить, нужно было сдать квартиру в Новом Уренгое. После сбора необходимых документов в Сургуте и Новом Уренгое я выехал в Свердловск. Горисполком Свердловска был категорически против выделения мне квартиры. Потребовалось письмо главы администрации Тюменской области на имя главы администрации Свердловской области Росселя с просьбой о выделении квартиры. Россель дал указание в виде исключения выдать ордер на квартиру. 5 ноября 1991 года вместе с ордером я получил ключи.

Я работал до 15 апреля 1992 года. За это время побывал в новой квартире только один раз, будучи в командировке. В начале апреля ездил в Сургут увольняться, там устроили чаепитие, подарили от Энергонадзора самовар системы «Петух». В апреле делал прощальный вечер для своих

работников в Новом Уренгое. Мне подарили картину на холсте маслом с подписями всех инспекторов.

Мы с Шурой перекочевали из Нового Уренгоя в Свердловск в 1992 году. Начали обстраиваться на новом месте, дел была куча. В общем, к зиме подготовились...

На этой фразе заканчиваются воспоминания Н.И. Зайцева. В ноябре 1992 году он снова вышел на работу, и снова на север – в г. Нягань Ханты-Мансийского автономного округа, где проработал до февраля 1996 года. После этого они с Александрой Ивановной переехали на родину, в г. Котельнич.

Николай Иванович Зайцев умер 30 сентября 2007 года...

ИСТОРИЯ СЕМЬИ КУЗЬМЕНКО

Воспоминания записал Нестеров Николай Владимирович
студент 3 курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Записано со слов моего деда, Кузьменко Николая Григорьевича, 1925 г.р. с. Бор-Форпост, Волчихинского района, Алтайского края, проживает в г. Красноярске. Многие уже уплыли с тальми водами и навечно зарыты в землю. Даже память человеческая - и та не долговечна.

ПРАПРАДЕД ИВАН РОМАНОВИЧ КУЗЬМЕНКО (18? - 1919 гг.)

Более-менее ясно семейные корни прослеживаются в Полтавской губернии, в конце XIX века, в годы 90-е. Иван Романович, по семейному преданию, отправляется с семьёй в Сибирь с напутствием, мол: «Ты, Ванька, посмотри, что там да как в этой Сибири, а если хорошо осядешь на землю, там уж и мы подтянемся...»

Хозяйства как такового не было, потому что не занимался Иван Романович никогда хозяйством. Он взял жену Варвару, малолетнюю дочь Марью и отправился в Сибирь. Осели они в итоге в селе Бор-Форпост (Волчихинский р-он, Алтайский край). Село, как понятно из названия, стояло, да и до сих пор стоит, на краю большого соснового бора, на самой границе алтайских лесов и хакасских степей.

Там у Ивана родилось ещё двое сыновей – Матвей и Григорий.

Иван Романович устроился на месте сельским писарем. Был единственным грамотным человеком на селе, и единственный, кто получал зарплату от государства, ещё теми - императорскими рублями. Даже сельский староста не получал ни копейки – не имел таких привилегий, а Иван Романович ввиду своей грамотности и учёности – эти привилегии имел. Плюс к этому Иван Романович имел постоянный стабильный доход от односельчан, которые грубо говоря «за бутылку» просили пописать или написать какую-либо важную бумагу.

В своё время, вслед за Мировой войной пришла война Гражданская, и прокатилась она по всей стране. Младший сын воевал за красных, а старший был где-то у Колчака в тылу. В итоге пропал без вести. Поехал отец, Иван Романович искать своего старшего сына, да так и не вернулся. Сам пропал в пути. Где нашёл он свой последний приют, не знает никто.

ПРАБАБУШКА ВАРВАРА ИВАНОВНА КУЗЬМЕНКО

(18? – 1949 гг.)

Была Варвара женщиной очень своенравной, с норовом, очень характерная, с гонором. Младшего сына Григория сама сватать ходила, потом сама же на молодую невестку с кулаками кидалась. А сын ей с упрёком говорил: «Вам, хохлам, сам чёрт не угодит!»

Жила Варвара с младшим сыном, тяжело, со скрипом, но уживалась. Когда Григория в начале 1930-х решили раскулачить и пришли перерывать огород, искать спрятанные там «клады», Варвара, на чём свет стоит, ругала

незванных гостей и ухватом гнала их в 3 шеи.

Вот такая была, поэтому всё пережила.

СЕСТРА ПРАДЕДА МАРИЯ ИВАНОВНА НАРОЖНЫХ (КУЗЬМЕНКО) (1890 – 1968 гг.)

Как ушла старшая дочь из семьи, когда это было, как носила её жизнь – уже никто и не вспомнит, не осталось свидетелей этого. В своё время вышла замуж она за Петра Нарожных, бывшего офицера царской армии, который при советах пошёл по карьерной военной лестнице и попал в кабинеты НКВД в конце 1930-х. В то же время пытался застрелиться, но как говорить, успели откачать. В войну был танкистом, с многочисленными ранениями и наградами.

Жизнь свою Марья Ивановна закончила в Киеве, там и осели её потомки. Но никогда Марья не забывала свою родню - постоянно писала письма младшему брату, Григорию и отсылала свои фотографии. С этих фотографий смотрит на нас через года сильная невозмутимая женщина с крепкими рабочими руками.

БРАТ ПРАДЕДА МАТВЕЙ ИВАНОВИЧ КУЗЬМЕНКО (1897 – 1919 гг.)

Старший сын в годы гражданской войны попал в Томск, в тыл армии Колчака, где вёл со своей группой «подрывную работу». Но в своё время нашёлся провокатор. Группу вычислили и незамедлительно расстреляли, что называется «по законам военного времени»...

Однако история на этом не заканчивается.

Лет через 15, младший брат Матвея Григорий поехал искать следы своего брата. И на каком-то полустанке, в столовой к Григорию ошалевший мужик с криками:

- Матвей! Матвей! Как ты выжил?! – братья были похожи, как 2 капли воды, фотографии не дадут соврать.

В итоге оказалось, что Матвея с тем мужиком в Томске в 19-м году

колчаковцы вместе расстреливали. Правда Матвей погиб сразу, а тот был только легко ранен, и через какое-то время сумел выбраться из братской могилы. Тот мужик потом показал Григорию место расстрела, но эту тайну, тайну места захоронения старшего брата, Григорий унёс с собой в могилу.

А ещё через несколько лет после этого случая на полустанке, уже сын Григория – Алексей, будучи на экскурсии в Томске, в музее, нашёл там следы своего дяди в списках расстрелянных Колчаком.

Вот такая история.

ПРАДЕД ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ КУЗЬМЕНКО

(1900 – 1987 гг.)

Младший брат. В Гражданскую войну воевал в Красной Армии, в дивизии Г.Д. Гая, участвовал во взятии Крыма в 20-м году. После этого попал в госпиталь с тифом, где чудом выжил.

В 1921 году демобилизовался, вернулся в родное село и в том же году женился на Прасковье Федоровне Фоминых. Это была любовь с первого взгляда и на всю жизнь, если можно так выразиться.

Мать Григория, Варвара, ходила сватать сына к родителям Прасковьи. Родители долго разговаривали, самого же Григория в дом не пускали. Он ждал-ждал и не выдержал, давай в окно стучаться, поторапливать их: «Ну, скоро вы там?! Сколько ждать то можно?!»

У них родилось трое детей: старшая дочь – Александра, старший сын Николай – мой дед, и младший сын - Алексей.

Жили они довольно скромно, даже по крестьянским меркам – из всего хозяйства была только одна корова да небольшой огород. Однако не бедствовали. Григорий Иванович так же, как и его отец, был обучен грамоте и работал счетоводом в местном колхозе. Жена его при этом до самой смерти оставалась не грамотной, а он сам, оставался беспартийным. Уж так повелось у нас в семью, что с советской властью отношения как-то не ладились.

В 1933 году произошёл один инцидент. Григорий Иванович на

партийном собрании резко раскритиковал председателя своего колхоза. За это председатель поставил вопрос об объявлении Г.И. Кузьменко кулаком. Собрание единогласно проголосовало «за». Григория Ивановича успели предупредить, что завтра его придут «раскулачивать» и в ту же ночь он с женой бежал в г. Сталинск (ныне Новокузнецк). Через какое-то время перевёз туда всю семью, а уже после, незадолго перед войной осел с семьёй в селе Табат (Бейский район Хакасии). Там Григорий Иванович работал бухгалтером в промысловой артели.

С началом войны встал вопрос о том, кого отправлять на фронт, а кого оставлять в тылу. Председатель местного колхоза, по сути малограмотный портной, был отправлен воевать, а грамотный Григорий Иванович оставлен на прежней работе вплоть до конца войны.

После войны, Григорий Иванович, человек двухметрового роста и силы никак не меньше богатырской подрался со своим товарищем. Точнее врезал товарищу так, что тот чуть Богу душу не отдал. За это отсидел 4 года в тюрьме, после чего решил уехать с женой из Хакасии.

Григорий Иванович вместе с женой переехал встречать старость к своей старшей дочери в Майкоп, поближе к морю. Там они оба в своё время и умерли. Григорий Иванович и здоровьем отличался богатырским (прожил почти до 90 лет) и силой. Дед вспоминал, что как-то, когда он был совсем ещё пацанёнком, на него напал взбесившийся бычок средних размеров. Увидев это Григорий Иванович подлетел к бычку и ударив мощным кулаком ему в лоб со всей силы, завалил животное насмерть. Вот такой он был.

ДЕД КУЗЬМЕНКО НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ.

АНКЕТА УЧАСТНИКА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Кузьменко Николай Григорьевич (1925 г.р.) мой дед по материнской линии родился в селе Бор-Форпост Волчихинского района Алтайского края и до 7-и лет проживал там. Позже с семьёй переехали в село Табат Бейского района, Хакасия.

В детстве жили бедно. По словам Н.Г. Кузьменко: «В хозяйстве из всей живности была только одна худосочная корова, которая доилась-то через раз». Помимо всего прочего был ограничен круг развлечений; в районе села не было нормального водоёма, поэтому учился плавать в небольшом мутном пруду, в котором воды даже ребенку было по пояс.

На войну дед попал по призыву в возрасте 18-ти лет, в марте 1943 года. Сначала были полгода подготовки в военном училище и только потом фронт. К немцам, по его словам, всегда было лояльное отношение так, как было ясно, что простые солдаты делают это не по своей воле, а по приказу, и что они такие же люди.

Со слов Н.Г. Кузьменко: «Зеленых новобранцев сразу же на фронт не отправляли – не было нужды в громадных потерях к тому же в 1943 году ситуация на фронтах более-менее стабилизировалась в нашу сторону».

После училища дед служил военным стрелком на истребителе ИЛ-2 в 7-м Гвардейском штурмовом Таллинском Краснознамённом им. Федора Ушакова авиаполку. Но вскоре, во время одного из боевых вылетов, дед был тяжело ранен осколками в ноги выше колен и после госпиталя уже не мог вернуться на прежнюю должность по состоянию здоровья.

Дед был устроен на работу при штабе полка, в секретный отдел на работу с документами. Но в НКВД подняли документы на него и выяснили, что дед является сыном бежавшего кулака и отстранили от этой должности.

Тогда его перевели на должность авиамоториста, проще говоря, дежурного по аэродрому полка. В этой должности дед и встретит победу, находясь в тот момент в Эстонии.

На войне больше всего запомнилась трагическая гибель боевого товарища, Анатолия Романова, который за месяц до конца войны в боях под Кёнигсбергом был сбит и протаранил на своем горящем самолете корабль немецкого флота. Были также и забавные случаи. При освобождении одной из эстонских деревень дед обнаружил накрытый в доме стол с заплесневевшим на нем супом, а вокруг валялось немецкое обмундирование.

Со слов Н.Г. Кузьменко «Немцы драпали так, что забывали одеть портки».

К религии дед всегда относился лояльно, так уж в его семье повелось, никто особо набожным не был. Но верил в счастливые случаи. Во время одной из перестрелок вражеская пуля лишь слегка царапнула переносицу, а могла пройти чуть левее и тогда - конец.

Война для деда в первую очередь – очень суровая школа жизни, в которую он вошёл юнцом, а вышел зрелым сильным мужчиной.

Дед связал свою жизнь с профессией военного и после войны служил на Тихоокеанском флоте в г. Совгавань, где к 1950 году (моменту увольнения из армии) дослужился до звания старшего лейтенанта.

***Война, народ, Победа:
героизм и повседневность фронта***

* * *

**ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТНИКОМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ САВИНЫМ ЕВГЕНИЕМ НИКОЛЕВИЧЕМ**

Интервью провел Мальченко Виталий,
студент 5 курса исторического факультета
КГПУ им. В.П. Астафьева

Скажите когда вы родились ?

Седьмого ноября двадцать первого года

Скажите когда вы попали на фронт ?

в 1939 году я поступил в институт железнодорожного транспорта, на бахметьевской в Москве, и буквально спустя полтора месяца вышел указ.

Призыв?

Призывали в армию, и я попал служить в московском военном округе в

первый зенитно-пулеметный полк. В 1941 году мы должны были демобилизоваться уже. Находились в лагерях, около города Двинска 80 километров от Москвы. 22 июня в пять часов с утра подняли нас по тревоге, тревога необычная сразу по боевым подъехали к складу снабдили боеприпасами и в направлении Москвы.

Когда вы узнали, что началась война?

О том, что началась война, узнали уже, когда были под Москвой. Услышали выступление по радио и картина ясна. Мы были рассредоточены по местам важнейших взводов министерств узлов связи.

Можно сделать уточнение вашу дивизию расположили для охранения важных промышленных и правительственных объектов так?

Не дивизию, а полк мы вошли в состав первого корпуса ПВО. Мы попали в то место, где мы до войны занимались. Местность была знакомая. На нас обязанность готовить непрерывно состав, который шел в подразделение, потому что войска ПВО сразу выбросили несколько раз. Первое время работали по подготовке специалистов зенитчиков днем, а ночью на боевых машинах выезжали на огневые позиции. Самое впечатление было от первого налета. Первого налета этот налет был ровно через месяц после начала войны, до этого были самолеты разведчики которые шли на недоступной нам высоте. оборона как зенитная делится до высота полутора километров малокалиберная средний калибр и высокий калибр. Там четкая градация. С нами там были, которые слушают, определяют появление врага специальные части ВНОС воздушного наблюдения оповещения и связи, которые заранее определяли, что немец уже идет.

То есть радиолокация?

Да. Дальше как он только появляется его сразу берут. После первого налета, налеты были практически ежедневно Немцы с удивительной точностью в одно и тоже время около восьми вечера подходили и шли волна за волной самолеты. Спать, конечно, не приходилось. А утром очень часто оказывалось, что где-то шли десанты и нас ни спавших подымали

прочесывать места, где как говорится, были замечены, якобы спустились парашютисты.

И все кто нам ни попадался молодой старый аль как бы одетый мужчина женщина ребенок, всех кто попадался, мы забирали и сдавали. Что с ними, дальше делали, мы ничего не знаем этого.

Можно вопрос, а какой была ваша первая встреча с немцем, допустим, сбили самолет, а пилот катапультировался?

С такими не встречался, даже после уже, когда были в войсках западного фронта ПВО, бывали лазутчики, мы охраняли штаб фронта. Были попытки, чаще всего они заканчивались, когда его обнаруживали, по нему стреляли с ряда позиций, а если попался живым, были специальные люди, которые им занимались, так что мы этого ничего не знаем.

После Подмосковья вы несли службу на западном фронте?

После обороны Москвы мы охраняли штаб западного фронта, последнее местонахождение его Прибалтика, Вильно. Самое дальнее, где был это Польша.

На дальний восток вашу часть не перекидывали?

Собирались перебросить на Дальний Восток, но не успели, шла подготовка к этому. Вообще части нашего фронта никто не успел туда прибыть. Так быстро разобрались с японцем. Ну что сказать войну я встретил в должности старшины, а закончил в звание лейтенанта. Последняя моя должность была начальник боепитания отдельного батальона.

Награжден Орденом отечественной войны второй степени, медалью «За оборону Москвы», медалью «За боевые заслуги», серьезных ранений не было. Ну а вообще война она очень тяжелая работа и опасная.

То есть для вас война была работой?

Работой. После окончания войны в старый институт я не пошел по причине того, что там много черчения, а у меня разные глаза. Ну и выбрал Московский лесотехнический институт, вблизи Мытищ окончил с отличием. После окончания меня распределили в главное управление защита леса,

инспектором инженером, работа тяжелая дома почти не бывал сплошные командировки.

Приезжаешь куда, смотрят как на большого начальника. После смерти Сталина началась перетасовка, и управление наше прикрыли, часть специалистов ушла в управление сельского хозяйства, часть в министерство совхозов, ну а я попросил, пойду куда угодно сохраните зарплату, они сказали сохранить не могут, ну я попросил, дайте устроиться самому. Пошел в экспедицию комплексную по вопросам природоохранного лесоразведения там интересная работа. Экспедицию скоро объединили с институтом леса академии наук СССР, я оказался в институте работал первое время в искусственных лесах в северной части волгоградской области.

Работал на воссоздание искусственных насаждений пострадавших во время немецкой оккупации. Я занимался разработкой приемов восстановления лесонасаждений. Эти разработки стали основой для подготовки к защите соответствующей диссертации, я защитился уже в 1961 году, находясь в Красноярске. Получив степень, я получил возможность проходить по конкурсу на руководящие должности и значит в 64 году прошел по конкурсу на должность заведующего лабораторией защиты леса в институте леса и древесины в Красноярске. По сути дела вернулся к работе, которой занимался ранее.

Как ваш опыт работы в армии отразился на вашей работе в дальнейшем? Как вам это пригодилось или не пригодилось?

Ну, прежде всего это дисциплина, армейская дисциплина без особых нажимов, но была в моем подразделении; мы привыкли к практической работе, наши научные исследования имели практическое подкрепление, и это позволяло нам направлять результаты наших исследований на ВДНХ СССР. И за время, когда я там работал, мы получили на наши показы на ВДНХ, мы получили три медали бронзовые, и две серебряные. Начиная с 1970 года, я так же начал работать в составе совместной советско-монгольской геологической экспедиции. В Монголии я работал в течение пятнадцати

сезонов и там наши работы имели прикладной характер, я занимался по своему профилю. Дважды мы направляли материалы на ВДНХ, и я лично получил две серебряные медали.

Скажите, а кроме дисциплины и прикладного характера ваших исследований, что вы еще вынесли из своей работы в армии ?

Ну что можно сказать задача поставлена – должна быть выполнена, значит должна быть выполнена.

На базе накопленного материала из экспедиций я написал докторскую диссертацию, я её успешно защитил и работал заведующим кафедрой, а в возрасте 66 лет я перешел в должность ведущего научного сотрудника и работал вплоть до 2000 года. Сейчас я пенсионер, но состою в двух диссертационных советах при технологическом университете и выступаю рецензентом на научные работы.

Я хотел бы вновь вернуться к войне, поскольку готовящиеся издание будет приурочено к годовщине победы я прошу вас рассказать о фронтовой жизни о том, как жил солдат на фронте. Конечно, много об этом уже сказано, но хотелось бы услышать подробности из уст очевидца, который на себе прочувствовал это и понял.

Ну, жесткая дисциплина, условия сложные жизнь в землянке как бы она устроена не была хорошо – землянка, особенно зимой, спишь, как вьюн печка железная обычно один бок греешь и ворочаешься всю ночь. А остальном. Кто говорит что не боялся, всегда напряжен. Ну а с питанием всяко бывает и сухоматка часто и бывает, понимаете, что вовремя не доставят, а в общем кормили неплохо, в армии было три нормы в боевых условиях очень хорошо кормят, если в запасной части находишься там хуже кормят. Война войной, а обед по расписанию.

Конечно, там товарищеская выручка сейчас из товарищей моих мало осталось. Мне 88 лет будет 7-го ноября. А те, кто остались, начали резко уходить после 70-ти летнего возраста.

Можно поподробней именно о взаимоотношениях с людьми вы

сказали о взаимовыручке, о атмосфере братства, о товарищах?

Ну были и с солдатами и с вышестоящими были хорошие отношения, даже несмотря на то, что старший может и что угодно приказать и обязан выполнять. И когда я был начальником боепитания, было у меня под началом два десятка шоферов. Самый, они понимаете, народ разнузданный и все равно мы были друзьями, и остались друзьями. И я бы сейчас с удовольствием с любым из них сейчас встретился, но, к сожалению, они уже сейчас ушли из жизни. Я начинал войну, собственно говоря, пацаном мне было около двадцати, а сейчас мне 88; 68 лет прошло, всех помню.

Может быть неэтичный вопрос, но скажите, пожалуйста, как война отразилась на вашей семье?

У нас на войне из семьи погиб брат второй по возрасту и передо мной пятый в семье. Брат старший брат пришел сильно израненный, его, кстати, отозвали из армии, он специалист был по танковой броне. Во время Сталинградской битвы он был уже отозван, и работал на Сталинградском тракторном заводе, изранен был страшно, дотянул до 77-и.

В армии были сестры. Сестра Лидия участвовала в создание оборонительных укреплений под Ленинградом часто под бомбежками. Они работали; тоже является участницей войны. И сестра Александра, она врач была в Прибалтике, работала в медсанбате, дотянула до 78 лет. Ну а остальные. У меня там младший брат Василий последний и сестры Серафима и Тамара, они работали на оборонных предприятиях герои труда. Нас было десять человек, сейчас осталось в живых четверо.

Скажите, пожалуйста, а какие взаимоотношения были у вас с полит работниками, комиссарами?

Ну никаких конфликтов с комиссаром я не помню, его отношения комиссара с командиром всегда были добрые. Старше меня были командир Бурцев, комиссар Сидоров, они были большие друзья. Конфликтов не было комиссар вел партийную работу, а командир военную. Комиссар вполне мог заменить и командира, он был военным техником, правда, после войны мы

не встречались по возрасту, у нас было колоссальное различие, я даже с командиром батальона встречался, а с ним не пришлось.

А вообще вспоминать о войне тяжело, тяжело.

Были ли в вашем полку пацаны 16-17 лет?

Ну, у нас такого не было, все стремились в такие части, которые непосредственно участвовали в бою. У нас враг в воздухе и если накроет то целиком расчет, был у меня хороший товарищ, Максимов вместе служили, и он погиб под Москвой. Они вели огонь по одному самолету, а в это время второй в спину им срезал всех, весь расчет.

Так что еще неизвестно где было легче служить в пехоте или в ПВО.

У нас чего тяжело машину эту надо вкопать. Все делалось вручную. Вообще тяжелая работа это развертывание орудия. В любое время поднимают, и давай делай. На ходу спали. От работы косить было бесполезно, все равно заставят.

У нас конечно не так как на передовой, землянки, но все равно работа тяжелая. Офицер жил, как и солдат, был допцаек, но я его один никогда не ел все расходилось. Ну, дадут банку консервов и печенья, и все разойдется между товарищами.

Как вы помните вступление в войну союзников, почувствовали это?

Мы не ощутили, тушенку сигареты получали, ну сигареты, как и у немцев.

Вспомните, пожалуйста, кто был в части, какие люди?

Много москвичей, белорусов, азербайджанцев, даже цыгане были. И сказать ни о ком плохо не могу, были случаи конечно и самострелы, но у нас этого не было.

Муж сестры Шуры работал в военном училище, и в войну его дважды забрасывали в тыл к немца. Первый раз их взяли, но он успешно смог бежать из плена и вновь был заброшен в немецкий тыл, и второй раз тоже был заброшен и тоже неудачно.

А что он говорил о фильтрационных лагерях после попадания на

нашу сторону фронта, ведь известен факт, что охота на шпионов имела место быть?

Ну, он об этом особо говорить не любил, и не говорил, одно могу сказать точно, что после всех этих манипуляций ему разрешили жить в Подмоскowie. Проверку он проходил, вне всякого сомнения, награды ему все вернули. Прожил он так нормально, на 89-м году умер, но звания его так я и не узнал. Грудь вся в орденах, а про звание молчит. Правда, после войны хотел вернуться на старую работу в училище, но его не допустили. Ну он и на пенсии занимался кроликов разводил огородом занимался.

Вы сопровождали штрафников?

Однажды я вез их к Варшаве к месту формирования штрафных частей.

И что вы можете о них сказать как о людях?

В данном случае в штрафники попали любители женщин и спиртного, попали за самоволки. Это были солдаты не уголовники. Они были просто солдатами, они не шли на как на бойню, они просто шли воевать. Некоторые из них уже побывали в штрафниках и попали вновь. Со мной служил Леков Александр Андронович. За войну дважды был штрафником, оба раза за самоволку и пьянку. После войны ему это не припомнили, он потом учился и потом лесом торговал в Англии.

Даже находясь в грузовике, штрафники находили что выпить. Они на одной из станций поспорили с местным и выспорили мешок сигарет. Нам в самой Варшаве не повезло. Мы не знали расположения минных полей. Мы прошли через большое минное поле, и никто не подорвался. Вся Варшава была разбита, по сути, город был уничтожен, народ пережил в подвалах налеты и артобстрелы.

КАДИЛОВЫ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ: МЕДАЛЬ ЗА БОЙ, МЕДАЛЬ ЗА ТРУД ИЗ ОДНОГО МЕТАЛЛА ЛЬЮТ

Воспоминания записали Кадилова Анна Андреевна,
Кадилова Ольга Андреевна, студенты 3 курса
исторического факультет им. В.П. Астафьева

КАДИЛОВ ПЕТР АНДРЕЕВИЧ, 1925 г. рожд., д. Малый Кускун
Березовского района. (Записано со слов Кадиловой Анны Сергеевны).

Для каждого человека Великая Отечественная Война означает что-то свое, но для всех – очень трагическое событие в жизни, так как она коснулась каждой семьи. Чем дальше уходят годы войны, тем меньше остается тех, кто ее вынес, принял в ней участие, выстоял, победил. Великая Отечественная война оставила черный, неизгладимый след в жизни многих семей. Этот трагический след навсегда остался и в истории нашей семьи. Деда по

Мать Кадилова Ирина
Александровна.

отцовской линии призвали на фронт в 1942г., дед редко откровенничал о том, что пережил – это всегда была для него незатухающая боль. Ему судьба дала шанс выжить, и он умел ценить каждый день прожитой жизни. В 1996 г. деда с нами не стало... Но какое счастье, что жива еще его жена, наша бабушка, Кадилова Анна Сергеевна, которая помнит многое о дорогом ей человеке и рассказывает нам. Воспоминания о деде записаны с ее слов.

Малоприметная деревня Малый Кускун Березовского района. Здесь 19 июля 1925 г. родился наш дед Кадилов Петр Андреевич. Родители, Кадилов Андрей Ефимович и Кадилова Ирина Александровна, коренные сибиряки, и мать и отец родились в Кускуне. На момент рождения деда у них уже была дочь Анна 1923 г.р. Дед рос в многодетной семье: в 1928 г. родилась его

сестра Рая, в 31 г. – Галина, в 35 г. – Павел и в 38 г. – Анатолий. Семья жила очень бедно, родители получили по 6 классов образования, жили своим хозяйством. Земли было мало, из скота держали корову, свиней и кур. После образования колхозов в 35 г. жизнь не улучшилась, а наоборот, только ухудшилась, забрали часть скота, оставили только кур и на семью по одной корове. Родители работали в колхозе, отец кузнецом, а мать дояркой. Малый Кускун была очень бедная деревня, в 37 г. был сильный голод, и семья переехала в деревню Злобино Березовского района. Переезжали все вместе, с семьей деда переехали и его родственники по отцовской линии. Его тетка Нюра (сестра отца) отдала им свой дом, не дом, а так «курятник», в нем и жили всей семьей, к тому времени детей в семье уже было пятеро.

Родители по-прежнему работали в колхозе, также вели свое хозяйство, дед тоже пошел работать в колхоз (работал с 12 лет). Здесь уже начали потихоньку вставать на ноги, но... началась война. Отца сразу же забрали на войну, дед остался за главного в семье. Но уже в 1942 г., когда деду

Кадилов Петр и младший
брат Павел

исполнилось 17 лет, был призван на фронт. Он был направлен в танковое училище в Новосибирск, где в течение шести месяцев учился на механика-водителя. И уже в 1943 году он принял бой, участвуя в сражениях в районе Молдавии и Украине. По словам деда, война – это не то, что привыкли видеть мы в советских фильмах, где один, два человека разбивают отряд немцев. Война – это самое страшное явление, военные будни были очень тяжелы и трагичны: за один только день можно было потерять часть своих друзей и близких, а

фронтовой друг – это что-то особое, не передать словами. Дед участвовал в двух крупных сражениях, но, как он говорил, количество больших сражений ограничено, а война шла каждый день. Человек мог участвовать в крупном

сражении, но погибнуть, защищая деревню в тридцать домов. Война – это череда мелких сражений. Враг отступал, но не сдавался, войска продвигались с боями, неся все новые потери и серьезные ранения бойцов. По словам деда, самым сложным периодом для Советской Армии был конец 1943 – начало 1944 годов. По количеству техники фашистские войска проигрывали нашим, но их техника была на порядок лучше. В эти годы в немецкой армии появились «Тигры», «Пантеры» и «Королевские тигры», и против этих смертельных машин воевал дед на своем «Т-34». Дед рассказывал, что обстановка на поле боя была до такой степени раскалена, что врагов даже давили гусеницами танков. Море трупов, изуродованные тела – вот что представляло собой поле боя.

Сражение, которое запомнилось деду как самое страшное и кровопролитное в его фронтовой жизни – Корсунь-Шевченковское. В этой битве их танковую дивизию обстреляли свои же самолеты, так как те не смогли назвать пароль, когда летчики вызвали их по рации.

Надпись на обороте: Фото Венгрия 5 декабря 1944 года Ком. машины Гринвильд младший лейт-т и механик Болотин башнер Одарич и остальные на память. 110 т. бр. [110 танковая бригада] Роспись: Кадилов

Да и вообще, в целом обстановка была ужасная: нехватка солянки для танков, постоянные бои за незначительные территории, постоянное напряжение, все новые и новые смерти и ранения. Дед говорил, что даже не

знал половины имен своих однополчан, которые пали на поле боя.

Судьба щадила деда: ранений не было, лучшие друзья были рядом целы и невредимы, но всему есть конец, последним сражением деда, помимо повседневных боев, было на озере Балатон в Венгрии в 1944 г., когда немцы пытались переломить обстановку на восточном фронте, но это им не удалось, фашисты только отступали. Для деда это сражение закончилось не так удачно, как для Советской Армии в целом. Его танк был подбит, и экипаж из пяти человек чуть не погиб полностью. Деда, серьезно раненого в ногу, вытащил из горящей машины его боевой товарищ, к сожалению, на сегодняшний день имя его забыто. Из пяти человек выжили только двое: командир экипажа и дед. На этом война для деда закончилась.

После тяжелейшего ранения в ногу (у него была раздроблена коленная чашечка, была вероятность ампутации ноги) его положили в госпиталь в Венгрии. Там он пролежал до окончания войны, после чего его определили в госпиталь в Грузии. Ранение было настолько серьезным, что в больницах он пролежал до 1946 г.

Пока дед был на фронте, его семья: мать, младшие братья и сестры трудились в тылу. Терпели различные лишения: денег не было, еды тоже, носили что придется. Во время войны в деревне был страшный голод: ели и испорченные продукты, и льняное семя, зимой собирали замершую в земле картошку и колосовали. От такой еды люди заболевали или еще хуже, умирали. В это страшное время, от голода умерла старшая сестра деда Анна. Но случаев с летальным исходом было все-таки немного. Вся работа в деревне лежала на плечах женщин и детей. Условия труда были очень тяжелые: работали полный световой день, платили различные налоги, в том числе и «военный налог», денег в глаза не видели – все шло на фронт, но люди понимали, что победа достается через пот, кровь и слезы, поэтому с терпением и мужеством пережили эти страшные годы.

В 1947 г. дед вернулся в родную деревню Злобино. Его отец, Андрей Ефимович, прошел всю войну целиком, но домой не вернулся, познакомился

на фронте с медсестрой, так и остался с ней жить. До смерти жил в Барнауле, дед поддерживал с ним связь, несколько раз ездил к нему в гости.

По приезду домой, дед пошел работать в колхоз. В 1950 г. его отправили на заготовки, там он познакомился со своей будущей женой, нашей бабушкой, Анной. Через некоторое время поженились, деду тогда было 25 лет, а бабушке 20 лет.

Уехали в родную деревню деда Злобино.

Сперва жили у матери, затем поставили временку, а уж потом построили свой дом. Оба работали в колхозе, дед был бригадиром, был очень честный и

ответственный работник, в 52 г. ушел из колхоза, после устроился работать на железную дорогу, так и работал на ней до пенсии. Вчерашний ветеран войны, стал и ветераном труда, получив звание заслужено, отдав производству 40 лет.

19 мая 1996 г. деда не стало. Он долго болел, и последнее время много провел в больнице. Помнится, он до последнего держался, много улыбался и говорил, что хорошо себя чувствует, старался изо всех сил показать, нам, своим внукам, что все хорошо и что он совсем не болен. На сегодняшний день умерли все его братья и сестры, его брат Анатолий умер в 1984 г., когда нас еще и не было, мать деда умерла тоже рано, ей было 59 лет.

Сейчас деда с нами нет, но он живет в наших сердцах. Память о деде сохранена на уже пожелтевших фотоснимках. Его награды, которые так бережно хранит наша бабушка, говорят, о его заслуге перед отечеством, о том, что он был одним из рядовых победы. С полной уверенностью, можно сказать нам есть, кем и чем гордиться!

Прошла война,
Прошла страда,
Но боль вызывает к людям:
«Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем!»

Не забудем безымянных и известных героев войны, совершавших подвиги или ковавших победу в тылу, павших и живых, именно они дали нам жизнь...

Награды нашего деда: Орден «Красной Звезды», Орден «Отечественной войны I степени», медаль Жукова, Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941 – 1945 г.г.», а также юбилейные медали, Медаль «Ветеран труда»

КАДИЛОВА АННА СЕРГЕЕВНА, 1930 г.рождения, деревня Новый Путь Березовского района.

Великая Отечественная Война 1941-1945 г. г. не обошла стороной многие семьи, многих людей. С каждым годом все меньше становится тех,

Отец Сергей Федорович
Зубрицкий

кто ценой собственной жизни защищал Родину на поле боя или ковал победу в тылу. Вот и в нашей семье в последние годы все нездоровится нашей бабушке, Кадиловой Анне Сергеевне, участнице трудового фронта. Да и неудивительно: в старости мало у кого хорошее здоровье, тем более, если человек пережил столько лишений и горестей. Как говорит сама бабушка, все ее «болячки – это отпечаток военных годов». Когда началась война, ей было 11 лет, она жила в небольшой деревеньке

Новый Путь Березовского района вместе со своей семьей. Вот как она сама рассказывает о своем детстве и годах войны: «Семья была полной,

многодетной: три сына и четыре дочери.

Отец, Зубрицкий Сергей Федорович, и мать, Наталья Петровна, были 1888 и 1892 г.г. рождения. Жили они оба в деревне Подпороги Сухобуземского района, отец родом был с Витебской Губернии, а Мать с Могилевской. Около 1912 года (бабушка не помнит точной даты) они поженились, и уже в 1913 г. родился их первый сын Афанасий, в 1915 г. родилась старшая из сестер Феодосья, в 1925 г. – Павел, в 28г. – Мария, в 1930г. 25 апреля родилась я (наша бабушка), в 36г. – Евдокия и в 38 г. – Иван. В 1928г. семья уезжает из деревни Подпороги в поисках земли, и с еще несколькими семьями начинают основывать самостоятельно новое поселение. Деревеньку называли Новый путь, была она небольшая 20-25 домов. Семья была малограмотной, как и многие в те годы. С образованием было плохо: школа была до 4 класса, а летом с июня по сентябрь, у нас там ясли были; мать окончила два класса, а отец вообще был безграмотный, дети тоже не все смогли отучиться: Афанасий – 3 класса, Феня (Феодосья) – 3класса, Павел, Иван и Люся (Евдокия) – 7 классов и Мария и я – 4 класса.

Когда я пошла в пятый класс уже началась война, школа находилась в другой деревне Есаулово, там я жила на квартире у одной женщины у нее самой было трое ребятишек, а муж был на войне, прожила я у нее 2 месяца и уехала домой, больше всего, что я запомнила, это постоянное чувство голода: семья в которой я жила на квартире, была очень бедной, еды не было, все что я привозила с собой, немного съем сама остальное отдам детям этой женщины, а потом неделю сижу голодная, ем то, что она, если сможет даст. Так я и не стала учиться и уехала домой. В те годы работы много было, работали: и стар, и млад. Где взрослые, там и дети.

До образования колхозов жили своим хозяйством: земли было соток 30-35, держали скот: корову, свинью, одно время, овец, постоянно было 10-15 кур, никаких технических средств у нас в хозяйстве не применялось, топор да лопата: бери больше, да кидай дальше! Вот так *(смеется)*. Что говорить, когда и после образования колхоза, из техники был один трактор -

одноколесник, лошадей не хватало, на коровах возили. Продукты, которые получали, часть продавали. В семье все работали на равных, а во время войны, так вообще вся работа лежала на нас, детях. Работали и в поле, и дрова заготавливали – все делали.

Хозяйство у нас было небольшое, но нам хватало. Тогда еще просто не успели расстроиться: в 1928 г. приехали на эту землю, а в 35 г. уже начали объединять в колхозы, а в 41 г. уже и война...бедно жили ...В колхоз у нас никто самостоятельно не вступал, активистов не было, взяли, да и объединили...Самоброды были: как сейчас помню, все забрали, шапками зерно выметали, даже кур нечем было кормить...оставили по 1 корове на семью и кур; дома, которые привезли с собой из Подпорогов отдали под кузнецу, конюшни, контору, под другие общественные постройки, помню дом такой большой был, в нем сушилку сделали...сами мы жили во временках. Налоги разные платили, в год надо было отдать молока с коровы – 360 литров, мяса – 40 кг, яиц – 75 шт, когда началась война, ввели денежный «военный налог» - 600 руб.

После окончания школы, я пошла работать в колхоз, с 11 лет работаю. Работа была разной: пилила дрова, сеяла хлеб, рожь, а взрослые, кто свинарка, кто доярка...работы на всех с лихвой хватало. Электричества не было, поэтому рабочий день был «световой» - от зари до ночи. В деревне был магазин, но в нем особо ничего не было: на пай выдавали соль, спички, керосин и, иногда, сахар...конфет знать не знали. Но одевала нас мать неплохо: помню, сходит на базар, продаст и купит нам: и ботинки, и платья. Больше всего запомнились мне чулки малистиновые, я всю войну в них проходила: порвутся на ноге, я их обрежу, подошью, и снова, как новые...Зимой мы работали меньше, да и день был короче: возили дрова на ферму, пилили, веяли...да и зимой работы хватало, некогда было дурака валять. Работали все вместе, дружно. Воровства я не помню, у нас вообще подобных случаев-то и не было: ни в колхозе не брали, ни у соседей - дружно жили, друг другу поддержка и опора были, какое тут воровство!

Только после образования колхозов иногда пытались чуть-чуть укрыть, но это нужда была: чтоб с голоду не умереть. Помню и я, как-то раз зерно украла: зима была, а я пока работала, насыпала себе и в валенки и в карманы, и в рукавички наложила, а мороз страшный был, я только до порога избы дошла, а дальше не могу не идти, не сказать. Меня отец через порог перенес, расстелили на полу одеяло, и давай потихоньку зерно высыпать, мать плачет, ругает меня, что замерзнуть могла... Где-то с ведро у нас зерна получилось, всю семью накормила я, еще родственников и соседей угостили *(смеется.)*

В первый год создания колхозов сразу же ощутилась беднота, голод сильный. Ели вообще, что придется. Хлеба не было, стряпали лепешки из льняного семени, а оно противное, вязкое было, но зато капусты много было, ее ели всякую разную. Помню, как зимой ходили и замершую картошку из земли вырубали, придешь домой, натрешь ее на терки в три руки быстро-быстро, и на печь запекаться. Еще картошку эту с водой и молоком перетирали и так ели. А еще помнится, колосовали мы, а объезжий был Петька Еремеев, увидел, что мы колоски собираем, и бичом нас давай ходить!

Свободного времени у нас почти не было, да и заниматься-то тогда нечем было: ни газет, ни радио не было, только в конторе одно радио на всю деревню было. Кто постарше был, в клуб ходили. Раз пришли мы в клуб и поем:

Ща, черемша, жареная каша!

Отгуляли девки стары, теперь воля наша!

Ой и дали нам тогда девки эти «стары»...весело тогда было...Вечерами вязали: носки, рукавички, платки, помню, кофту я себе красивую связала...

Как уже говорила, голод страшный был, но, слава Богу смертей не было...помню, болели мы от той еды, которую, иной раз, приходилось есть. Один раз принесла мать с работы картошку гнилую, напекли мы из нее лепешек, да отравились все, после этого больше, не носила мать ее.

В годы войны жизнь в колхозе ухудшилась: мужики все ушли, остались

старики, женщины, да дети – вот и приходилось нам за всех работать...денег вообще никаких не получали – работали на фронт: оплаты труда не было, условия труда были очень тяжелые, техники не было...одним словом, всем нам тогда очень тяжело было, но мы верили в победу, верили в себя, эта вера нас и спасла. Пусть в те годы я была ребенком, как и все мои друзья, но мы морально повзрослели, мы понимали, важность нашей работы, и осознавали, что пусть лучше мы терпим лишения, чем там, на фронте, мы старались делать все возможное, что бы хоть как-то улучшить жизнь на фронте.

В годы войны единственный праздник, который мы отмечали, была Пасха, да и то, как отмечали, яйца покрасим – вот и праздничное

Брат Павел, из армии,
ноябрь 1949 г.

угощение...и работа, работа, работа. Помню, мать спала по 3-4 часа в сутки, утром встанет, работу начинает домашнюю делать: корову доить, нам готовит покушать, а потом на работу уходила, возвращалась уже за полночь, и сразу спать. Письма с фронта ждали всей деревней, а они то приходили, то нет...всей деревней переживали, похоронки давались тяжело, но мы поддерживали друг друга, как могли. Смерть одного была горем для каждого, очень тяжело было, спасало только дружба, взаимовыручка и

поддержка.

Досуг в те годы не изменился, разница в том, что работали больше, а так все как и раньше, вязали вечерами, шили, в гости вечерами ходили друг к другу – посиделки устраивали. О победе я узнала одна из первых. Помню посла я коров, а пасли мы их с 3 ч. утра и до 11 ч. вечера, а что-то так устала, да и заснула. И снится мне, что корова одна убежала, бежит и не останавливается. Я проснулась, да и побежала коров всех проверять, бегу и вижу идет Леля, бабушка у нас в деревне была такая, она меня останавливает и говорит: «Слышишь, Нюра, гудки?.. это война кончилась!» Я как услышала,

тут же домой, к папке. Кричу: «Папка, папка! Война кончилась!» Вся деревня собралась в конторе по радио о победе слушать, все плачут, никто не верит...

С мужем Петром и его родней (слева направо)
заловки Галина и Рая, свекровь Ирина
Александровна, деверь Павел.

Солдат встречали
радостно, с песнями, с
плясками. Помню я ехала на
коне и песню про казака
пела... У нас в семье на
Фронте Афанасий и
Павлик были, оба раненые
вернулись, встречали их
угощениями, помню и

бутылочку даже нашли... Послевоенное время было тоже нелегким. В 50-х г.г. вышла замуж в большую семью, жили тяжело, он инвалид войны (работал в колхозе). Построили дом, маленький он у нас был, 46 кв.м. Одевать шибко нечего было, работали, вели хозяйство, огород садили, зато жили счастливо, детей у нас двое родилось, дочка Валентина и младший сын Андрей. Дом новый построили. Потом уже помаленьку на ноги встали, хорошо зажили». Проживаем мы сейчас в д. Злобино, Березовского района Красноярского края. Имею награды за труд: Медаль «Ветеран труда», а также юбилейные медали.

ОТ ОМСКА ДО ЭЛЬБЫ: ВОСПОМИНАНИЯ ТАНКИСТА

Воспоминания записал
Андюсев Борис Ермолаевич,
к.и.н, доцент КГПУ им. В.П.Астафьева

Я, Соколенко Сергей Иванович, рождения 7 октября 1922 года в д. Дорошкеево Даурского района Красноярского края. Сейчас можно уже говорить, а раньше люди пропадали, но хочу сказать поро коллективизацию. Это уже хорошо помню. Баламутить они начали еще в 29-м году, мол все общее будет. Сходка за сходкой, народ упирается, они пуще приступают. В 31-м всех созвали в контору, приехал уполномоченный из волости, давай

припугивать, кто в колхоз не пойдет, у того кобылу, корову заберут. Отец пришел с собрания, рассказал, мать заплакала. Но колхоз сделали, люди начали вступать. Назвали колхоз «Комбайн». А отец и несколько мужиков организовали промысловую артель. Рыбалкой, охотой занимали, хлеб сеяли. Люди были не лодыри. Но в 1932 году артель разогнали. Тут некуда деваться, отец вступил в колхоз. Семья бедная была не от лени, но сколько скота не разводили, все гиб от «сибирки» («сибирской язвы» - Б.А.). И у других так же было.

Но не все вступили, Василий Матежов и Ефим Назаров жили единолично. Рыбачили, тем и кормились. А братьев Воробьевых - Фому и Трифона, крепких мужиков, подвели под «твердое задание», но выполнить его никакой возможности не было. Но они ночью раскатали дом на бревна и по реке на Бюзу сплавались и там построились. Помню, как через Дорошкеево провозили «раскулаченных». Все сбежались, кричат: «Лишёнцы! Лишёнцы!». Они все были лишены права голоса. Их увозили в тайгу за Смоленку. Но они и там приспособились, люди ведь все были работающие. Выстроили большой дом в виде общежития и «жили тайгой» (т.е. жили и питались за счет даров тайги. – Б.А.).

Мой отец в колхозе конюхом работал, а мама дояркой. Отцу пару раз премии вручали: две овцы потом два улья пчел. Хлеба на трудодни мало выдавали, и то размешают с мякиной, а весь остальной хлеб вывозил «красный обоз». Три-четыре подводы нагрузят, красным флагом разукрасят, впереди транспарант – «Хлеб - Родине» и везут хлеб на пристань в Даурск. Если председатель припрячет хлеб для людей, его сразу долой, не вздумай и заикаться, что люди голодные. Председатели часто менялись. Помню Назара Атрашкевича, Ивана Потапчикова, - всех не перечесть. Немец еще был Герман Германович Берман, тот артелью руководил. Наш был немец, свой, но нет, ночью забрали и с концом...

А однажды арестовали самого секретаря райкома Кияшко. Везли его через нашу деревню в тюрьму, а он повторял: «Прощайте люди добрые, вас

жалеючи пострадал».

В 1941-м отцу дали 10 лет. За что осудили, не знаю, сказал, наверное, что-то не так. Сидел он в Красноярске, работал на заводе, умер там же.

Моя трудовая деятельность началась в 8 лет. Отец посадил на кобылу Гнедуху; некому было копны возить. Кобыла была уросливая, спасу нет! Только держись! После шестого класса я уже боле не учился, надо было работать. Мама присмотрела место на пасеке для меня. Заведовал пасекой Павел Алексеевич и два года я был помощником у него. В 1937 году направили в Даурскую районную колхозную школу, на курсы пчеловодов. И уже сам стал заведующим пасекой. Было на пасеке у меня 87 ульев. А как уборочная, становился весовщиком. Шесть классов грамоты все же было! Много хорошего и несправедливости встает перед глазами, как вспомнишь. Но люди были все как родные, один другому помогал. Вот это и был настоящий колхоз!

О начале войны нам объявили 22 июня 1941 года и сразу же стали забирать мужчин. Я до войны работал пчеловодом и повестку мне доставили прямо на работу. Так по комсомольскому набору 22 сентября 1941 года меня призвали в армию, погрузили в числе других товарищей и повезли в г. Красноярск на катере «Товарищ». Из Красноярска повезли далее в Абакан, затем в Ачинск, где после полуторамесячного обучения попал под Москву в район города Клин. На фронте вначале я пробыл два дня, был ранен от взрыва немецкой бомбы во время сильного налета немецких самолетов, завалило мерзлой землей, раздавило грудную клетку. С трудом помню, как из прифронтовой полосы меня вывезли на самолете, потом по железной дороге я был направлен в г. Томск на излечение. А далее медкомиссией Сибирского военного округа дали нестроевую и направили на военный завод в г. Омск, на военный авиационный завод № 513. Жили на частных квартирах, было холодно и голодно. Там я пробыл до 1942 года и был направлен в танковую школу. Проучился 8 месяцев и был направлен на фронт.

В г. Омске проходило формирование танковых экипажей танков Т-34.

Экипаж был из 5-и бойцов, дружный и сплоченный. Командир Переверзлев Петр Васильевич, механик-водитель Пустобаев Аркадий, радист-пулеметчик Трелев, заряжающий — Скорых и я, Соколенко Сергей, командир орудия, наводчик. Все относились друг к другу по братски, все друг-другу помогали. Кормили нас танкистов по второму разряду, не совсем конечно досыта. Но в смысле подготовки, танкисты подготовлены были отлично. Задача была одна, бить немцев и каждый знал четко свои обязанности.

Танк Т-34 машина в общем очень хорошая, но два пулемета Дегтярева были слабо пригодны, часто нагревались от стрельбы стволы и часто пока один пулемет стрелял, другой остывал. Также на танках заменяли прицел 15-й на 16-й, потому что 15-й прицел был слабее. Однажды поломался вертикальный валик, пришлось менять его на заводе. Двигатель был 500 лошадиных сил, скорость до 54 км/ч, полет снаряда на 36 км., калибр пушки был 76 мм, но потом заменили на пушку 85 мм. Ствол чистили от нагара банником. Самыми трудоемкими были для нас именно чистка ствола орудия и окапывание танка. Окапывали в обороне у танков только ходовую часть, а башни и орудия оставались свободными, чтобы вращались и вели огонь. Гусеницы чистили также всем экипажем, кроме командира.

Воду грели в бочках, мылись, если докучали вши, помогала солярка. Одежду мы не стирали, не до того было, просто нам меняли со временем. Болезни как-то обходили, Бог берег людей, да и не думали о болезни.

Пополнение к нам прибывало регулярно, относились к ним нормально, Офицеры и солдаты разных национальностей относились к друг-другу нормально, как и офицеры нерусские хорошо к русским солдатам. В нашем танке как-то в одно время были татарин, молдованин, но все мы дружно выполняли свой долг по защиты Родины.

Наши танки были надежнее и тем, что башни были литые круглые, а у

немцев с углами. Немецкие танки в большинстве были с бензиновым двигателем, но были и дизельные, однако их быстро уничтожали, потому, что те не могли развивать высокую скорость. У наших танков гусеницы рвались редко, но если попадал снаряд в трансмиссию, бывало заклинивало мотор. Важны надежность машины и хорошие подкалиберные снаряды, которые пробивали броню вражеских танков. Боеприпасы подвозили машинами. За расходом боеприпасов следил заряжающий, но за перерасход снарядов никому ничего не было. На каждый танк выдавалось по 55 снарядов, 56-й был с укороченной гильзой. Орудие хорошее, но когда, бывало, застрянет снаряд, то его выбивали укороченным снарядом, так как в нем был один только порох. Скажу, что самым страшным для нас позднее был фаустпатрон. Несли мы потери и от немецкой авиации, от бомбардировщиков. Был приказ при встрече с танками противника не отступать ни в коем случае, принять бой, даже идти на таран. По пехоте и танкам приходилось стрелять с коротких остановок для их поражения. Приходилось стрелять в городских условиях, но боялись сесть днищем на разрушенную печь. В городах был приказ закрывать обязательно люки. Если в бою перебьют гусеницу, можно было самим отремонтировать, заменить траки. Если танк не смог выйти сам из снега, льда или грязи, его выручали другим танком. Если мост, то саперы определяли, могут ли танки пройти по нему. При прохождении через болото приходилось придумывать различные хитрости, связывать тросами бревна.

На маршах танки шли своим ходом, никаких американских тягачей мы не видели. Заправка танков проходила регулярно, все происходило своевременно, без задержек. На танк Т-34 заправлялось 4 бака по 200 литров солярки и хватало на 800 км. Через 600 км. Чистили фильтры.

Приходилось видеть танки КВ-1, КВ-2, ИС-1, ИС-2, броня у них была толстая, но низкая скорость. У наших танков БТ-7, Т-26, Т-60, Т-70 броня была тонкая, ненадежная, да и рации были не у всех. Да и общие недостатки у танка КВ – низкая скорость около 15 км/ час, у Т-34 – тонковатая броня, а у СУ – открытая задняя часть. Английские танки «Мотыль» и «Валентин»

[«Матильда» и «Валентин» - Б.А.] слабые были, слабая броня, низкая скорость и слабые пушки. Но были случаи, что нашими использовались и немецкие танки, автоматы, орудия, пулеметы.

Мы изучали свои и немецкие танки, которые стояли рядом подбитые. Хватало военной техники для практики, выезжали чуть ли не каждый день на танкодром и сами производили выстрелы, выдавали на это по 3 снаряда. Также постоянно занимались вождением. Учили постоянно всему: вождению, стрельбе, командованию и управлению экипажем, чтобы в случае гибели кого, каждый умел заменить. Когда учились, стреляли в цель и на 500 и на 800 метров, нарисован был танк и попадали в основном между корпусом и башней.

Свалилась ли гусеница в бою, но танк исправен, то продолжается непрерывный бой, тут не до ремонта. Танк покидали только в крайнем случае, если дальше был непригоден, уходили через нижний десантный люк. Приходилось выползать и подальше от танка, так как в любую минуту могли взорваться снаряды. Личное оружие приходилось применять очень редко. На каждого члена экипажа был положен лично автомат ППС, а у командира танка – пистолет ТТ.

На каждом танке с нами был десант по 5 человек, они наблюдали за пехотой и перекрывали ее. Наши позиции танков перед боем постоянно поддерживала артиллерия.

Как я говорил уже, после окончания 8-месячного Омского танкового училища в 1942 году получил звание сержант, специальность наводчика орудия, стрелка пулемета и огнемета. Служил в 10-й Минской танковой бригаде, 3-го Танкового корпуса, во 2-м взводе, 2-й роты, 1-го батальона. Воевал на Курской дуге, участвовал в знаменитом Прохоровском сражении. В Белоруссии освобождал Минск. За все время войны пришлось сменить 6 боевых машин, почему, думаю пояснять не надо...

Затем в Польше освобождал концлагерь Тримблинка. Командование дало приказ двигаться на предельной скорости. А скорость у Т-34 была до 70

км. в час, а за сутки можно было пройти до 600 км. Мы, четверо членов экипажа и пятеро десантников не знали сути секретной задачи, но понимали, что это очень важно. Все чаще и чаще нам попадались трупы в полосатых пижамах с номерами на спинах и груди. Мы понимали, что фашисты расстреливали наших военнопленных.

Помню, почти вылетели на небольшой пригорок, услышали команду «Стой!» по радиации. Прямо перед нами раскинулся огромный концлагерь «Тримблинка». Поставили задачу, как можно быстрее захватить лагерь и освободить живых. Бригада состояла из 108 танков. Надо было окружить лагерь, уничтожить трансформаторную будку, все было под высоким напряжением. Выпустили до десятка осколочно-фугасных снарядов и стерли будку с лица земли. После этого, развернув башни стволами назад, стали утюжить ограждения из мощных бетонных столбов со стальной арматурой и «колючки». Опасно было, что колючая проволока наматывается на гусеницы. Пленные лежали на земле лицами вниз. Мы думали, что мертвые, но стоило уничтожить ограждения, люди встали и многие рванули к нашим машинам. Конвоиры поразбежались, а мы не могли стрелять по ним, боясь зацепить наших. Они обнимались, обливались слезами и целовали не только нас, но и горячую броню танков. Они рассказали, что трое суток ничком лежали на земле, и кто осмеливался поднять голову, сразу получал пулю в затылок. Пленные тут же стали помогать нам освобождать гусеницы от проволоки.

Не дай Бог никому такое пережить, что мы видели там!

В феврале 45-го мы были в Восточной Пруссии, вели наступление на города Штольн и Кеслин. На подступах к Штольну нас на опушке леса обстреляли четыре наших танка и два танка были подбиты. Мы поняли, что попали в ловушку. С большими усилиями нам удалось отойти и занять оборону. Ночью на наши позиции наткнулись три немецких разведчика, но Виктор Акентьев из танкового пулемета срезал их. С рассветом на наши позиции пошли немецкие танки. Я посылая снаряд за снарядом. Мне лично удалось подбить четыре немецких танка. На одном мной подбитом танке

«Тигр» было нарисовано пятнадцать белых колец, значит он столько уничтожил наших танков.

К концу дня машины нашего первого батальона 19-й бригады перешли на другую позицию. И снова на нас двинулись фашистские танки. По нашему танку ударила снарядом в правый бок немецкая самоходная установка «Пантера» и командиру танка разорвало всю грудь. Он вздохнул два раза и умер. Погиб и весь экипаж, кроме меня тоже раненного. Через десантный люк задыхаясь от дыма выполз наружу. Кругом были немцы, но видимо посчитали всех убитыми и отошли. Орали: «Иван, панцер, капут...!». Я подумал, что могут взорваться боеприпасы, но вернулся в танк, взял две гранаты Ф-1 с запалами и пистолет командира. Мы боялись попасть в плен. Танкисту в 45-м оказаться в руках фашистов, не придумаешь страшнее этого... Пополз. Когда отполз на значительное расстояние, танк взорвался. Через меня перелетела крышка башенного люка. Взрывом оглушило.

Но на меня вышел связист наш из штаба и с ним пошли к своим. Нас спасла ночь. К рассвету мы вышли к нашим зенитчикам. Нас помыли в бане, а потом я некоторое время подвозил снаряды нашим танкам. Но вскоре один из них оказался без экипажа, и я попал в новый экипаж нашей же бригады. Когда мы выходили из Штольна, в моторное отделение попала граната, но благодаря перегородке мы остались живы...

В боях под городом Данциг было у немцев много оборонительных сооружений, отчаянное их сопротивление. В этих боях наш батальон из 32-х машин потерял 22 танка. В городе Данциге я был ранен в голову, немец кинул гранату в открытый люк. До сих пор 11 осколков находятся подкожно в голове. Потом находился на излечении в госпитале. Дали строевую и направили в артиллерийскую часть. В 185-й Отдельный истребительный противотанковый дивизион 8-й Армии, с которым я дошел до Берлина. Довелось штурмом брать Берлин. Я был командиром орудия и мы поддерживали наступление частей 171-й Идрицкой дивизии. Фашисты превратили город в укрепленную крепость, стреляли из каждого окна, из

каждого подъезда, самым страшным было попадание фауст-патрона. Не жалея снарядов, шли с большим трудом вперед. Дошли до рейхстага. Это было не просто серое громадное здание для нас, это было олицетворение фашистского государства. Батальон под командованием капитана Самсонова в числе первых ворвался в рейхстаг. А 2 мая в Берлине наступила тишина необычная. Рейхстаг был иссечен осколками и пулями. Расписывались кто мелом, кто краской, или выцарапывали свои имена ножом или гвоздем на стене или колоннах. Мне, как и многим бойцам нашим посчастливилось расписаться на Рейхстаге. Я просто поставил роспись-фамилию – Соколенко.

На Эльбе встречался с союзниками, когда 3 мая наш дивизион двинулся из Берлина на запад. Фашистские части, отступая, отстреливались ожесточенно. Дня через два, 5 или 6 мая мы увидели впереди солдат в незнакомой нам военной форме. Мы развернули свои пушки и не успели окопаться, как наши позиции были обстреляны. Пришлось и нам ответить, но вскоре разобрались. Да мы уже саммит поняли, что это союзники на машинах марок «Студебеккер» и «Додж» мы уже знали. На «Доджах» перевозились и наши пушки. Встретились по-дружески. Так окончилась война.

Награжден орденами «Красной звезды», «Отечественной войны 1-й степени», медалями «За победу над Германией», «За освобождение Белоруссии», Благодарностью Жукова и юбилейными медалями. За труд после войны был награжден орденом «Знак Почета».

ИНТЕРВЬЮ С ВЕТЕРАНОМ ВОЙНЫ И ТРУДА ГОЕВОЙ ЕКАТЕРИНОЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ

Трибе Екатерина Александровна
Студентка 3 курса исторического факультета
КГПУ им. В.П. Асафьева

Интервью:

Ф.И.О.: Гоева Екатерина Александровна. Год рождения: 22 мая 1926 г.

Место рождения: Красноярский край, Назаровский р-н, д. Глинка.

Адрес: г. Красноярск, ул. К. Маркса, д. 135,

Пенсионер, профессия – рабочая радиозавода.

Что вы помните о своем детстве, юности?

Какое детство? Война началась, я ее видела с первых дней и до последних. В 1939 г. мы приехали на Украину, а в 41 началась война. Собирались уезжать, но так и остались. Мама у нас заболела, отец в армии был. В армии было 2 брата, я и папа. А у бабушки было 5 сынов и 6 внуков в армии во время войны. Папа поваром был в арtpолку, дядя Ваня на больших пушках, дядя Сережа на сорокапятке. Папу ранило и умер он. У меня старший брат был в разведке, мы с Василием были. Я тоже была в разведке. Я весь 1941, весь 42 в ОКПК была. А с 1942 года на 43 год Рокоссовского ранило. В ОКПК было, наверно, 2 или 3 дивизии. Я служила до последних дней в армии Рокоссовского, 16-я армия Рокоссовского. А в последний раз меня хорошо ранило 23 марта 1945 г., не дошла до Берлина 120 км.

Работала на железной дороге маленьченько, а остальное работала я на радиотехническом заводе.

Образование?

Поступала я в балетную школу, но не поступила. И не стала, у меня ноги все побитые и я сама вся побитая.

Семь классов у меня, для того времени, это дело было в 41-м году, я в балетную школу поступала. Но так и не кем. Ушла на пенсию, была нормировщиком.

Мужа нет, он 12 лет как умер. У меня одна единственная дочь. А Светочка умерла в 1985 году, заслуженный художник, с высшим образованием, Суриковская, Ленинградская, с красными дипломами. Такая судьба! Отравилась химикатами.

У меня есть сестра. Приходит, ухаживает, что мне надо, покупает. Два племянника, а так...

Были ли у вас друзья?

Друзей у меня навалом. Я ни с кем никогда. Я безвредный человек. Я никогда никакой гадости не говорю.

Я никогда ничего не пила и не пью. Самогонку мне всегда сахар лишний. Так вот кусочек там сахара, а так два. А за спирт плитка шоколадки. У меня всегда было, пока хожу в разведки. С собой у меня никогда ничего не было, потому что нельзя. А так прихожу, сколько там, неделю, 3 дня. Надо будет, опять уйду. Переодеваюсь в гражданское, а так рядовой солдат.

У меня нет фотографии, как у других. Разведчиков никогда не фотографировали. У меня документ, там и то не лепили, не надо было.

Где и как вы узнали о начале войны? Сколько вам было лет?

Сколько лет? Вот и считай! Я 26-го! Мне шестнадцать лет было. Мы поехали втроем узнать поступили мы или нет. Лапочка, бомбили, аж черно было. Столько было самолетов, столько было бомб. Это тихий ужас! Это Киев бомбили. От Киева 90 км. арtpолк, где мы жили, военный городок. Плавать я не умела, но когда мне надо было при партизанах что-то это. Днепр тихое, теплое. Доска широкая, 5-см. Платице сниму и через Днепр. Поднимусь, спрячусь. Походила, разузнала, передала, рассказала и назад.

Какие у вас были чувства по этому поводу?

Страх все время. Идешь и не знаешь. Это тихий ужас! Чтобы подняться и туда идти. Я приду, карты покажу, где что стоит, где сколько. Но они ничего же не видят. Землянки на передовой, а блендаж дальше. В блендаже часто Рокоссовский был, еще кто-то.

Сперва с богом все крестились, все молились. И с бородами, и без бородов. Для меня все старые. Шестнадцать и дальше.

Меня подобрали хоронить. Ну хорошо говорят, она живая. А так бы плащ-палатку выкопали, плащ-палатку положили, плащ-палаткой накрыли. И все. Палочка.

Я ничего не делала. «Как же ты ничего не делала?» Я говорю: «Я ничего не делала.» Автомат мой был все время у старшины, он мне не нужен был.

Я стриженная была, у меня всегда бумажечка, если меня кто остановил.

А во время войны заболевание было (тиф). Немцы очень боялись. Так вот подняла платочек, говорю: «Я иду с больницы.» Все. А наш остановит, проверит бумажки, посмотрит. На Украине тяжело было ходить, в Белоруссии нормальные люди. Только лишь бы не провалился в болоте. Белоруссия 80% на болоте.

Пяти человекам сделали побег. Я их привела и говорю: «Если вот так пойдете, если чуть-чуть, значит подорветесь.» Кто из них бросил в мину и в меня. Меня туда на руках притащили военнопленные. Еле ползли сами. Я не знаю. Там медсестер не было.

Какие были бытовые условия вашей жизни (питание, одежда)?

Ой, не спрашивай! Никакого питания не было. Тут же бомбят, чтобы голодные были.

Во время войны никаких денег. Пачка на троих. Я когда в госпитале лежала, то за махорку хлеб. А солдатский сухарик, толщина как палец, 10 см., вот такой квадратный. Очень вкусный. Он же пропитан маслом, чтобы сохранялся. Вот этот кусочек дают или пачечка такая, прессованное пшено. Я брала, потом отдавала ребятам.

А если я уходила за линию [фронта], у меня абсолютно пусто было. Если есть там кусочек сахарочку. А потом уже прихожу, у меня плитка шоколада «Спорт» больше всего. Это за водку, за спирт.

Немцев предателей не любили. Предателей не признавали. Может кто и молчал, то их и по-страшному, а потом уже расстреляют. А этот рассказал, все, они потом его расстреляют.

Я по Белоруссии ходила, спокойно ходила, я не боялась. Они более-менее. А по Украине да, не дай Бог, там полицаи, там не смотрят.

К нам в дом не ходили, потому что на дверях бумага такая...тиф! Мама болела, но она не тифом болела.

А я такая стриженная ходила, у меня бумажечка такая, грязная, замызганная. У меня платочек был коричневый в клеточку, телогреечка черная замусоленная, платице в горошек черное, ботиночки старые-

престарые. Это я так там ходила.

В Германии уже ходила в военном: брюки, сапоги, телогрейка. По Польше и так ходила, и так.

Поляки все по-русски хорошо говорили, по-польски, по-французки, по-немецки. И белоруссы. Минск контактил по-моему литовцы. Эти злые. Знаешь, на одной березе можно повесить латыша, эстонца, поляка и все будут одинаковые, друг друга не перевесят. Злые, они и сейчас такие.

Но русских только маленьких брали, высасывали кровь. Всю выкачили. А особенно издевались над белоруссами. Белоруссию ему [фашисту] не надо было, она вся же в болоте. Украину он не сильно, потому что это была рабсила. А дальше не знаю чтоб было, сравнивал бы Ленинград и Москву, он на седьмое думал парад там сделать, но наши парад сделали и двинули.

Как вы воспринимали смерть на фронте?

Неприятно, тяжело. Если в роте сто человек, а оставалось девять.

Какие песни вы пели?

«Катюша» день и ночь, ночь и день

Писали ли вы письма? Как часто?

Домой только. Только маме.

Были ли вы влюблены во время войны?

Какая любовь? Даже мыслей не было. И меня никто никогда ничего не трогал. Я говорю: «Я пошла в первую роту». Прихожу, все наповал на полу. Зашла, постояла, отодвинула. На полушубок не ложилась, там вшей всегда навалом. А своя да. Легла и до утра. Но я в роте спала. Там начинают: «Где Латышева? Где Катюша? Катюша! Ох! Хахаха! Проспали ночь!». Так не знаю, в госпиталях, там может быть. Они там день и ночь работали, день и ночь в операционной. Наверно никакого просвета не было, когда б не заглянул.

Когда попала в госпиталь, стакан водки наливают, привязывают. Водку выпил, только мычит. А я то не не пила, я привязана была. Орала. «Че орешь?» «Я? Блин ты питерский выучусь на хирурга, я вам покажу потом, че

я орала!» Но в медицинский нет, не поступала. У меня и не было призвания. Я планово-экономический.

Помните ли вы своих боевых товарищей во время войны?

Ничего не знаю. Не помню я. Не-а.

Какое было отношение к героизму?

Там все одинаковые. Война есть война. Страшная, несправедливая. И потом, кто больше боится, тот быстрее погибает. Это да, это точно. И чем больше он боится, он быстрее погибает. Вот это да. А как оно получается, даже не знаю.

Были вы ранены?

У меня 2 контузии первой группы. У меня инвалидность была 1-й группы, а на самом деле 2-я у меня, потому что 1-я группа 23 руб. была пенсия.

Что помните о госпитале?

Я два раза лежала, но лежала на Кавказе. В школах госпиталя делали. И где-нибудь в уголочку лежу себе, особенно когда контужена. Орут, я не слышу, если слышала, то я не разговаривала. Выйду. Кусочек бумажки, карандашек, что мне надо. То бинтики, когда старые, вшей много. Ой, фу, рвало, меня. В госпиталях много было военных, раненых, тяжелораненых.

Медсестру я не видела, может где и были, но мужчины.

А выписывали с госпиталя, у меня сапог не было. Босая. Я позвонила, говорю: «Павлик, мне вот эти тряпки то выстирали, они были в крови, где дырки, позашивали.» Телогрейка была целая, но пробитая. Я: «Павлик, я босая, у меня нет сапог.» Он говорит: «Хорошо! А остальное?» Говорю: «А остальное, ну, починили мое.» «И че ты ободранная домой поедешь?»

Я доехала с Ессентуков, меня сопровождала медсестра, до Ростова-на-Дону. А там сама.

Я зашла. Говорю:

- «А мне, пожалуйста, Латышева.»

- «А вы Катюша?»

- «Да!»
- «Щас, а где сопровождающий?»
- «А она уже назад поехала.»
- «Ну ладно.»

Дал мне шинель, бушлат, сапоги новые. Правда у меня был 36-й размер. Он мне 37-й или 38-й. Брюки, так как положено солдату, и гимнастерку. В этом я приехала домой. Поек выдал мне. Я домой привезла, иначе нечего ж было. Голод начался. И в 47-м голодовка была.

Какие страны Восточной Европы вы освобождали?

Украину прошла, Белоруссию прошла, Польшу прошла, Германию 120 км. до Берлина. Все. А у немцев в армии все были.

Французы были, американцы не воевали. На Эльбу пришли и последнешний день стоят, и лапшу вешают.

Какие вы имеете награды военного времени?

Орден «Отечественной войны» 2-й степени, два ордена «Красной звезды», медали «За отвагу», «За боевые заслуги».

Как сложилась жизнь после войны? Как познакомились с мужем?

Нормально прожили, 44 года. Я работала кассиром, которые отправляли вагоны на «девятку». А Володя работал после армии, у него здесь брат старший. Раньше нельзя было с деревни уехать. И он сюда приехал, а Федор (старший брат) имел какое-там дело, не знаю, кем-то работал. Хороший такой дядька. А Володя работал машинистом. И так мы и познакомились, и все. А в первый раз-то я выходила замуж, он летчик. Но мама больная была. Я в то городок, то с городка. Потом перестала. А он сказал: « Или мама, или я». Но я не могла сбросить больную женщину, маме 50 лет было, лежащая была она. Из-за этого мы разошлись. А сюда приехали, Светлана в первый класс пошла, Светлана рано пошла в школу, в 10-м не училась, а сразу сдала за 9, за 10 и в 11-м. Чтоб если не попадет в первый раз в академию, то еще раз так будет сдавать. А она за раз. Рано, рано ушла. Ну она отравилась химикатами. Она график, художник-график.

УЧАСТНИЦА ТРУДОВОГО ФРОНТА

АБОЛИНА НИНА ВИКТОРОВНА

Записал Бачурин И.С. Студент 3 курса
исторического факультета КГПУ им. В.П. Асафьева

В годы войны наша семья проживала в селе Балай, Уярского района Красноярского Края

Семья состояла из 5 человек – мать Эмма Аболиныш (Дубульт) 1895 г.р, дочери – Нина 1926, Илзе -1924, Эльза 1912, а так же сына – Вальдемара - 1922, все – Аболиныш. Отец семьи, Виктор Аболиныш (1877) и старший сын Андрис Аболиныш (1910) были расстреляны в 1937 году как «враги народа». Посмертно реабилитированы, о чем семья смогла узнать только в 1991 году. История жизни это части нашей семьи в Красноярском крае берет в начале 20 века (ориентировочно – 1905-1907 гг), когда Виктор Аболиныш был вынужден переселиться вместе со своей семьей в Сибирь из Латвии по политическим причинам.

В землепользовании у нас было 12 соток земли, надел в общем поле, около 1,5 га земли. В хозяйстве была одна лошадь, 3 свиньи и 1 корова (до раскулачивания), и свинья после. Хозяйство было традиционным, никаких механизированных средств для работы не применялось. Земля обрабатывалась вручную.

В силу того, что в предвоенные и военные годы семья была вынуждена переехать в меньший дом и продать часть своего имущества, продукты питания и производства тщательно распределялись и откладывались по мере возможности.

Летом приходилось есть траву и варить крапивный суп, огород давал очень плохой урожай, большую часть которого приходилось откладывать на зиму. Было голодно. Наш дедушка, ему тогда было почти 90 лет (точный возраст неизвестен) совершенно занемог в 37 году от голода и тяжело болел.

Крепкое не по годам здоровье его пошатнулось и он прожил только до лета 1942 года.

Младшие дети занимались сборкой и заготовкой дров, приносили воду, занимались уборкой. Старшие работали в поле, до войны, а в военные годы переехали в город и начали работать на железной дороге, станция «Злобино».

Колхозное хозяйство в Балае появилось только во время войны, так семья в 1938 была «раскулачена» можно оценивать хозяйство как среднее, всё было как у всех. Отряд военных во главе с комиссаром забрал почти все продукты питания, большую часть скота, а так же многих взрослых мужчин.

В силу запуганности властями открыто боялись говорить и противостоять органам НКВД, однако именно из-за их политики никто из семьи так и не вступил в партию.

Информации о лидерах партии было мало, лишь по переезду в город появилось достаточно информации о партийном и государственном устройстве. Наша семья никогда не вступала ни в политические, ни в коллективные организации СССР, однако работали с колхозниками бок о бок, попросту не оформляя документов. Так жили очень многие в то время, а более поздний период мы не захватили – перебрались жить в Красноярск.

Работой в колхозе занимались практически все, однако многие не вступали в саму организацию. В основном занимались зернозаготовкой и разведение крупного рогатого скота. Так же выращивали овощи, и у нас были огромные сады с яблоками. Разводили пчел, мой отец (Виктор Аболин) был знатоком в этом деле, еще в Латвии он научился ухаживать за ними и получать вкусный и полезный мёд»

Большая часть зерна отдавалась в пользу государства, что вызывало сильное недовольство, особенно среди мужской половины населения. В мае 1940 года молодые ребята выступили против того, чтобы отдавать так много зерна государству. Даже началась драка с колхозниками, приезжали военные из города и забрали несколько человек. Они так и не вернулись обратно в Балай.

Случаи воровства имели место быть, но крайне редко, Несколько ребят были пойманы на месте преступления отрядом добровольцев, в котором был и Вольдемар (брат) – они пытались обокрасть магазин в котором хранился хлеб. Голод? Да, был. Зимой особенно остро ощущалась нехватка заготовленных летом продуктов. Экономили во всем, практически не ели хлеба, мяса, солений. Семья в годы войны жила очень плохо, продуктов питания практически не было. Такая ситуация наблюдалась даже летом и осенью.

В те редкие дни, когда удавалось выбраться к себе в деревню мы ходили гулять, отдыхали как могли – пели песни, танцевали. В свободное время молодежь гуляла, устраивала праздники. В селении был клуб, в котором каждый вечер проводились танцы. Библиотека имела ограниченный ресурс литературы. Книги бережно передавались из рук в руки. Летом проводились игры, играли в лапту, казаки-разбойники. Так же была распространена игра на разных музыкальных инструментах.

О быте могу сказать лишь то, что ничего хорошего и не было – один сплошной труд и страх что каждый день можно умереть с голоду, или замерзнуть зимой.

В то время трудно было о чем то думать и мечтать. Сейчас в кино показывают, что много говорили о жизни, а на самом деле у нас, так далеко от фронта не было возможности представить войны, был лишь страх, холод, голод, и похоронки, да и то немного, они после войны большинству то и пришли. Мать заботилась о младших как могла, и мы помогать пытались.

О победе узнали по радио, был большой праздник на всю деревню. Однако, он скорее выдался домашним и спокойным, и лишь через несколько дней мы, молодежь устроили настоящие гуляния.

ВОСПОМИНАНИЯ В.В. ГЛАДКОВОЙ

«ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА»

Воспоминания записали Шаповалова Евгения Александровна,
Замятина Алена Александровна студентки 3 курса
исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Гладкова Вера Владимировна (в девичестве Ефимова). Родилась в 1934 году и провела детские годы в деревне Радонка, Стругокрасненского района, Псковской области (75 километров по прямой от Пскова). Родители: Ефимов Владимир Ефимович, Яковлева Мария Яковлевна.

Какое было положение в деревне на начало войны?

Шесть лет мне было когда началась война, положение наше было хуже некуда, потому что в 1938-мом согнали нас с хутора и не успели мы не обустроиться, ничего. Тем более, что мать одна, а нас пятеро, и она сама дом строила и если учесть, что у нас скот отобрали, и вот в таком положении мы были. В голоде, в холоде и еще война на нашу голову.

Как и когда в деревню дошли известия, что началась война?

Я точно не знаю, как узнали, сколько там мне было лет, сильно что ли обращали внимание, как там сообщил. Мои детские воспоминания о войне это вот помню, мама поехала, у нас жила еврейская там семья и её никто не захотел увозить. Надо было увезти в район, чтоб они успели на поезд сесть, корче чтоб уехали. И вот у меня воспоминания, что мама, значит, коня запрягла их увезти, и успела, а когда обратно поехала, то в районе уже немцы были. И еще такое детское воспоминание, - как провожали на фронт, вот это даже наверно раньше, чем вот то. Я как сейчас помню, как на фронт провожали первых мужчин, там дядя Сережа, дядя Ваня, еще трое или четверо, всех не помню толком, не самых молодых забрали взрослых семейных мужчин, вот дядя Ваня Лазарев, у него трое детей осталось и жена беременная, еще у одного двое сыновей молодых совсем, взяли мужчин.

Почему не парней? Вроде и не было подходящих, либо были моложе, либо служили уже, потому что многие, кого забрали служить перед войной они не пришли уже, и тех кого после забрали не пришли никто.

Сколько было население деревни, большая была деревня?

Нет, там же вообще небольшие деревни были, около 30 дворов была наша деревня в ту пору. Ну а население, у каждого считай семья по три по четыре, ну в основном где-то из пяти человек семья состояла, потому что три ребенка было... у кого три у кого пять. Допустим у нас на нашей улице, у нас пять, у тети Жени пять, дальше мать с сыном жила, дальше еще женщина с пятью детьми, потом еще с четырьмя. Все это согнаны с хуторов, и все это вдовы, вот только тетя Женя: у нее был муж, они жили и его как раз забрали, и у нее 1-го мая последняя девочка родилась, и она успела получить похоронку, в начале июля она успела получить, а немцы у нас были в августе, наш район заняли уже.

Какие изменения произошли с приходом немцев?

Я бы не сказала чтобы особенно что изменилось, жили да и жили, также работали, только естественно колхозное имущество подели. Что сдали государству, скот допустим, на госзаготовки, а остальное. Землю поделили, по частному на паи, мать поскольку была одна работница, нам достался один надел, у кого были взрослые сыновья, тем больше. Вот таким образом изменилось.

Какие чувства и ощущения связаны с оккупацией? В деревни были страх, паника?

Ну как, страшно конечно было, как не страшно. Столько же было всего. Ну вот допустим в нашей деревне немцы были не часто, наша деревня была в стороне от большой дороги, большак так называлась у нас большая дорога, по которой машины могли ездить мы вот стояли в стороне, и у нас поэтому немцы были редко. У нас к тому же партизанский район и в маленькие лесные деревни немцы не очень то совались. Да боялись. Чаше навещали полицаи, вот эти шарились. В нашей деревни грозились особенно полиция,

что если что, от деревни камень на камне не оставят, то что партизаны все время навещали, а в соседней деревне у нас, Русово называлось, в километре всего от нас, ту деревню дотла сожгли. Там кто-то донес, проговорились что там двое партизан ночуют разведчиков. А разведчики они ночевали в бане не в самой деревне, и они-то убежали, а деревню всю сожгли и всех жителей угнали в район, но потом отпустили, большинство, а кое-кого в Германию угнали. Страшно конечно страшно то тут горит то там горит.

Встанем на заваленке и деревня, Плавково кажется, и вот как дома стоят в ряд, деревня от нас стояла километра четыре, но видно было хорошо, дома как свечки стоят и горят, конечно страшно. И бомбили, и нас иногда предупреждали, что будут бомбить и что немцы придут, партизаны предупреждали. У нас был партизанский край, партизан было много, но собственно в нашей деревне они постоянно не жили, у них базы в лесу были, большая база была от нашей деревни где-то около 20 километров. Так называемый Сороковой бор был, ну большой, деревни часто стояли и если бор тянулся например на 40 километров, там боры сосновые хорошие у нас, так и назывался Сороковой бор. И там были базы у них основные, вечером смотришь раз самолет летит, костры зажигают партизаны, садиться не садились, видимо не было места, а грузы сбрасывали, продовольствие, оружие сбрасывали туда постоянно. Потом когда партизаны выходили оттуда, вот в сорок четвертом году в феврале когда немцев погнали от Ленинграда.

До 1944 у вас квартировались немцы?

Они у нас там постоянно не квартировались, в районе конечно стояли постоянно, район от нас был 50 километров, там они были постоянно. А в этих наших маленьких деревеньках туда полиция наведывалась в основном. Чтобы немцы у нас стояли, я помню четко только два раза, и то как я вот думаю что это были какие-то интенданты, хозяйственники, потому что снабженцы, это был уже конец сорок третьего года, причем немцы эти были пожилые, и они нас не обижали практически.

Какие отношения были с оккупантами?

Не думаю что в деревне, чтобы у нас лично что-то, как-то. В основном все заправляли старосты. Вот допустим в Германию угоняли старосты, всем заведывали и полицаи. Сестра моя старшая была угнана, Аннушка, вернулась в сорок пятом году, приказали, пришли забрали, Аннушке было 19 лет. не только её одну, парня, еще двух девиц. Парень был назначен, сын старосты, а он своего значит это самое, другого забрали.

Для чего угоняли? Работать?

Ну да. Сестра допустим попала к помещику, её повезло, а вот две двоюродных моих сестры, но они не в нашей деревне жили, они работали на фабрике, на какой-то, шили одежду для немцев по-моему, так вот им было гораздо хуже. Во-первых кормили их плохо совсем, потом они были под охраной практически постоянно. Аннушке ей просто повезло, потому что питаться она могла, голодом не сидела. Практически ели не совсем то же, что хозяева, но почти, допустим, если она доила коров то могла напиться молока, картошку, овощи варили свиньям, никто не запрещал это есть, хлеба только было мало, но Аннушка говорила, что немцы и сами хлеба ели мало. Район где это было, не могу сказать, но это было недалеко от Дрездена, потому что когда Дрезден бомбили, американцы же разбомбили, хотя там не было военных заводов, город был культурный, галереи картинные, всякая всячина, и его сровняли с пылью. Так вот она рассказывала, что когда Дрезден бомбили, что столько самолетов туда летело американских, потому я и говорю что где-то возле Дрездена.

Какое было отношение к войне и оккупации? Какие разговоры были в деревне?

Я не скажу что бы была какая-то вражда, люди занимались, лен сеяли, собирали, на супрядки ходили. Что бы какие-то разговоры были не помню, ничего не изменилось.

Часто сталкивались с захватчиками? Вспомните моменты взаимодействия с ними.

Через деревню вообще они проезжали часто, но каких-то столкновений не помню. Вообще они нас не трогали, то-ли они настроены были не так, как пишут, что фашисты уничтожали всех поголовно. Проезжали и все, мы же убегали, прятались. В основном нас предупреждали, если приедут или бомбить будут, мы в леса убегали, прятались, по лесам бегали. Строили шалаши, ночевали, по оврагам, у нас там рядом овраг, там окоп был выкопан, вот предупреждают и все убегают, если скот у кого-то какой-то был и скот прятали по оврагам. Может нам повезло, что деревня глухая, а вообще вокруг нас много деревень сожгли. Люди жили в постоянном страхе, что бомбить начнут или полицаи придут. И убить могут, самолеты налетят и бомбежки, и за жизнь и за хозяйство. За жизнь постоянный страх был, как же он не страх.

Помню как мать мазала Любушку сестру, старшую после Аннушки, Зинушка маленькая еще была подросточек..., а чтобы это не привлекать внимание, чтобы выглядели чумазыми, грязными. Немцы заходили и мама ей лицо сажей намазала, накинула что-то. Да и во что мы одевались, это ж ужас какой-то был. Ну что представь себе, что ничего нигде купить нельзя, да и на что покупать, деньги откуда могли взяться, во время войны вообще. Носили что осталось какое старье довоенные пальтухи, а потом пряли лен ткали полотно, красили, причем краски не было, красили в дубовой коре, или в другом растительном. И из него шили, шили юбки, кофты, если тонкий рубашки шили, занавеси ткали, шторы. В это и одевались, ходили без штанов, я штаны первые надела когда в школу пошла, а в школу я пошла на одиннадцатом году.

На ноги чтоб чулки какие-то были из того же льна вязали, из толстых ниток. На горку пойдем кататься, в снегу вывалиаемся, они промокнув, замерзнут, домой придешь, снимешь они как сапоги стоят. Если повезет вам увидеть фильм такой про войну «Помни имя своё», вот там можно многое увидеть детей вот во что одевались.

Расскажите какие-нибудь эпизоды военной жизни? Моменты когда вы четко понимали, что идет война?

Ну самое, что вот немцы зашли, а брат мой ему тогда лет 12-13 было, раз мама его за печку спрятала, а немец, как сейчас помню «партизан, партизан!», и мама чуть не в ноги сразу какой мол партизан, это сын мой, а немец «Зун, зун». Жили в постоянном страхе, мало ли что могло случиться, не полиция так немцы, не немцы так полицаи.

Партизаны разведчики, я помню как двоих у нас прямо в деревне поймали. Они у нас были, и кто-то видимо... кто-то у нас в деревне видимо был, кто пакостил. Конкретно, конечно, никто никого не называл, но это ясное дело. Кто то все таки был, кто то сообщал. Да, конечно, пришли и кто то уже сообщил, и они уже не успели убежать, хотя вот лес тут уже рядом, тут наш дом стоял, а следующая – там пригорок. Как сейчас помню, их там положили, связали и увезли. А так вот, чтоб когонибудь деревенских наших, допустим, никого такого насилия.. ну я говорю, что может быть это изза того что жили мы так, в стороне. Вот, в постоянном страхе, и что бегали постоянно то туда, то сюда. Вот когда уже практически уже пред тем, как освободить район, тут партизаны находились постоянно. У нас в избе находилось 30 человек, здесь было штабное помещение, потому что дом стоял на краю. А нас из деревни всех отослали в хутор. У нас там был хутор эстонский, причем там эстонцев много было, их потом тоже в деревни согнали. Так вот у них дом такой длинный – длинный был, и там поместилось пол деревни, на другом хуторе – остальная часть деревни. И нас всех повыселили, оставили только хозяйек готовить для партизан. А мы там прятались. Как сейчас, идем, мы пришли – а нас обратно выгнали. Идем, а там через лес, а там вороны летят. А брат мой кричит «Самолеты, самолеты летят!» и мы все бух! Под елку, В снег, со страху.

А оставляли только женщин, чтобы они готовили партизанам?

Да, а нас всех детей выселили из деревни. И моя мама тоже осталась. Это уже в конце, в марте 1944 года было. А в апреле уже освободили весь район. И сильно много партизан тогда у нас погибло. От нас отсюда целая партизанская армия была, когда они выходили с основных баз – целые сутки

шли партизаны колонной по четверо. Ты представляешь, сколько их было? И вот они расселились по деревням, по лесам и немцев там зажали. С одной стороны партизаны, вот как раз в нашем районе, а оттуда уже регулярные части, с Ленинграда. А оттуда как раз шла колонна немецкая с награбленными вещами, через район. Километров на 20. Вывозили ценности с Петербурга. И вот их там как прижали, эта колонна вся осталась.

А почему у нас партизан тогда много погибло? Потому что, как рассказывали, что разведка, которая шла от Ленинграда доложила что там вроде никого нет. А в это время местные заняли партизан, и как с «Катюш» дали! И своих же побили... похоронены они на школьном дворе, на нашем, где я училась. Там 170 человек в одном месте. В нашей деревне похоронено 19 человек партизан, из них одна девушка. Ну уже это привезли оттуда, из центра. Там у нас памятник стоит, мы за этой могилой ухаживали, венки плели.

Как воспринималось освобождение?

Знаешь, ну район освободили и я хорошо помню когда война кончилась. Мама, значит, ушла картошку сажать. Это мы тут еще не садим, а у нас там теплее все равно. И мама домой пришла, «господи, война кончилась!» вот, гулянка была, на всю деревню. А когда район освободили – просто меньше страху стало, вот и все. Стали снова Советскую власть налаживать. Опять все в колхоз, опять объединять землю. Попользовались – и хватит!

А какие были отношения местных жителей с полицией?

Я вот так в глаза ни одного полицая и не видала. Вот из нашей деревни в полиции не служил никто, это точно. Но, вот у нас староста был сволочной мужик. Все грозил, что мол если что – доложу, немцам. Вот дядюшку там моего в районе живьем закопали... ну они не в нашей деревне жили, он был оставлен для организации партизанских дел, коммунист. И вот его полицая выдали. Местные, там с их же деревни. И вот увезли, и когда расстреливали, их заставили самих ямы копать. А он мужичина был такой. Даже не знаю... вот как Дмитрий Губерниев, комментатор по телевизору. Два метра в

плечах... вот разве что с ним сравнить дядю Шуру, вот такой был мужик.

А стали расстреливать – стреляли по ногам, по рукам. Не сразу чтобы насмерть, а издевались. А он вырвал у немца винтовку и говорит «Сволочь, бьешь так бей! Ато я тебе щас прикладом как приложу тебя,...», и его живьем столкнули в яму... вот потом тетке рассказали, что когда их закапывали, а он с лица землю смахивал... вот так живьем и закопали... вот, сдали его. А потом с ума сошла тетка, жена его. И дети остались у них. Нина и Толик. Вот тебе конкретный пример.

Как вообще война повлияла на жизнь деревни? Какова роль войны в повседневной жизни?

Ну, во – первых повседневный страх. И голод. После войны страх прошел конечно, но все равно еще что то осталось... и конечно осталась нищета. Страшная нищета. Народ то обнищал совсем весь. Вообще, страшно все это. Это такой стресс для детей, для всех! Поубивали сколько... самолет гудит – все, уже бежим прятаться. Кто в рожь, кто в кусты. Всегда страшно было... и насколько мы не могли опомниться... вот представь, я уехала в Ленинград, школу закончила в 53-м году, у нас еще практически хлеба не было. Я вот училась еще в 7 классе когда, тогда же по 7 лет учились, мы с вечера занимали за хлебом очередь. И давали по пол килограмма в руки... до того что падали в обморок возле этого магазина. А кто хлеб выращивал в деревне – его весь забирали, абсолютно! Выгрибади все. Все государству!

То есть, никакой поддержки со стороны государства после войны не было?

Абсолютно! Абсолютно. Ну, колхозы возобновлялись, все обратно. Какая там может быть поддержка, ты что? Мы же как работали... вот мама моя, и уже Аннушка из Германии вернулась, вот Люба...втроем год работают. Вот день проработали...слышали может, за палочки работают? Вот, трудовень тебе раз, отметили. Вот втроем значит год работали, заработали: мать значит в мешке принесла всю зарплату. То есть килограмм 20 ржи, напополам с кострицом. Вот это называется работали за палочки. А

работали с утра до ночи. Чуть свет, если лето то там, то покос, если к осени, то жатва. Вручную, все в ручную с утра до позднего вечера. Мы как зайцы, ждем когда мать придет, что можем дома – делаем, то – се, полем грядки – все на детях. Ели – что найдем. Вот хвощ, полевой называется. Их едим, щавель найдем. А так питались крапивой, лебедой. А грибы пошли и ягоды – так это вообще благодать! Тут мы гурьбой пошли по лесам. Тут уже мы живые! И это же из года в год. А в доме, ничего абсолютно...крошки никакой в доме нет.

А какие то детские игры были в войну? Не все же вы прятались?

Конечно! Конечно мы играли! А почему нет? Мы играли в лапту, это была любимая игра, такой большой гурьбой. Мы играли партия на партию. Мы играли в третий лишний, по этим...по просто носились как эти...всякие там пятнашки – догоняшки. Как все дети! Играли мы, и наплевать на то что мы голодные. Зимой так же катались на санках. Во что попало оделись, чулки эти самые завязали. Мать сошьет их, резины, поршни такие вот на ноги, тут портянок намотаешь, вот и чулки! И веревками завяжешь, и так же катались на санках. И Вася, брат, несмотря на то что он еще пацан был, он даже лыжи сам делал, из березовых досок. И носы эти распарит и загнет, катались даже и на лыжах на этих! Мм, интересно! Я на лыжи на эти как-то встала и пошла, а у нас там...лесок такой, ну метров 100 – 150. А я думаю, сейчас я туда зайду, а оттуда потом скачусь. А как раз партизаны у нас уже стояли. Я значит туда, а мне кричат «Стой!» а мне плевать, я и еду. А они мне, девчонка, ты мол куда? А я, ну как куда, вот сейчас поднимусь и съеду обратно, как куда. «Нет, стой, не ходи, ты ж видишь – там лесок. Вот схватят тебя немцы за шиворот и утащат». Ага, страху нагнали, больше к лесочку мы не идем. Значит тогда от тети Жениной горы круче еще катаемся.

А партизаны, интересно, они песни всякие пели. Про Чапаева, анекдоты всякие начнут матершинные рассказывать. А мама на них ругается, ну–ка прекратите, давайте лучше песни пойте! Про Катюшу, про Чапая, много всяких таких советских песен. Соломой весь пол в горнице застелили и там

спали вповалку. А мы все на одной большой деревянной кровати, в уголочке. А что, дети и есть дети. Играли, бегали...так что. От нас этого все равно не отнимешь. Пойдем к реке, как весна, черемухи нарвем – принесем. Там овраг глубокий был, а по берегам черемуха росла.

Ну, что еще вам рассказать девчонки? (смеется)

Ну вот...историю какуюнибудь интересную нам расскажите..?

Какую интересную? Ну вы учтите, что я ребенок же была...

А как вести с фронта получали? Почта работала или как?

Во время войны вестей с фронта вообще было никаких. Почта работала плохо. После войны уже потом стали приходить извещения. Кто там без вести, кто что... вот только одна женщина получила похоронку, а потом партизаны... тех, кого не взяли в первый призыв – почти все ушли в партизаны потом. Вот, крестный мой погиб в партизанах, его брат погиб в партизанах. Вот парень соседский тоже погиб в партизанах, причем с соседнего района видели, как он на мину напоролся, ему голову прямо оторвало.

Как воспринималась ребенком смерть на войне?

Ты знаешь, особо никого не выделяли. Только те, на кого пришли, что они без вести пропали. Тем, кто похоронки, – те хоть пенсии получали. А так все одно, – безотцовщина... я не замечала, чтоб кто то, у кого отцы погибли на войне слишком уж гордились этим. Это было горе. И таких столько было, что не из кого выделять было. Все на равне были. Победой, да, мы все гордились. Мы вот эти книжки разные патриотические читали, про пионеров. А сейчас их кто читает? Такая книжка была «Васек Трубачев, и его товарищи», знаете такую? Ничего вы не знаете! Лиза Чайкина. Была такая книжка. Ничего вы такого не знаете. А потом была книжка, про одесское подполье, страшная такая книжка... мы все гордились героями, пели про них песни. Вот была песня про Зою Космодемьянскую. Я ее и сейчас хорошо помню. И «Молодую Гвардию» тоже читали. Мы даже пьесу ставили, я там Олега Кашевого играла.

А почему мальчика?

А потому что мальчишки не хотели заниматься, а там было много текста надо было учить. Вот такие вот мы песни пели, и все гордились победой!

А как встречали тех, кто вернулся с войны?

А дело в том, что с войны у нас домой-то никто и не вернулся. Один – единственный кто вернулся – был дядя Степан, но он был в партизанах. А так, никто не вернулся. Вот и крестный мой погиб, и его брат, и много других. Так что и некого было встречать-то... вот. Ушли все и не пришли.

ГВАРДИИ МАЙОР ВВС КИСТЮКОВ МИХАИЛ НИКИТОВИЧ

Интервью провели Тамошенко Евгений Алексеевич,
Бауэр Александр Петрович студенты 3 курса
исторического факультета КГПУ им. В.П. Асафьева

Что вы можете рассказать о своем детстве?

Родился я на Алтае на границе с Казахстаном. Есть такой Поспелихинский район, село Красноярское видите какое совпадение. Родился 12 января 1925 года.

На родине я почти не жил потому что отец военный, а военные жили как раньше, сегодня здесь, завтра за тысячу километров, послезавтра еще куда то забросят, и так по всему Советскому Союзу путешествовали кочевали до самой Отечественной войны.

Война началась, отец как кадровый военный сразу оказался на передовой и уже в августе месяце я стал сиротой. Понимаете в чем дело? Отца уже убили немцы.

Мы в это время жили на Алтае в Барнауле. Естественно, как все молодые люди, как только объявили что начинается война, мы все в военкомат. И вот представьте вы себе, шестнадцатилетний вот такой вот пацан толкается локтями, видите какой я большой? Ну а представьте, в 16 какой я был там. Локтями толкается в военкомат берите меня, я их сейчас

всех расстреляю. Естественно у каждого была такая мысль что только я если Гитлера убью.

В военкомате там люди серьезные, взрослые, тем более что в это время прошел нормальный призыв. Во-первых, тех кому срок подошел и потом тех, кто был в запасе первой категории. Мы же, ребята, пацаны что нам. Нас-то на учет военный еще не брали, но все равно мы уже побежали в военкомат расталкивать плечами. Ну, естественно, мне сказали, иди сынок посиди дома. Тем более, что вид у меня был вы сами представляете что, как я сейчас, и какой я был когда мне было 16 лет.

Но во всяком случае значит военком посоветовал, если у тебя есть такое стремление помогать родине иди на военный завод.

Военный завод такой был в Барнауле. Как раз к этому моменту шла уже эвакуация из западных территорий. Из Ленинграда приехал большой машиностроительный завод. Он в мирное время выпускал машины, а военное время перешел на выпуск вооружения. Я конечно пошел по совету военкома на этот завод. Отработал там я до 1943 года.

Как Вы оказались в армии, попали на фронт?

Выжидал время когда мне исполниться 18 лет. Тогда я уже имел право без всякого локтевого такого движения вступить в ряды вооруженных сил. Что собственно я и сделал. Но так как я был на брони, я был токарем 4 разряда на военном заводе, бронь у меня была такая, что я мог отсидеть там всю войну без всяких забот.

Но как это я мог, когда мне исполнилось 18 и отец у меня погиб на фронте, а я еще буду здесь сидеть в тылу. Как только исполнилось 18, к этому времени я учился в аэроклубе. Закончил пилотское отделение и получил звание пилота запаса. И естественно, как только подошел мой срок, я ринулся туда в военкомат, меня опять на завод. И вот однажды, когда наша группа выпускников аэроклуба уезжала значит по воинскому набору, а куда ехали никто не знал. Военкомат вызвал всех как обычно, построил, на первого второго рассчитайся, ряды сдвоить, на право шагом марш, и повезли

на вокзал.

Я пошел провожать своих товарищей сокурсников по аэроклубу. Зашел в вагончик чтобы попрощаться, вагончик тронулся, колеса дрогнули, и я с ним так и уехал. Естественно ну раз я ушел добровольно в армию, тут уже военкомат или же завод никаких претензий иметь не мог. Я не убежал куда то там в тыл, спрятался в окоп в тайге, а я ушел на фронт. Привезли нас всех в Иркутск. А в Иркутске оказалось техническое училище. Оно авиационное. Было так ВАТУ (военно авиационно техническое училище). Там готовили техников самолетных.

Ну когда мы приехали туда всей группой аэроклубовской значит, и оказалось, что из нас будут делать техников, конечно мы возмутились, там шум подняли. И что характерно, казалось бы война, могли бы сказать: «Цыть, встать в строй смирно! На право шагом марш». Но к нам прислушались и всю нашу группу из технического училища отправили по летным управления кадров военным округам. Приехали мы в управления кадрами. Там сидел пацан на кадрах, который по всей вероятности даже не соображал что такое летчик, что значит пилот, что такое техник и прочие прочие... Был просто писарем. И когда мы пришли к нему и начали требовать куда нас направили, да мы такие....., он нас рассовал по воинским частям не спрашивая. Пилот? Пилот. Вот тебе в летную часть направление и все. И когда я приехал в полк боевой, оказалось он меня отправил в полк истребительной авиации, летающих на «аэрокобрах». Вот представьте, я летал на У-2 или как сейчас По-2 называется, а меня направили на «аэрокобру». На «аэрокобру» посылали уже летчиков, у которых был налет очень большой. Он имел в полнее определившиеся условия для полетов, опыт, тактические приемы знал. А я из аэроклуба что там пацан пришел и меня на эту «кобру» и естественно, кто меня допустит. Этот руководитель полетов полка звонит в управление кадров: «Что вы присылаете, ведь у него налета никакого нет на современных самолетах, он же на У-2 летает, а вы его на «кобру» присылаете». А там же сидят начальники. Он значит сразу как это

ваше право переучить научить и доложить!!! Ну и что, начальник этот который подчиненный высшему, что он может сделать? «Слушаюсь»!! И мотористом засунули, и дравил я зазор между плоскостью и тряпкой на стекле самолетах. Ну естественно, ну как я могу после У-2 летать на «кобре».

Ну что, приехал я посмотрел, ну кто меня пошлет летать, и начал я устранять зазор между плоскостью и тряпкой на этих самолетах. Правда не долго я просидел там. А помогло еще вот что, я как летчик имевший опыт работы значит в аэродромных условиях и полетах, меня частенько брали на обслуживание полетов на аэродроме на стартовый пункт стартовую команду.

И вот однажды, будучи стартером, а по тем временам стартер имел большое значение. Почему? Потому что только начали внедрять радиосвязь между самолетом и стартом, и руководителем полета. И чтобы не запутались, а некоторые летчики забывали что у него радиофицированный самолет, и как правило заходит на посадку, видит «т» вылажена, стартер стоит и он прямо планирует на посадку без связи. Забывает просто не было опыта. И тогда конечно, на старт ставили таких, которые способны различить как самолет заходит, какие у него условия, выпущены ли ее шасси, готов ли он к посадке. Если он не готов, то стартер уже сразу поднимает красный флажок, машет значит: «Уходи на второй круг», - и угоняет его на второй круг.

Поэтому меня и посылали туда как специалиста, знающего все эти условия. Но долго я там не был. Получилось так. Во время ночного полета заходит на посадку летчик. Я стою на старте, смотрю у него шасси не выпущены. Я прямо значит на взлетную полосу, значит флажком этим машу ему чтобы он уходил на второй круг, а он заходит и все. Ну я уж бросился бежать, руки расставил, куда ты идешь, у тебя шасси не выпущены. Он все равно заходит. Отскочил я от стартовой площадки, он садиться и тут же шасси не выпущены, самолет тормозит, я подбегаю к нему открываю кабину, а он без сознания. А самолет-то когда садился с шасси убранным, как пошел по земле и он загорелся. Двигатель работает, все включено. И он загорелся. Я это летчика еле еле..., я маленький такой, а он здоровенный такой мужик. Я

еле-еле его оттуда вытянул, переопракинул с кабины, за шиворот вот так вот тяну его от самолета, чтобы не сгорел. Ну тут подбежали другие, вот успели. Мы его оттащили. И за этот случай меня отправляют на переучивание.

Приехал я в Красноярск на переучивание. А здесь раньше было две школы: была летная школа и была штурманская школа. И получилось так что к моему приезду летная школа заканчивала выпуск набратый раньше летчиков и больше набора не производила. Меня сунули в штурманскую школу. А в армии, как приказал командир, слушаюсь и все. И вот получился я из летчика штурманом. Ну повозмущался маленечко, ну что делать, служба есть служба. Война есть война, надо. Воевать то надо.

Ну, так как у меня уже был опыт летный, а летная школа в Красноярске здесь харьковская стояла штурманская школа, у нее было два штурманских отделения и одно летное отделение. И нужно было перегнать с запада из Москвы, вернее, группу самолетов для пополнения техникой школы, потому что курсантов много, самолетов мало было. И меня назначили в эту группу по перегонке самолетов. Мы благополучно слетали, набрали группу хорошую самолетов, пригнали все из Москвы до единого самолета без единой поломочки а это очень сложно. Потому что летали то как, летали только днем при ясной погоде, чтобы можно было группами лететь без всяких помех и чтобы земля была видна, потому что радиотехнических средств не было никаких. Летали только ведь как, вот в Новосибирске широковещательная станция если работает хорошо, в Омске радиостанция, у них радиус действия был до 1000 км. Они передавали свои радиоволны до 1 тыс км. Поэтому можно было спокойно в Тюмени и самых крупных городах.

И вот когда летишь настраиваешься на предположительно на Свердловск настроился на Свердловск вышел, – настраиваешься на Тюмень, настроился вышел на Тюмень по радио для контроля летишь конечно смотришь на землю. Но во всяком случае когда радиоконтроль есть это же лучше чем ничего. Таким образом мы эту группу перегнали без всяких поломок, без происшествий все благополучно.

И нас тогда отправили еще одну группу перегнать, но уже не для нас, а уже на Дальний восток, потому что это время было, когда уже явно был перевес наших войск на западном фронте. А японцы шевелились все время вокруг границы, там они все никак не могли осмелиться нападать не нападать, потому что там японцы же они хитрые были. Если немцы значит перевес какой-то имели, наши войска отступали, они к границе подтягивали свои дивизии, как только наши шугнут их немцев назад, они оттянут от границы восточнее. Это ж такой хитрый был фронт тогда.

Ну во всяком случаи войска держать надо было. Не оголишь, потому что они тогда быстро придут, начнется катавасия с двух сторон. Ну таким образом там содержали войска.

И вот меня направили собственно говоря туда. Мы туда прилетели, нас распределили по полкам пограничных зон. И потом, когда здесь почти заканчивалось на западе, дали команду слетать по территории не в Японию туда, а здесь вот по территории Маньчжурии и Монголии. Где значит вот японские войска расположились вдоль нашей восточной границы. Слетать, посмотреть и когда значит они попытались немножко проверить обстановочку, японцы, и нанесли небольшой удар группой самолётов по границе значит между Китаем и Монголией. А тогда значит Китай был под оккупацией японцев, а Монголия прикрывалась нашими войсками вдоль границы, и они когда попытались, тогда Жуков дал команду всеми силами ударить так, чтобы разворотить всё у них там, и всё. И когда значит команда такая поступила, как вылетели все, кто только мог носить бомбы, вылетели и как ударили по этой вот границе, где они сосредоточили свои... они не ожидали, что мы можем поднять такую значит шумиху на этой границе и разбомбили у них всё что было на границе. Всё, и японцы ходили назад, ходили назад и стали уходить, уходить, уходить, наши войска спокойно зашли в Монголию. Всё там значит очистили, вот, и собственно говоря на этом вся японская эпопея закончилась. Ну а там они уже когда в районе Владивостока, они значит когда уже здесь их через Монголию стукнули как

следует, начали отходить, отходить, вот собственно говоря на этом вся эта вот военная эпопея и закончилась.

Какие чувства Вы испытывали в боевой обстановке?

А вот представьте себе, какие могут быть чувства, когда ты чувствуешь, что в каждую секунду твоей жизни пуля где-то тебя ждёт. Вот как вы думаете? Какое чувство? Ведь фронт есть фронт. Поэтому ты не знаешь, когда она в тебя стукнет, или она пролетит мимо тебя, и поэтому естественно в боевой обстановке всё время чувствуешь себя как-то неудобно. Ну во всяком случае как-то уже смирились с этим, считали что так и должно быть. Ну и относились к этому вполне как к естественным условиям боевой обстановки, знали что это нужно, нужно для чего, нужно для того чтобы защитить родину, защитить своих же родителей, своих детей, братьев сестёр защитить. Так что, чувство свойственное любому нормальному человеку.

Какими были взаимоотношения солдат и офицеров?

Видите, вот когда... я долго служил в армии. Я майор ВВС, вот, в армии давно служил. И вот когда я был демобилизован, и когда начали поступать вот такие сведения, дедовщина какая-то там, значит насилие старших над младшими и прочее..., для нас это было дико. В наше время такого не было и не могло быть, потому что мы были выходами из одной среды, независимо от того рядовой ты, сержант ты, офицер ты. Естественно чинопочитание было как положено в армии, и взаимоотношения между рядовым, сержантом или офицером были соответствующими, но во всяком случае, вот такого, как что сейчас рассказывают, такого в жизни никогда не было. Были равные, взаимоуважаемые отношения. Поэтому я сейчас просто удивляюсь, как так происходит, что разложение, расслоение произошло в армии. Все были на равных.

Были ли «наркомовские 100 грамм»? Или что-то в этом роде?

Ну было такое, «наркомовские 100 грамм». Их в основном выдавали, эти «наркомовские 100 грамм» на фронте, вот. И в основном конечно их выдавали как, не всегда, не каждый день, чтобы это к обеду были 100 грамм.

А иногда делали так, вот когда назревает военная обстановка серьёзная, что придётся идти в наступление или как, то их несколько дней накапливали, а вот в момент когда сегодня будет выступление, уже давали не сто грамм, а соответственно давали чуть-чуть побольше. Почему? Ну вы сами понимаете, что когда человек немножко разогреется, когда у него чуть-чуть дурь в голове появится, он более смелый, более отчаянный, и он идёт уже на дело более так это, оживлённо. Поэтому конечно было такое дело, что иногда и накапливали перед каким-нибудь действием, активным действием, и вместо 100 конечно бывало и 200, а то и 300. потому что ну кто как: один и 100 грамм ему, он чуть ли не падает, другому и 300 мало было. Так что бывало всякое.

Были ли суеверия, амулеты? И как к этому относились?

Ну может быть кто и носил какой-нибудь крестик. Это было. Потому что бабушки когда отправляли на фронт, естественно знали, что человек идёт на смерть, поэтому вешали крестик. Ну это было не у всех, это были просто отдельные личности, которые эти крестики носили. Хотя никто над этим не смеялся, вот, не препятствовал этому, и относились вполне с пониманием, вот. Ну а так чтобы постоянно и все носили, не было этого

Курьезы какие были?

В Сибири когда я еще был не в летной а учебной школе, когда вот после призыва на фронт сразу не отправляют, а проходишь учебные сборы значит для этого были специальные учебные подразделения.

И вот в этом учебном подразделении когда набирают группу и проходишь обучение, то жизнь была очень спартанская, во-первых топили очень слабо, и в казармах было довольно прохладно.

Теперь значит туалеты были метров наверно сто от казармы. А зимы 1942-1943 гг. были до того злые морозы за 40, словно их кто-то ограничил. И вот для того чтобы сделать это естественное освобождение, приходилось иногда терпеть суток по двое. И терпели до тех пор, чувствуешь что уже не вмоготу, тогда что готовится, так что у него все здесь уже расстегнуто,

вот он руками держит в дверь выскочил, до туалета добежал раз! ооА!! Просто мгновенно в течении несколько секунд все вывалил сразу же штанишки натянул и бегом в казарму.

Но эта еще ерунда это все нормально, а вот по-маленькому, для этого значит особенно ночью выбегали за угол казармы. Ну что за ночь вырастит такая вот куча воды желтой, она уже не вода она уже лед.

Естественно что старшина утором приходит, а старшины были у нас старослужащие-сверхсрочники, они были старше нас в два раза. И командир в первую очередь втык дает: «Что это за безобразие у тебя за углом желтая такая куча. Убрать»!! Но старшина как приходит на работу утром из дому, видит такое дело, дежурного он сразу отчитает как следует. «Убрать»!!!! Ну там берут штрафников и ломом это дело долбят убирают. А на следующую ночь это опять вырастет.

Так вот что он делает старшина, он подводит ток, провод под это райончик. И как только кто то писнет, током оттуда тюк, и сразу опрокидывается. Конечно не убивало, но пугало как следует.

Об этом стали с жалобы. Командиры кричат: Что ты делаешь старшина, разве так можно и убить человека». Во всяком случае, старшина делал такие шутки, чтобы защитить свои владения от посягательства.

Домой писали письма?

Пиши хоть каждый день по 10 штук. Почта очень простая была. Стоит у входа дневальный, у него столик. Все письма складываются на это столик дневального. Сюда вот приходит почтальон, выкладывает на этот же столик почту, которая пришла, забирает эту почту и уходит. И без ограничений, сколько хочешь, столько и пиши.

Были случаи, когда первое время особенно вот эти дневальные или дежурные по роте говорят: «Вот тебе значит письмо пляши». А потом произошло несколько фактов, вот он держит письмо попляши, тот пляшет раскрывает письмо, а там сообщают что твой отец или брат убит на фронте. Это вы представляете под какое письмо танцевал. Потом это дело запретили

и письма конечно выдавали как только приходит кладут он сам берет.

Как встретили конец войны?

Когда я благополучно слетал с Москвы, перегнали самолеты на Дальний восток, меня назначили следующий раз в такую же перегоночную группу. Потому что, там на западе война заканчивалась и потихонечку оттуда из-под Москвы выбирали, перегоняли самолеты на Дальний Восток, знали что воевать с Японией придется. И мы как раз производили перегонку очередной партии самолетов на Дальний Восток. А перед тем как собрать группу самолетов, их техники осматривают полностью проверяют и мы их облетаем. И вот во время одного из таких облетов, заходим на посадку. «Стартовый старт разрешите посадку» – молчит старт. «Разрешите посадку», молчит. Да что такое, смотрим что такое, на аэродроме там все клубком, потом ракеты начались красные, синие, зеленые, в общем все ракеты. Кругом стрельба такая какая то не понятная. Заходим на посадку, садимся подруливаем, только вышли из кабины, все кричат «ура»!!! «Война кончилась». Вот таким образом закончилась для меня война.

В каком звании вы закончили войну? Почему решили связать жизнь с армией?

Я в это время был сержантом. Дело в том что раньше школы выпускали не офицеров летчиков, а сержантами во время войны. Потому что, обучение было девять месяцев, а чтобы получить офицерское звание, надо было иметь стаж два года срочной службы.

Отец у меня кадровый военный. Он в армии служил с самого начала своей карьеры военной. Еще в 20-х годах его призвали в армию и он попал на службу на Дальний Восток. И участвовал он в КВЖД. Там был китайско-советский конфликт. Он был участником этого конфликта. Естественно после этого, когда он уже там отвоевал и, по всей вероятности, он конечно видать неплохо повоевал. Потому что, когда он начал возвращаться обратно со службы, то его «в гражданку» не отпустили, а оставили служить в армии. Он занимался переподготовкой вот этих военных кадров которые,

проводились во время с теми, кто уже отслужил в армии и прожил «в гражданке» более 2-х лет.

Отец был военным и когда пришел мне срок службы, я в армию как ушел и остался до тех пор, пока меня оттуда не уволили на пенсию. Отслужил я в армии 36 лет.

Самая важная награда?

Самая большая в этом отношении награда у меня, это я получил медаль «За боевые заслуги» уже после войны. А получил я ее за что. Когда закончились боевые действия, мы с американцами сразу дружба врозь.

И у нас граница с каждым днем становилась все крепче и крепче. И они уже начали там подтягивать новую технику, начали оборонительные сооружения строить, и причем иногда оборонительные сооружения строили таким образом. Если они строят простую оборонительную линию, разведчики наши, а их везде было много, они все видели, они все слышали, все докладывали. А иногда они строили такие объекты за большим забором, причем ставят забор метром 3 и громадную территорию огораживают и там за этим забором что то капитальное строят. Туда же не пройдешь, не пролезешь.

Поэтому приходилось использовать разведывательную авиацию с тем, чтобы за фотографировать.

И однажды вот так вот нужно было. Получили сведение от наземной разведки, что американцы подтягивают какую-то технику к линии соприкосновения. И за большими заборами что-то монтируют, стучат гремят. И нас послали узнать с воздуха, определить все же, что они за этими заборами делают. Мы раз прошли. По линии фронта кое-что успели захватить. Послали в Москву материалы фотосъемки. Москва поблагодарила нас, но требовалось уточнить то то то...

Надо было повторно слетать, а когда мы пошли то повторно по той же самой линии. Они же не дураки, они хлысь все это дело прикрыли, и все тихо мирно. Мы туда сюда походили все никакой техники нет, вся съемочная

линия замаскирована. А Москва требует уточнить что делать? Тогда мы придумали такой маневр, мы прошли вдоль линии фронта. Все утихло, а потом развернулись под 90 и вглубь ихней территории. Они конечно от нас такой наглости не ожидали, и они сразу все это дело подняли, опять все включили, и начали нас ловить. Истребителей на нас, а мы только успевали снимать это дело.

И мы прошли примерно до половины Германии туда вглубь. До Кёльна почти был виден ночью, огни горели. Мы сфотографировали еще походили.

Вот за это я получил медаль «За боевые заслуги».

Спустя столько лет как Вы к этому относитесь? Как это повлияло на Вашу дальнейшую жизнь?

Видите, тут что можно сказать. Во-первых, я был подготовлен к этой войне настолько, что для меня это было как существенная необходимость. Почему? Потому что отец был военный и он погиб в боях в первые же дни войны. В августе месяце мы уже получили похоронку. Ну представьте моё состояние, и я конечно рвался, и у меня были самые такие, ну как вам тут выразится...отомстить, отомстить за поруганную нашу Родину, за то, что вот мы сиротами все остались, за то что погибло столько людей, за каких-то там гадов фашистов и так далее. Вот, и поэтому конечно я шёл сознательно на это дело и никакого вот такого мандража не было. А именно вот рвался на фронт чтобы бить, бить и бить. Потому что был уже подготовлен морально к этому.

Мое напутственное слово молодым.

Сейчас очень сложно дать какое-то напутствие, потому, что народы мира они уже сами осознали, что это не метод взаимоотношения между народами мира. Нужно мирно, дружно и совсем под другим углом зрения к этому подходить. Что надо эти все вопросы решать без применения силы, тем более что в современной обстановке, когда каждая страна имеет такое вооружение, вы представляете что такое атомная бомба? Вы не представляете что такое атомная бомба. Я, например, видел как она

взрывается. И я скажу, что не дай Бог каждому смотреть на такой взрыв атомной бомбы. А в то время как сейчас весь мир, все страны вооружились вот этим атомным оружием, что достаточно где-то одной бомбочке куда-то упасть, как сразу же начнётся... земля ведь лопнет, она же расколется на куски разлетится. Земля ведь шарик небольшой. Ведь это шарик который можно за сутки облететь. Я как лётчик знаю, что я за сутки могу облететь вокруг земли. Это значит что Земля у нас мизерная по отношению к мировому объёму. Это же такая крохотная-крохотная частица в мировом пространстве, что её уничтожить при современном оружии, это вот плюнул и нет. Поэтому конечно люди и у нас понимают, и там это тоже понимают.

Поэтому сейчас более осознано относятся к этому вопросу и сильно то не машут этим атомным оружием, стараются перевести это дело на мирное урегулирование и мне кажется, что это не только моё мнение, это мнение каждого вполне зрелого человека, осознающего последствия таких безобразий. Так что сейчас вопрос военным конфликтом решить нельзя, нельзя ни в коем случае! Только мирным путём! Вот так я считаю!

УЧАСТНИЦА ТРУДОВОГО ФРОНТА

МАТВЕЕВА АННА ДМИТРИЕВНА

Воспоминания записала Ходос Н.Е студентка V курса
исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Матвеева Анна Дмитриевна, родилась 26 октября 1925 г. Всю жизнь проработала в редакции газета «Иланские Вести», г. Иланский Красноярский край. Анна Дмитриевна всю жизнь проработала в редакции, ее талант заметили еще в 13 лет, когда прочитали ее сочинение, ей сразу предложили работу. Начала она с того, что писала и оформляла стенгазеты, потом писала статьи и свои стихи. Имеет награды: «медаль 50 лет Победы», «Медаль 60 лет Победы», «Медаль 65 лет победы»....А так же Анна Дмитриевна многократно награждена грамотами, благодарственными письмами,

последнее благодарственное письмо было получено от В.В. Жириновского, Анна Дмитриевна, несмотря на свой преклонный возраст, продолжает работать на благо нашего Иланского района (пишет стихи, их неоднократно публиковали в нашей Иланской газете, пишет 10-ю книгу, их публикуют, правда, в небольшом количестве).

Хотелось бы добавить от себя. Когда я ходила к Анне Дмитриевне задавать вопросы, очень понравилось с ней общаться. Я очень много интересного узнала, самое главное, я узнала какой это хороший, светлый, добрый человек, хотя в этой хрупкой бабушке таится столько горести и печали. Мне бы хотелось с вами поделиться и ее талантливыми стихами.

Матвеева Анна Дмитриевна: «Семья наша проживала до Великой Отечественной войны в п. Большая Мурта, Красноярского края. Семья была полная мама, папа и 13 детей: пять братьев и восемь сестер, к сожалению, я не всех помню, на данный момент осталась только я и один брат, который тоже проживает в г. Иланский. Папу звали Басин Дмитрий Николаевич (1891 г. рождения), мама Басина Елена Александровна (1894 г. рождения), брат Басин Николай Дмитриевич (1921 г. рождения), был летчиком, погиб под Сталинградом 1942 г. Басин Семен Дмитриевич (1926 г. рождения), машинист электропоезда, проживает в г. Иланский. Папа мой был ветфельдшер, 3 класса образования, но по своей профессии не работал, мама была не образованна, работала техничкой в столовой.

Земли у нас было примерно 10 га. Скот был: 2 коровы, 2 лошади, куры, гуси.. В семье все трудились от мала до велика, от светла до темна. Наемный труд не применялся, работали всей родней, помогали друг другу. Хозяйство было середняцким. В работе никаких технических средств не было, все делалось своим трудом, даже бороны не имелось в обиходе.

Вступили в колхоз принужденно, представители государства пришли у всех скот забрали, кроме поросят. Даже корм забрали. Некоторые хлеб и корм прятали в лесу, кто успел, а если об этом узнавали чиновники, всех

сразу ссылали на север.

Работали в колхозе на совесть. Народ думал и верил, что вернут весь скот обратно, ведь большего богатства у нас не было. Выходных дней не было. Только в воскресенье отпускали домой на час на два пораньше, чтобы баню растопить. Зарплату давали хлебом, а когда голод настал и хлеб прекратили давать.

Хлебозаготовки шли неправильно. Недовольства были постоянно, но высказывать все боялись. Слово лишнее сказал, сразу ссылали, или увозили и расстреливали. Одна женщина выступила на собрании, что нечем кормить детей и т.п., ночью ее зарезали вместе с детьми. Народ был этим происшествием напуган. Обстановка была накалена до предела. На собраниях могли себе позволить выступить только начальники. Все негативные моменты на собрании замалчивались. Говорилось только о том, что все будет хорошо, обещали людям достаток и т. п.

Пока не было колхозов, в магазинах было изобилие. Когда же они появились, в магазинах не стало соли, сахара. На прилавках появилось то, что нам не нужно «На Боже, что нам не гоже!». Людям приходилось на рассоле от огурцов стряпать лепешки, они получались пышные и вкусные, так же добавлялась трава, отруби.

Воровство было в колхозах, хотя воровством это трудно назвать. Например, в полях убирают капусту, один кочан домой. Детишек порадовать, ведь только из-за голода люди на это шли.

В первый год создания колхоза ничего радостного не было. Трудодни забрали, тиф начался. Радовались только бригадиры, представители. Дома одеть нечего было, все пообносились. Огороды у всех по 10 соток «обрезали». Так же всем обещали по телочке дать, но так и ничего. Радовались только тому, если урожай хороший был, думали и надеялись, что чего-то и нам дадут! Жили и работали только надеждами, что наступит завтра и жизнь нам преподнесет подарок. Может поэтому мы выжили в это тяжелое время, что верили в светлое будущее....!

Питались с огорода. Так же мама стряпала пироги с луком и яйцом, ягодой. Очень любили ее рецепт торта с ягодой, шаньги со сметаной. И многое другое, рецепты очень простые, все домашнее. Дрожжи сами варили, запаривали в бочонок, получался солод, только потом хлеб. Занимало очень много времени, но зато все настоящее без всяких лишних добавок.

В семье занимался каждый своим делом, у каждого были свои обязанности. Попробуй, послушайся. Папа был строгий, но справедливый. Его указания выполняли все и беспрекословно. Мама была сильно верующей, боялась Бога. Жила по заповедям. Поперек мужу ничего не говорила, была послушной.

Свободного времени очень было мало. Но все же успевали и немного отдыхать. Время проводили в клубе, танцевали под гармонь. Гармонистов в поселке хватало. Спиртное, как правило, не распивали, такого не было как сейчас. Если же такое случалось, то только мужчины выпивали самогон, так чтобы девушка не видела и не почуяла. Дома радио не было. Был очень старый патефон с двумя пластинками (танго и цыганские песни). Папа любил читать газеты, он их брал в сельсовете, а потом относил обратно. Мама совсем не умела читать. Она любила шить (применялся холщевый материал, который изготовлялся собственным трудом) и вязать (носки, варежки), потом и на фронт отправляли солдатам. Стирали белье в прорубе и даже зимой.

Папа не любил Сталина. Однако ничего плохо говорить нельзя было о вожде. К Ленину более с уважением относился.

Работали в колхозе всегда на совесть, старались. Оплата труда была мизерная. Недоедали. Техника была: трактора, сеялки. Работали сплоченно, дружно. Помогали друг другу. Письма получали, собирались все селом, если у кого горе похоронка пришла, все плакали, поддерживали друг друга.

К кулакам относились плохо. Папа их не любил, считал их «эксплуататорами». Они жили за чужой счет.

Раскулачивание в нашем поселке шло неправильно, несправедливо и не по закону!! Которые были побогаче, те откупились, кто уехал в г. Красноярск

на дальнейшее проживание. У остальных кулаков забирали все и выгоняли с колхоза. Очень было страшно, хоть и кулаков в поселке не любили, но чувство сострадания к некоторым личностям было. Потому что раскулачивание для всех должно было быть одинаковое, а не так одному меньше досталось, другому больше. Политику раскулачивания и всех остальных считали не правильной и не справедливой. Писать и жаловаться было некуда, письма все уничтожались, не доходили до адресата.

Голод был у нас в 1933 году, в войну. Хлеб настоящий не ели и не видели 8 лет. Питались травой, ягодой.

Время было тяжелое, но все-таки девчонки думали о женихах, замуж хотели. Правда, в таких случаях одевать нечего было. Находился жених, а одеть нечего. В госпиталь ходили, выступали перед солдатами, на балалайке играли, песни пели. Вечерами дружили, на танцы ходили на мыс к солдатам. Вели себя достойно, не преступно. Болели люди, по поселку лихорадка шла.

Праздники отмечали. Новый год елку наряжали тряпочками цветными, со свеклы, брюквы делали соки. Пасху отмечали, что бы никто об этом не знал. Первое мая отмечали.

О Победе узнали по радио, объявили очень громко. Начали все радоваться, прыгать, целовать друг друга, поздравлять. Эти эмоции не передать, столько счастья было. Казалось, ему нет конца. Народ ликовал. Солдат встречали на вокзале, с цветами. Очень шумно было, от радости кружилась голова, все так было задурманено. Все ведь ждали своих родных и близких и вот оно счастье. Конечно очень много семей, которые потеряли своих сыновей, мужей. Но все равно люди радовались, что закончилась война. Теперь начнется новая жизнь и все встанет на свои места.

Закончилась война, парни начали возвращаться с фронтов. Начали строить семьи. Дома строить, гнездышки свои вить. Дома строили по дощечкам, по крупинкам. Но настолько это было приятно делать, что все неприятности рассеивались тут же. Долгих четыре года ждали тихого семейного очага и просто общения. Спать и не бояться, и, наконец-то видеть

хорошие сны, а не эти кошмары, которые донимали каждую ночь. Очень приятное время настало, пусть тяжелое, но не было больше войны, и это самое главное в жизни. Все работать пошли, каждый на свою должность. Так же отменили карточную систему. Все девчата ходили на речку бросали венки, если потонет, значит, в этом году замуж не выйдешь, если поплывет, встретишь свою судьбу. Населения больше стало, веселья прибавилось. Детей начали рожать. Это самое главное».

Стихи Матвеевой А.Д.

ПОБЕДА, ПОБЕДА!

Гордимся Победой, мы победили войну.
Разгромили проклятых фашистов
И мирно храним тишину.
Погибли чудесные люди, защищая нашу страну,
Остались фото на память.....зачем вы ушли?! Почему?!
О Вас мы тоскуем и помним!
Гордится природа, задумчивый лес,
Они вроде смотрят безвольно, и звездочки
Светят с небес....
Войны никогда нам не надо,
Пусть дети спокойно растут. Все оживает весной.
Народы счастливо живут!
Заросли бугорки и тропинки, где кровью пролита земля,
Но сердце о Вас вечно ноет, умершие, с нами всегда!!!!

ПОДРУЖКИ

Березка росла средь крапивы,
Гордилась своею красой,
Крапива в душе восхищалась.
И, сохраняла покой.
Ну, чем же?! Ну, чем же я хуже?!
Ночами страдала она,

Березка узная, утешала,
Не плачь-ты же всем, всем нужна!
Крапиву срывают весною,
Ведь в ней витаминов полно,
А щи - одно объедение,
И скот обожает ее!

Конечно, сердитая, жгучая,
В душе же добра и нежна,
А рядом березка красуется,
Всегда утешала, желала добра!
Вот так и живут две подружки,
Встречают весну и тепло,
Так видно, угодно природе,
Что вместе им жить суждено.

Березке ведь тоже не сладко,
Ломают ее и пьют сок,
Любите, что дано, что нужно,
И жизни продлится их срок.

СИВОГЛАЗОВ СЕРАФИМ СЕМЕНОВИЧ

Воспоминания записал Сивоглазов Александр Сергеевич
студент 3 курса исторического факультета
КГПУ им. В.П. Астафьева

Я, Сивоглазов Серафим Семенович, 1922 года рождения. На начало войны семья проживала в Рязанской области, но после эвакуации в 1941 году когда наши войска отступали мы перебрались в Красноярск. Наша семья состояла из 3-х человек: меня, моего отца и матери. На тот момент я заканчивал учиться, когда начиналась война, а мои родители работали на заводе, который сейчас называется «Красмаш» у них было тоже среднее образование.

Семья у нас была дружная. Обязанности у нас разделялись свободно, потому что мои родители и я делали все, что мы друг друга просили. До войны у нас был участок земли в 2-3 гектара это было поле, на котором мы сажали пшеницу и картошку, на нашем участке можно сказать, что я рос, у нас было маленькое хозяйство в основном были куры, была у нас лошадь тягловая благодаря которой мы обрабатывали землю, наш участок мы обходили плугом, но когда началась война наше хозяйство быстро свернулось. Во время войны себе еду оставляли только на пропитание, все излишки отправлялись на фронт. Я и мои одноклассники тесно общались, когда началась война, мы часто виделись спрашивали у друг друга как дела, но потом эти связи утратились, так как кто ушел на фронт кого эвакуировали в другое место. Сейчас наверное уже никого не осталось...

Осенью 1941 года началась эвакуация завода и нашу семью вместе с заводом, как военно-обязанных посадили в вагон и принудительно отправили вместе с заводом в Красноярск. Когда началась война мы особо не боялись сказывалась военная выучка моих родителей, так как они работали на военизированном заводе. Когда только началась война, тогда шел я по улице и встретил лейтинанта, который мне говорит —« Что ты здесь гуляешь ты в военкомате уже должен быть на фронт идти!» Он отвел меня в военкомат я там посидел часа 2 подходит ко мне военком и говорит : «Молодой ты еще... В самый раз тебя заберут» и отправил меня в летную школу, но там я не прошел по слуху поэтому военком мне сказал: «Лучше сходи на завод устройся, поработай, позже оттуда тебя и на фронт заберут». Он меня и устроил на завод, так я там и оказался.

Всю войну мы производили на фронт пушки: артиллерийские и зенитные, и снаряды. Вкалывали мы там по 12 часов в несколько смен: с 8 утра до 8 вечера - первая смена, а с 8 вечера по 8 утра – вторая смена. Были и тяжелые моменты, но они не были таким уж тяжелыми из-за дружного нашего коллектива мы все время помогали друг другу. Воровства на заводе у нас не было, да и воровать было нечего пушку или снаряд, куда ты его

денешь вот и никто не воровал.

Были у нас и развлечения: слушали радио, читали газеты, а когда приехали в Красноярск читали «Красноярский рабочий», из газет мы узнавали сводки с фронтов, там же узнал о том что много моих друзей ушедших на фронт умирали, то их полк попал в окружение, то на них пришелся основной удар немцев. Иногда нам выпадал выходной мы ходили в кино и смотрели фильмы с патриотическим настроем, из нас делали патриотов и мы старались, мы делали все что могли. О Сталине нам говорили, только хорошее, нам говорили о приказе Сталина всячески помогать фронту всем чем можем и даже сверх того. Поэтому у нас даже была цель каждого прожитого на заводе дня: «Проживешь день и ладно, но помощь фронту окажем!». Тяжело было тяжело, но было надо и мы тянули и делали даже через немогу, потому, что так надо. За всю войну наш завод получил множество благодарственных писем, которые нам зачитывали во время работы. Праздники мы встречали скидываясь своим цехом, посидим чуть больше часа, поздравим друг друга и обратно к станкам за работу.

Я до сих пор помню момент того как нам объявили по радио о том что мы победили. На заводе был один большой митинг, мы радовались этому и объявлял по радио голос Левитана – я никогда не забуду этот момент. А на заводе мы продолжали производить пушки и снаряды. Присылали нам комплекты, для проверки из Средней Азии. У нас постоянное было время.

ВАЛЕНТИНА КАЛИНОВНА КИРИЛЬЧИК (ЦИРКУНОВА, ВETERАН ТРУДА

Воспоминания записал Кирильчик Денис
студент 3 курса исторического факультета
КГПУ им. В.П. Астафьева

Родилась я 29 августа 1936 г. в деревне Лобачёвка Иланского района Красноярского края. В 1941 г., перед войной, в нашей семье было 11 человек.

Отец, Калина Васильевич Циркунов родился в 1904 г., работал в колхозе, занимался пчеловодством. Мать, Вера Лукьяновна 1908 года рождения также работала в колхозе.

В нашей семье было семь детей, 3 сына и 4 дочери. Старшая, Татьяна, родилась в 1927 г., на момент начала войны ей было 14 лет. Младшей, Наталье, перед июнем 1941 г. был один год.

Кроме того, с нами жила моя бабушка Алена (отчество не вспомню) по линии отца. Да, ещё был дед, Василий, или Василь, как его иногда называли. Дед умер, когда я была совсем маленькая, не помню его. Бабушка пережила его на несколько лет.

Когда началась война, мне было только 5 лет. И из всего я помню только один момент. Это когда вот на фронт забирали отца, мы фотографировались всей семьёй, фотограф тогда приезжал специально. Вот этот момент я запомнила, а как провожали, как что, ничего уж не помню.

Не помню, как и начиналась для нас эта война. Разве что, мужиков забирать стали комиссары, быстро тогда разнеслось... Всех мужиков забрали, а никто и не вернулся...

Вот ушёл он на фронт, в первые же дни призвали. А в сорок втором, в январе, мы получили похоронку. Извещение пришло, что красноармеец Циркунов Калина Васильевич пропал без вести 23 января 1942 г. Позднее, когда стали копать по его следам, выяснили, что выбыл он в Чудовском районе Ленинградской области.

Значит, потеряли мы отца, а на маму легла вся тяжесть. Она одна осталась, легко ли нас, ораву детей прокормить? Когда узнали, что отца уже нет, слёз было пролито... Бывало, мама обхватит голову руками и на всю избу рыдает...

Маме выдавали по 7 рублей – по рублю на каждого ребёнка! А что тогда 7 рублей – пачка мыла.

Скот, конечно, держали... Корову. Всё, что нужно было фронту – отправляли, 9 кг масла надо за год сдать. А что детям оставалось – отход от

молочных продуктов, обрат. Яйца надо было сдать, шерсть сдавали. Шкуру со свиньи палить не разрешали – обдирай и всё сдавай. В общем большие сборы были. Всё-всё для фронта было, для победы...

А что нам доставалось? Бегали на поле, собирали колоски – осенью когда убирали хлеб, какие-то колоски оставались, зиму перезимовали, а мы весной бегали, собирали. С этого мама что-нибудь нам пыталась и сделать. Гнилую картошку даже собирали. Мама иногда с колхоза старалась урвать для нас лишнюю кроху хлеба, горсть крупы – носила в кармане, да и то очень опасно было это – не то, что штраф, а и судили даже за это.

Картошкой засаживали всё, насколько хватало семян. Утром мама будила нас, мы по утрянке копали, потом завтракали и в школу, а как возвращались – снова копать. Те кто постарше – в колхозе свиней пасли, гребли сено.

Когда пахать надо было – женщины, две-три соседки, пахали на себе, пока мужья и братья воевали. Запрягаются в плуг как лошади, одна за плугом идёт, а две тянут. Сегодня одной вспашут, завтра другой и так по очереди.

Одежду донашивали старую. Что до школы, так она работала стабильно, четыре класса я там проучилась, потом, уже после войны, училась в другой школе, в посёлке Южно-Александровке – там закончила уже восемь классов.

После войны, конечно, тоже тяжело было. В конце сороковых, помню, к нам сослали литовцев. Не знаю, за что, видимо, с репрессиями Сталина как-то связано. Прибыли они, не имея куска хлеба, зато много вещей. Они у нас выменивали свои вещи, а мы им пищу давали, хотя и у самих не очень-то много было. Литовцы недолго были, лет пять, потом они все уехали, видимо, к себе в Литву, может ссылка просто закончилась.

Во время войны к нам ещё немцев из Поволжья ссылали. Много их было и от нас не сильно они отличались, да и отношения у нас к ним было, как своим. Никто и намёка не делал, на то, что война-то именно с немцами. Всех приютили.

После войны уже налаживали мирную жизнь, братья и сестры мои все

повзрослели. В 1956 г. я и сама уже стала матерью.

А что касается Дня Победы – помню, но как-то не был этот праздник особо радостным. Никто из ушедших на фронт не вернулся в деревню. Вот вам праздник со слезами на глазах.

Война, конечно же, оказала воздействие на будущую жизнь. Вся Россия, весь мир поняли, что лучше жить в мире. А от войн только лишь беды.

КОВАЛЕВА АГРИППИНА ПЕТРОВНА. УЧАСТНИЦА ТРУДОВОГО ФРОНТА

Интервью провели Кора Кристина, Лобес Денис
студенты исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Интервью Ковалёвой Агриппины Петровны (10.10.1927 года рождения, д. Сенное Абанаского района Красноярского края пенсионер.

Где проживала Ваша семья?

В годы войны жили в д. Сенное Абанского района Красноярского края.

Какая была семья (состав семьи, образование, занятия членов семьи)?

Для тех годов, у нас была средняя семья. Нас было 9 человек. Отец - Ковалёв Пётр Герасимович; мать - Лактысёва Авсиния Сергеевна; три брата - Юрий, Иван, Борис и 4 сестры - Марфа, Ефросиния, Агаша, Агрипина (это я). А так же два брата и сестра умерли в младенчестве. Образования у родителей не было никакого - «Какое там образование, коров доить» (шутит). Из всех членов семьи только я закончила 4 класса.

Сколько было земли в хозяйстве?

У нас было 40 соток.

Сколько имели скота (лошадей, коров ,овец и т.д.)?

Хозяйство было не большим по тем меркам: 2 коровы, телёнок, овцы, свиньи, птица (куры, гуси).

А лошади были?

Нет, в нашей деревне всего 12 лошадей было в собственности.

Какие технические средства применялись в хозяйстве?

Техники не было, все сами.

Как распоряжались продуктами хозяйства?

Всем в доме распоряжался отец.

Как распределялись трудовые обязанности в семье?

Мальчики с отцом по хозяйству работали, а мы с сёстрами матери по дому помогали. На поле все работали, без исключения.

Применялись ли в хозяйстве наёмный труд?

Нет, наёмный труд в нашей деревне не применялся.

Каким было Ваше до колхозное хозяйство: бедняцким, среднядским, кулацким?

Наше доколхозное хозяйство было бедняцким.

Почему вы вступили в колхоз? Как это происходило?

Родители были в колхозе и нас туда же. Это семейное.

Как жили и работали в колхозе?

Летом колхозное хозяйство пололи (хлеб жали руками, собирали его, обрабатывали картофельные поля). Начинали работы с конца апреля т.е. приводили всё в порядок и заканчивали где-то в октябре.

Были ли случаи недовольства крестьян хлебозаготовками? Какие?

Были недовольства, когда не урожайные сезоны были.

Как работали магазины «кооперация»?

Вблизи 15 км [от нашей деревни] магазинов не было.

Были ли случаи воровства продуктов, зерна из колхозных амбаров, у соседей?

Нет, что вы воровства замечено не было.

Как жили в семье, чем питались?

Жили дружно. Питались тем, что в хозяйстве имели.

Чем занимались в свободное время: читали газеты, слушали радио,

ходили в клуб, и т.п.

Некогда было, а когда находилась свободная минутка общались со сверстниками. Книг почти не было. А радио постоянно слушали. (Особенно в годы войны).

Что знали о Ленине, Сталине?

Лично я о них знала только из уст Ивана Николаевича (местный историк, очень умный человек был). Знала, что они строгими вождями были!

Как в вашей семье относились к кулакам?

В нашей деревне их не было. А вот в соседней были. Некоторые с завистью относились, а некоторые как к ворам.

Как проходило раскулачивание?

В соседнем селении раскулачивание проходило следующим образом; Приходили толпой и забирали все. Были огромные налоги (с курицы - 75 яиц; с коровы-12 кг. масла; с овцы 1.5 кг шерсти)

Был ли голод в вашей семье?

Был ещё какой! Были страшные голодные года. Плуг на себе таскали, не хватало лошадей, неурожай.

Ваше воспоминания о колхозной жизни в годы войны? Как работали? Оплата труда? Условия труда? Как получали письма, вести с фронта? Похоронки?

Во время войны день и ночь работали не покладая рук. Вообще не оплачивали. Ненормированный рабочий день, никаких условий. Техники вообще не было в нашем колхозе все сами вручную и с помощью лошадей (которых не хватало). Был бедный колхоз, одним словом. Взаимоотношения у нас были тёплыми. Мирно жили! Ну а как иначе, деревня маленькая, все знакомы. На работу и с работы ходили с песнями, несмотря ни на что.

Письма получали, но чаще приходили похоронки. В нашей семье тоже к сожалению пришло 2 похоронки одна в начале 44, а другая в конце 44. Юрий и Иван погибли. Известно, что Иван на передовой под Курской дугой погиб а Юрий где-то на Востоке. А так же, уже после войны в 1948 году пришло

письмо от третьего брата, который считался погибшим. Борис с фронта вернулся живым только с осколком в лёгких. Он был парашютистом, писал, что 49 раз прыгнул с парашютом за войну. Так же писал, что завёл семью в г. Александре Кировской области. Ему там через год сделали операцию, удалили 1/4 часть лёгких.

Как узнали о победе? Как праздновали день Победы? Как встречали демобилизованных солдат?

О победе узнали по радио. Радовались всей деревней, даже плакали от радости. А некоторые плакали из-за того, что не вернулись их дети, мужья, деды с войны. Накрыли стол, пели песни всей деревней и не верили, что Победа!

Как сложилась дальнейшая послевоенная жизнь? 1940-е, 1950-е, 1960-е и последующие годы. Чем больше всего они запомнились?

Вышла замуж, родила детей. Переехали всей семьей в Абан из-за того, что сгорел дом и потеряли почти все. А в Абане жили родственники, вот и начали все сначала. Занималась хозяйством, воспитывала детей. В 1978 году переехала в Канск.

ИНТЕРВЬЮ БЛОКАДНИЦЫ ЛИЗУН ЕВГЕНИИ АДОЛЬФОВНЫ

Интервью провели Бауэр Александр Петрович, Тамошенко Евгений Алексеевич
студенты 3 курса исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Где родились? Когда? Воспоминания о детстве.

Родилась я 11 июня 1925 года, в этом году мне будет 86 лет, мало совсем, молоденькая. Родилась вот в Ленинграде, в семье служащего, отец у меня был директором Болховского алюминиевого завода, мама пока не работала. Я училась в школе, всё было хорошо до 1937 года. В 1937 году арестовали отца, расстреляли. В 1938 году арестовывают мать. Садят её в Кресты. Из Крестов её высылают в Акмолинские лагеря. Из Акмолинских лагерей высылают сюда, в Красноярский край на поселение на 8 лет, в

Казачинск. Я остаюсь с бабушкой.

Когда маму арестовали, я уже должна была идти в 8 класс. В 8 классе приходит учительница и говорит что Женю надо убрать со школы, - дочь врага народа никак не может находиться, пускай она идёт в спортивный техникум. Я очень любила спорт, занималась волейболом, гимнастикой. Пускай она идёт значит в спортивный техникум. А меня такое зло взяло, нет, я решила иди в оптико - механический техникум. Взяла документы пошла сдавать, всё. Меня не допускают. В анкете-то я написала родители арестованы, там даже карандашом подчёркнуто. Шла с этого техникума потеряла все документы, ну там какие документы: у меня свидетельство о рождении да документ об образовании из школы. Но все эти документы утром лежали в ящике, кто-то положил, всё это нашёл, там же адрес есть.

Ну вот остались мы с бабушкой, надо что-то делать, как-то жить. Куда устроиться на работу? Меня не берут, я ещё маленькая, возраст не позволяет. Но кое-как до 15 лет бабушка меня всё-таки дотянула. Мы с ней мыли лестницы, она уборщицей работала, мыла 4 лестницы: 2 значит парадные, 2 чёрные. Я вот помогала ей таскать воду, и мыла. Потом всё, с 15 лет пошла устраиваться по знакомству на работу. А куда? Никто не принимает, ещё 15 лет. Пройти надо обязательно комиссию. Прошла комиссию, а я была здоровая такая, высокая. Меня приняли на работу в ломбард конторщицей. Я стала там работать, а в 1941 году началась война. Мне 16 лет исполнилось. Я побежала сразу с девчонками в военкомат, чтобы нас взяли санитарками на фронт. Нас конечно на фронт не взяли, говорят хватит и здесь работы. И действительно работы хватило. И белили чердаки против зажигательных бомб, и насыпали мешки песком, для того чтобы сохранить витрины. Где остались не убраны памятники, эти памятники обкладывали. Где зоологический сад, по улице Горького копали траншеи, по всему проспекту копали траншеи.

Город был как фронт. По улицам тащили эти вот стратостаты. Город превращался потихоньку, потихоньку во фронт. Начались бомбёжки. Сразу

же дали карточки. Продукты в магазине сразу все смели, нет продуктов. Ну и в первую очередь немцы бомбили Бабаевские склады, где находились продукты, и очень много сбрасывали на госпиталя. Госпиталя были вообще расположены в школах, видимо не хватало в больнице мест.

Тут не стало света, не стало тепла, не стало воды, за водой надо ходить на Неву. Дров нет, топить нечем. Пошли с бабушкой, поменяли какие-то вещи отца и матери на базаре и купили буржуйку. И вот этой буржуйкой мы отапливались. Сначала с кухни столы, которые старенькие, рубили. Потом начали журналы, книги которые такие были, не нужные топить. Вот так и жили. И вот настал сентябрь месяц. То что голод, холод, нет воды, ещё 125 грамм хлеба. А хлеб-то какой, 40 % только было муки, а остальное там мякина, или же опилки. Этот хлеб мы резали бритвочкой, чтобы не одна капелька не пропала. Вот так и жили.

В декабре месяце иду с работы, да, пошла на работу утром рано, и что я вижу: женщина примёрзла животом голым на асфальте, был мороз страшный. Руками она видимо хотела подняться, руки прямо в снегу, и от груди вылезает маленький ребёнок, грудной. Они все замёрзли! Ребёнок как кричал, так и замёрз. Это как статуя какая-то. Меня так поразило, страшно было! А потом уже мы привыкли. Там лежи человек, ну утром начнёшь открывать дверь - дверь не открывается. Шёл человек за хлебом или куда, упал - двигаться не может.

В декабре месяце умирает бабушка. Я остаюсь одна. Мне приходится выкарабкиваться, как могу. А соседка проситься, пусти меня к себе. Тебе будет, мол легче, а у меня маленькая комнатуха. И я её к себе пустила. А я пришла на работу, за хлебом очереди большие стояли. И мне кассир моя, с которой я работала, говорит, хочешь я тебя познакомлю с буфетчицей, она тебе без очереди будет хлеб давать. Она меня познакомила. Что делала буфетчица: например первое число и одиннадцатое вырезает, второе и двенадцатое. И так она мне навыврезала на дней 6 вперёд. А это было дело такое - трибунал сразу же. Нельзя было этого делать. И вдруг я прихожу, а её

нет. Её арестовали. А у меня хлеба 6 дней нет. Вообще ничего, 125 грамм нет. Что делать? Куда бежать? Как быть? Вот уж я пришла соль, накипятила самовар соль с водой. Утром встаю, вся опухла от этого.

Ну вот эта женщина, которая ко мне перешла, на военном заводе работала. У них 250 граммов хлеба было. Ну теперь что делать, надо как-то выходить из положения. А отец ездил раньше во Францию и он привёз оттуда красивый чемодан, несессер. И у нас соседка жила, она увидела этот чемодан, и всё его просила. А мне было его жалко отдавать. Я поехала и сменяла его на пол головы конской и метина килограмм. Я была так довольна. И когда я пришла домой, эта Татьяна пришла как раз с работы. Не воды, хотела суп сварить. Я говорю пойду за водой. Пока я ходила за водой, она срезала с головы лошади, со щеки, губу, всё срезала. Говорит, нам сегодня давали гуляш на работе. А я смотрю голову, говорю Таня, какой же гуляш, ты же у меня всё срезала. И мы с ней разодрались вот до чего дошло. И я её выгнала. Вот так и начала жить.

И вот уже в апреле месяце, а у нас была 9 человек семья, из 9 человек трое осталось. Это я, мне 16 лет, братишка двоюродный 12 лет, и маленькая сестрёночка 2 годика. Я прихожу, написано на клеёнке, Женечка приходи, мама умерла. Прихожу, действительно там скелет обтянутый кожей. У меня у самой уже дистрофия 3-ей степени была. Я говорю ну что Гошенька будем делать? Я говорю, знаешь что, давай не будем сдавать, а о если сдадим, значит карточку надо сдать! Пускай она у нас лежит. Заворачиваем её в одеяло, она у нас на полу лежит, и мы же здесь живём. А девочка, его сестрёнка ходит в круглосуточные ясли напротив. Ну что же, она пролежала у нас до конца месяца, нужно же всё-таки сдавать уже, труп есть труп. Поехали в морг. Они жили на 8 линии, а морг на 9 линии, не далеко от нас был. Там старая конюшня была. И вот мы на саночках туда её привезли, уже апрель, снег таял. Но сугробы же ужасные были.

И когда привезли, то покойники лежали как дрова сложены. В конце смотрю, горит маленький костёр и сидят 2 мужчины. Ну я подошла, говорю

дяденька, примите, а уже голоса нет, сил нет в голосе. Примите у нас труп. Давай карточку! Да мы потеряли карточку. Не можем принять, сами улыбаются. Ну я выхожу, Гошенька, что будем делать? А мы смотрим, там снег, в нём вытаивает человек, здесь вытаивает человек. Я говорю, знаешь что, давай оставим здесь, и убежим. Мы бежать не можем, у меня цинга, я не могу ноги переставлять. Да никто за нами и не собирался бежать.

Вот пришли мы домой, сидим, ну что, надо эвакуироваться! Уже сил никаких больше нет! И вот стали эвакуироваться и документы пошла в района мне же надо его оформить на себя чтобы эвакуационное удостоверение, потому что как я могу его так взять. Когда пришла туда в района, мне та женщина которая оформляет говорит: «Вот видите вы берете брата своего а у нас каждый день матери подбрасывают своих детей, потому что надо кормить как то». Она мне оформила, выходим и сидит ребенок и она говорит: «Вот пожалуйста смотрите». Ну девочку Надечку сестренку мы когда уже все документы собрали чтобы ехать я собрала вещи которые нужны, на каждом чемодане на каждой вещи нужно было пришить куда еду какой номер документа, фамилия, имя, отчество все. Ну это все я сделала, собрались. А нести то я не могу ничего что не возьму я падаю. Что делать?! А там у нас жила женщина, она где то в госпитали работала. Она нам как то за картину то принесет какао то еще что такое.

Ну я пришла знаете, что такое вот вам ключи от квартиры берите что хотите только увезите нас на вокзал. Вот она нас увезла. И мы начали эвакуацию. Нам сразу дали помню чашку пшенной каши и сардельку и по булке хлеба на каждого. Так мы все ночь с ним не спали по не съели все это. Это было бесконечное, думали никогда не наедемся.

Ну вот так стали эвакуироваться. Когда сели уже, нас везли через Ладожское озеро, на военных катерах и в это время до половины доехали и вдруг на бреющем полете летит мессершмидт и начал в нас стрелять. Командир кричит: «Ложись, ложись!!!» ну мы же тут легли кто куда. Никто не пострадал, быстро как то наш ястребок прилетел и мессершмидт ушел.

Мы доехали все благополучно. А вещи отдельно на баржах грузятся. Потом мы эти вещи все нашли и нас посадили в вагоны и поехали. А в Казани я потеряла сознание, потому что у меня была дистрофия 3 степени и плюс цинга. И уже утром когда я очнулась брат плачет. Оказывается он перепутал фамилии он сказал свою фамилию, а у нас ведь с ним разные фамилии. А с такой фамилией женщина как раз умерла. Ему потом все таки сказали. И мы целый месяц пролежали в этой больнице.

За нами так ухаживали, посмотрела какие же все таки добрые люди в Казани там! Что у них было какие там булочки, какой то картошечки какая то редисочка огурчик, утром встаешь или когда днем они уже на стол тебе все положат. И вот так целый месяц они нас кормили. И усиленное питание еще нам врач прописал.

Вот уже потом с братом добрались сюда в Красноярск. Ехали очень долго чуть ли не месяц, потому что по неделям стояли на запасных путях пропускали составы идущие на фронт. Нам зато санобработку там делали, потому что все были обобшивлены вот шерстяная кофточка а она вся в гнидах, все во вшах. Это видимо от голода все.

И вот приехали когда мы с братом в Красноярск, здесь еще старый вокзал и мы на вокзале с ним встали, до Казаченска надо добираться, мама в Казаченске, мы же к ней туда. Я пошла на станцию, мне сказали где можно позвонить. Позвонила на работу, она работала в леспромколхозе секретарем-машинисткой. Я звоню, что мама мы приехали но как нам добраться. Она говорит что я к вам ехать не могу за вами она же на учете была. Ждите за вами приедут. Где вы там? Мы на вокзале живем.

А как мы жили. Кормили нас в столовой, а ели значит по удостоверению эвакуационному и дали мне направление на жилье. Утром значит идем по этому, а вечером они уже знают что нас и так кормят галушки. А спали мы с ним в буфете, он не работал и прислонен, там где нельзя и вот мы заберемся с ним туда и спим. И вот один раз милиционер увидел стучит нам выходи!!! Ну мы вышли, брать документы все говорит, ребята больше туда не

ложитесь, спите здесь.

И через три дня как раз приехал начальник МВД, он по своим делам ездил сюда в Красноярск мама его попросила. И он как раз звонит будет теска вставай. Оказывается тоже Иванов тоже Георгий этот начальник. И в это время как раз приехал, я сдавала все в Новосибирске, прислали багаж . Так они нас увезли в Казаченск к маме. Вот там брата в школу оформили. Сама пошла работать.

А куда работать? Ну меня устроили воспитательницей детского сада. А ни какого образования ничего не знаю но я так стремилась, детишек любила и сейчас люблю, стала в района брать всякие журналы дошкольные, потом приглядывалась к воспитателям к их как они там с детьми и вы знаете так дошла до старшей группы. И вот со старшими ребятами уже и колоски собирали и я участвовала в олимпиадах, самодеятельности, и ребятишек этих приучила, они у меня выступали там. А потом в Енисейск переехали, там я опять работала в детском саде, и уже в детском доме. И в детском доме я работала в младшей группе. И вдруг меня вызывает директор детского дома Фаина Савельевна. Вот знаете Евгения Адольфовна, это первый раз в моей жизни ребята старшие просят, мальчишки, чтобы вы были у них воспитателем.

Я говорю Фаина Савельевна, там ребята в 8 классе учатся надо уроки проверять я же не знаю как мне будет стыдно. Перехитри!! Значит запиши номер задачи приходи сюда к нам в учительскую мы решим все сделаем. Господи как я боялась!! Ну ничего я почти так и проработала 10 лет воспитателем. И в 1951 г. приехала сюда всей семьей. Брат закончил в Енисейске учительский институт. А его сестренку он нашел. Его отослали на повышение в Москву и там он встретил министра просвещения и его попросил, знаете мы когда эвакуировались оставили сестру не могли бы вы мне помочь. И он ведь когда приехал сюда, говорит Женя навряд ли, наврал он мне. И вдруг приходит большой конверт с печатями, что ваша сестра находится в Ярославском детдоме. Он поехал сразу, она не поехала. Она

испугалась просто не знает что за мужчина.

А потом так получилось маму реабилитировали предложили в Ленинграде или на Волхове квартиру. В Ленинграде значит коммунальную а на Волхове отдельную квартиру. Я наверное на Волхово поеду потому что от города я уже отвыкла и там будет мне спокойно одной жить. Ну и нас приглашала, а мы нет нет не поеду, из Сибири никогда, у меня здесь друзья, никуда я не поеду. А брат уже работал в Ирбее, у него уже семья и двое детей. Я тогда ему говорю: «Гоша поезжай ты!» И он поехал. И вот на Волхове он умер. Рак желудка у него был. А сестра не списалась и приехала в Енисейск. И сейчас она живет в Енисейске у нее трое детей, десять внуков и один правнук.

Какое отношение было первое время к блокадникам на новом месте?

Очень хорошо встретили на новом месте. Когда в Казаченск мы приехали что нам только не носили. Охотники приносили нам медвежье сало, приносили нам уток, стерлядку, женщины приносили ведрами картошку, кто молочка кто что. Знаете очень хорошо относились. Вот там идешь все же друг друга знают, деревня, ну как ты там, как там у тебя, как братишка, как все. Я научилась там и на лошадях ездить, и вязать снопы, вот говорят быстро научилась, и копать картошку, и колоски собирали.

Колхозница одна попросила нас с братом напилить ей дров. У нее пять человек ребятишек. А мы то никогда в руках не держали пилы, а плот громадный кубаметров 20 не меньше. И начали пилить, лиственница и где комель ни туда ни сюда протащить. Сидим плачем. Я уже материться научилась. Потом спасибо едет мужик какой то. Эх вы пилильщики!!! Вот сделал нам значит туда запил и чтобы мы подкатывали, показал нам как нужно! Все мы эти все дрова, брат сделал две такие шпильки и сами перекатили все к ней. И заработали за это бычка. И назвали его «Труд».

И хозяйка нам еще целый месяц давала молоко по литру. Мы это молоко сами выпивали. И вот вырастили такого быка брат научил его возить воду. И увидел у нас этого бычка председатель колхоза. Ну и маме говорит зачем вам

этот бычок я дам вам телочку. А вы нам бычка отдайте потому что и производитель нам нужен и бычок хороший очень. Мы его отдали а нам отдали телку. «Голубкой» мы ее назвали. Вся в свищах, кормить начну, она бежит на Енисей, она видимо привыкла так. И вот так научилась доить. Научилась сельскому хозяйству.

Потом призвали меня на подготовку в армию. Учили как собирать как разбирать ружье. И комиссия все в Японию.

И тут прибегают мама, а меня уже записывают в списки. Вы кого берете, вы берете дочку врага народа, вы почему вы видели в каком состоянии она приехала что кости и кожа. И вы хотите ее взять в армию. Мама тут за меня заступилась и начальник говорит, оставьте ее.

Как встретили окончание войны?

Тут у кого что есть в то время. Это была радость. Мы были в Казаченске. Село большое но все равно вместе праздновали. Я же участвовала все время в самодеятельности и там собирались мы и праздновали. Ездили по всем районам с культ бригадой.

Как жили когда закончилась война?

Образование я никакого не получила. Так не смогла. Хотела с братом когда он заканчивал 10 класс, давай вместе там в Енисейске закончим горный техникум. Ну я пошла сдавать алгебру, сдала, все сдала - на геометрии засыпалась. Потом пошла пересдавать и опять засыпалась.

И уже мне так было стыдно. Ну и ребята, я все же в школе и больше не пошла. Приехала сюда 1951 году и уже переквалифицировалась и стала бухгалтером. И 17 лет проработала бухгалтером, уже главным бухгалтером наматала базу, но не стала работать.

В Казачинск только с братом приехали?

Только с братом приехала. Вот мы с одной девочкой ехали, она так же с братом но они ехали на Дальний Восток. И мы здесь расстались, а так мы все дорогу ехали вместе. Все очень дружно были. Вот в вагонах мы ехали «500 веселые поезда», то товарные. Хлеб нам дадут, все режим сами, там вот

сколько нас там семей и разрезали аккуратненько, делили. Очень дружно все было. Никаких не было скандалов. Когда кончилась война, захотелось домой обратно. Маме нельзя было ей только на 101 километр. А у меня главное дело паспорт кончается ленинградский, ну ничего тут приехала замуж вышла.

Вы были после войны в Ленинграде?

Да была. Я не могла зайти в старую квартиру. Бабушка работала у меня в Варсе кинотеатре последнее время. А муж у меня учился там в институте на повышении квалификации. Как раз жил на той улице, где я жила. И я приехала в тот момент, когда он там учился летом. Я говорю пойдём-ка, сходим где я жила. Дошла до квартиры не могу, меня душат слезы. В кинотеатр пришли, музыка зазвучала, я тоже не могу плачу. Муж говорит, давай давай пошли отсюда. Такое переживание очень тяжело. Потом реабилитировали отца и маму. А что толку то!. Жизнь то вся испорчена.

Как шло переосмысление тех событий?

Остались воспоминания на всю жизнь. Это тяжелые были годы. Но было такое время, это жизнь ничего изменить нельзя. Так прожили ничего не сделаешь. Я не обижаюсь ни на что.

Ваши пожелания?

Самое главное чтобы никогда не было войны!!! Чтобы не было вот такого напряжения как у нас, у молодежи. Чтобы были дружнее. Вот сейчас вот эта страшная пьянка, наркомания вот эта, нежелательно, чтоб молодежь наша употребляла. Чтоб больше патриотизма было у нашей молодежи. Чтобы лббили Родину!!!! Вот любовь к Родине - это уже символ, это нужно молодежи, это каждому человеку живущему на родине нужно любить свою страну. Сейчас молодежи трудно выучиться и не знаешь где работать, как устроиться очень трудно. Перемена власти что сделаешь, надо приспособливаться.

РОГОВЦЕВА (СОСНОВСКАЯ) МАТРЕНА ВЛАДИМИРОВНА

Беседу провели Кондакова Анна Вячеславовна,
Шпарлова Марина Валерьевна, Костина Дарья Николаевна
студентки 3 курса исторического факультета
КГПУ им. В.П. Астафьева

Роговцева Матрена Владимировна: «Родилась я 19 ноября 1923 года в деревне Мокруши Канского района Красноярского края».

Что помните о своей семье?

Семья не богатая была, но и не бедная. Отец мой держал большое хозяйство. Маму взял в жёны, она у них была работницей в доме. Поженились и отец его сразу их выгнал, они рядом построили дом. Были дети: пятеро умерло, четверо нас осталось - три брата и я. Отец умер 1925 г. Потом к нам пришёл отчим, он нас и воспитывал.

Я пошла в школу поздно учиться, школы не было. Была в соседней деревне, за речкой. Но её сломали, и учиться стало не где. Потом выстроили хорошую школу из бруса, 7-летку сделали.

Можете ли вы вспомнить в какие игры вы в детстве играли?

В «жигало» играли, это когда мячик в лунку бросали. Мячик из коровьей шерсти делали. И в лунку мячик бросали.

Песни пели. Вставали друг на против друга и напевали друг другу, кто кого. В «городки» играли на праздники за деревней

Что помните о кулачестве?

Когда началось кулачество, два моих брата уехали, иначе их бы посадили в тюрьму. Тогда всех брали и всех за что ни за что сажали. Ваня на Сахалин завербовался к друзьям, а Вася поехал в Иркутск, там и жил.

Суматоха началась, кулачили, с домов выгоняли хозяев, забирали их хозяйства, налагали налоги на зерно, всё вывозили. Кто сам уезжал, кого силой выгоняли на колочее. Мою тётку на Колочее сослали, как она

рассказывала там не было ничего, сами всё строили и обживались. Долго они там жили, но всё же вернулись домой.

Когда начали делать Коммуну, колхозов не было. Приехали «знатные», возили из деревни кирпич на гору, и строили там рубчий дом, как Коммуну была бы. А нас ребяташек и отобрали, в кулацкий дом поселили, кашу нам варили пшеничную. Кормили нас этой кашей, на прогулку водили, а домой не пускали. Там мы и спали, где сидишь возле стенке, там и уснешь. А потом мужики собрались, такие как наш отчим, и стали за коммунаров браться, и они сбежали и не построили ничего.

Что вы помните об образовании колхозов? Как вступали в колхоз?

В 30-х годах образовался колхоз. В это время брат вернулся, Вася, когда жил в Иркутске учился на механика. Приехал, женился. Жена его тоже была раскулачена. Подал заявление в колхоз. Прямо на улице телеги стояли, там и проходило собрание. Отчим тоже подал заявление, вписал еще брата Григория. А нас с мамой не приняли, отказ дали, что я мала, а мама стара. Григория взяли, что будет бороться.

Как жили в колхозе?

Как образовался, и холодно было, и хлеба не было. 1933 год совсем голодовка была, ходили колоски собирали. Мне на тот момент еще 10 лет было, а уже ходила колоски собирала, мёрзлую картошку весной. А потом ничего стало, и зарабатывали, и хлеб получали на трудодни. Колхоз вроде и поднялся.

Какие взаимоотношения были в колхозе? Не было ли воровства?

Да откуда это известно, может было, а может и не было. Не знаю.

Как проходила общественная жизнь в колхозе? Танце? Кино?

Клуб был, кино привозили не звуковое, а немое. Танцы на улице были. На перекрестке, рядом магазин был, клуб, сельсовет, крытая площадка была с лавочками на которой как дождь на улице, мы там танцевали.

Были ли дети-сироты?

А до войны к нам в колхоз присылали беспризорников. Они жили с

нами, полностью на колхозном обеспечении были, подросли и разъехались, один остался, Сережкой Перепелицей звали. Женился, трое детей у них было.

Как одевались в то время?

Плохо было в то время и с одеждой, и с обувью. Но не ходили, ни босо, ни голо. Не шибко, но одеты были. Катанки катали, зимой в них ходили, а летом босиком. Черты шили, мужики в бруньях ходили. Это такие сапоги из кожи шили. Бабы в черты ходили, сейчас это тапочками называют.

Чего вы ожидали от создания колхозов?

Ну создали и создали, стали работать. Отцовских коней использовали в работе.

Были ли у вас магазины?

У нас магазин хороший был, но он сгорел. А потом магазин построили тетка моя, Мариньяма. Они жили в соседней деревне, дом у них большой был. Из этого дома сделали магазин.

Что вы помните о Ленине, о Сталине? Что говорили, что знали?

А что знали, толком никто ничего не знал. Не интересовались, все в работе заняты были. Две бригады было у нас, баня была, повариха кушать варила на бригады.

Как вы узнали о начале войне?

Сразу узнали, по радио передали что война. Мне было на тот момент лет 16-17 лет. Отчим в магазине работал, маму мою туда пристроил. В августе 1941 года его на фронт призвали, а в 23 января 1942 году он погиб на фронте. Ну а я магазин приняла, работала продавцом, там мы с мамой при магазине и жили. Потом я заболела лихорадкой, и по болезни уволилась.

Тяжело было в годы войны?

Конечно тяжело было. Самим надо было сено косить, самим вывозить. Всё самим. И дрова колоть, мужиков-то не было, на фронте все. Трудно конечно. А голод какой был. Когда лебядя поспевала, собирали, молотили. Специальные жернова сделали, чтобы семена дома молоть. Намелишь, вот

тебе и лепешки.

Тётка рассказывала мне. У них 6 детей было, отец с фронта пришел слепой. Так она говорила, что брали с утра мешок и шли щавель конский собирать. Мама им суп варила из него. Вот как было.

Трудно досталось война, но что сделаешь, пережили.

Какие были условия труда во время войны?

Ну как и у всех. Основная масса населения это женщины были. Всю мужскую работу выполнять приходилось, и в колхозе, всё женщины делали, мужиков-то не было. Какие были, такие «дряхленькие», так их в труд.армию брали. Я не знаю что это такое было, толи они там охраняли что-то, то ли работали. Но их домой отпускали на день на два.

Когда закончилась война, как узнали об её окончании?

Я уже в городе Канске жила. Работала на месте нынешней обувной фабрики, при колхозной школе, в которой одновременно и училась.

Жила у стариков. Радио было не включено. Пришла на площадь, день жаркий выдался. Люди обнимаются, плачут, а я опешила не понимая, что случилось. Мне сказали, что война кончилась. Так я и узнала об окончании войны, на площади.

Григорий у нас раненный пришел. А Вася пришел, точно не помню, вроде в сентябре 1945 г.

Рассказывали ли вам они что-нибудь о войне?

Вася рассказывал один момент, дружил он с двумя парнями, они были украинцы. И говорил, что они всё на дезертирство его уговаривали. В один момент, они втроём отбились от полка, и в лес завели его. Сказали, вот так, или с нами ты остаёшься или один, условия хорошие пообещали. Вася говорит, я сидел на пенёчке, всё тело мурашкам покрылось, волосы дыбом встали и думаю, что мне делать. У меня же дома семья, как они будут. Подумал и сказал, нет парни, я с вами не пойду. Они ему только сказали: «Иди и не оглядывайся!». Я говорит пошёл, ну думаю пульнут меня в спину. Шёл, шёл, услышал трактора, крик, оказалось на полк вышел. Пытаюсь

спросить какая часть, какой полк никто ему не отвечал, за дезертира приняли. А потом перекрикнул один, и оказалась на свою часть он вышел.

Ваша семья?

Замуж вышла за Роговцева Ивана Лукьяновича. Нажили троих детей. Купили и построили хату. Муж прошёл три войны. В общей сложности он девять с половиной лет отслужил, полковую школу заканчивал, механик-водитель был. В 1980-м году умер муж, я осталась одна.

СЕРГЕЕВА ЕВДОКИЯ ИВАНОВНА. О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Воспоминания записали Шмидт Виталий Владимирович
студент 3 курса исторического факультета им. В.П. Астафьева
Шмидт Ольга Владимировна студентка 4 курса СФУ

Сергеева Евдокия Ивановна: «Я родилась в 1927 году в деревне Чурюково, Дзержинского района, Красноярского края. Сейчас проживаю в селе Дзержинское по Свободному переулку в 13-м доме».

Моя мать Стазаева Надежда Михайловна, работала в колхозе дояркой, отец – Стазаев Иван Андреевич был кузнец в колхозе. Старшая сестра – Стазаева Феедосья Ивановна (печник) закончила 9 классов Дзержинской школы №1, затем курсы щетовода и бухгалтера. Брат, Семен Иванович – 6 классов Дзержинской школы №1, в войну ушел в армию и погиб в Литве. Сестра Евдокия закончила 7 классов Дзержинской школы, затем в Шеламках курсы колхозного щетовода, сестра Мария Ивановна – 10 классов Дзержинской школы, затем Медицинский институт в г. Красноярске (она врач гинеколог).

В районе было 59 колхозов.

В хозяйстве у нас земли счета не было, около 30 соток. Были корова, телка, теленок, около 10 овец, свиньи – 1 боров, куры – 10 шт, собака, кошка, гуси – десяток, пчелы – 2 улея. Из инвентаря были вилы, лопаты, грабли,

коса и т.д. Позднее было 2 велосипеда. Огород копали лопатами вручную. В основном мать хозяйничала, под ее руководством, что кому скажет, то и делали. Все делали самостоятельно. «Самим хоть нанимайся».

В избе была керосиновая лампа пятилинейная. Одежда – у женщин платки, шапочки из заячьего пуха, платья, юбки, кофты. У мужиков – фуражки, кепки, сапоги, калоши, рубахи, штаны. Питались в основном картошкой, хлебом, грибами, ягодами и тем, что получали в хозяйстве и огороде.

В доме был самовар, ручной сепаратор, необходимая посуда, кровати, лавки, табуретки, стол, иконки в горнице, швейная ножная машинка, русская печь, чугунный утюг (на печи), доска стиральная.

Хозяйство было середняцким.

Обязаны были все вступать в колхоз. Скот туда сдавали, колхоз стал образовываться в 1931 года имени «Красной Армии». Был скот: овцы, свиньи, коровы, лошади, телята. У него тоже был план, сенокос был кошен вручную колхозниками. Каждый колхоз имел заезжий дом в Дзержинске.

Работали без отдыха, даже зимой. Хлеб молотили, комбайнов еще не было. Мать отправляли на дорогу копать канавы, чтобы туда стекала вода во время снега и дождя. Раньше получали трудодни вместо зарплаты. Кто скот не держал, тот плохо жил. На каждый трудодень приходилось по 100 грамм зерна. Сдавали зерно по плану в заготзерна (хлебоприемный).

Недовольства конечно были, либо мало на трудодень давали из-за чего возникали ссоры и скандалы. Все сдавали подчистую, колхозникам практически ничего не оставалось. Когда плохой урожай, то и подавно.

Тогда не было единоличников.

В те времена на налоги был план, т.е. молоко сдавали по 210 л за лето, яйца – по 210 штук с хозяйства, шерсть с овец, шкуру с поросенка. Платили налог – 800 руб. или больше. Шали вязали (шаль стоила около 600 руб). Кто не платил – уводили корову со двора, что в доме было – описывали, чтобы налог был погашен.

Раньше в деревнях было много растратчиков (продавцов), была нехватка всегда. Много продавцов садили. Если какой товар приходил, то очередь занимали с вечера (в основном зимой). Был дефицит. Базар был только в выходной – в воскресенье.

Были воры. Кто-то даже в карманы зерно насыпал, но проходной проверяли и если обнаруживали – сразу садили. В войну воровали коров, обували их в лапти, чтобы следы были человеческими.

Радостного ничего, по сути, не было, а работа всегда была трудна. Покосов не было, косили, где придется. Солому давали на трудодни. Колоски собирали весной по полю на зерно.

Отношения были в основном нормальными. Только именно с братом отношения складывались не очень, не ладили, но потом, когда повзрослела – все изменилось. С остальными отношения были нормальными.

Радио не было в деревнях. Были какие-то вечеринки у людей в доме. Читали учебную литературу.

Знали, что Ленин – руководитель и Сталин так же. Помню, частушку:

«Ленин умирал –
Сталину наказывал,
Помаленьку хлеб давай,
Сало не показывай!».

О кулах в это время мало известно. Ходили и к нам, побирались – мы в свою очередь давали то, что было, делились. Плохое отношение к лишениям, жалко людей у которых полно было детей и заболел скот. И все забирали, что есть лишний скот, выгребали зерно.

Голод особенно в войну был. Не было ни хлеба – собирали колоски, выкапывали в лесу сирянки цветы, так как корень был похож по форме на картофель. Рвали пучки, крапиву, лебеду.

Но люди жили дружно, помогали друг другу. Вязали носки, рукавицы из овечьего пуха. Резали картофель соломкой, обдавали кипятком, сушили – задание было для каждого двора.

Оплата труда – трудодни, на которые получали зерно. Летом давали по 400 гр/день готового хлеба. Работали в независимости от погоды. Сено гребли в сухую погоду. Поведение людей – тунеядцев не было, наркоманов и подавно.

Похоронка на брата пришла в 1944 г. в июле, вручал военкомат. На отца – пропал без вести в 1942 г.

Праздник справляли 7 ноября и 12 мая, пасху, троицу, Новый год. В день 7 ноября собирали учеников, родители готовили, а они праздновали. Праздник 1,2 мая – нерабочий день был.

Молодежь помогала в колхозе, дети с 9 лет уже работали. Пожилые косили сено. Раньше пенсию не получали, жили за счет детей и за свой труд, что могли сделать. Помогали ухаживать за внуками. Старики, пожилые были наставниками детей. И горе было и переживания.

Лечились народными средствами, обращались в районную больницу. Фельдшер ходила по каждому дому, ставила уколы от оспы, какие-то уколы под лопатку болезненные. Лекарство «Хина» носили. Рожали на дому, бабки были в деревнях, которые этим занимались. Отпуск 36 дней и 36 после родов.

Когда война закончилась, по радио в центре передали о победе, 9 мая митинг в центре был, объявляли день Победы. Все радовались, плакали, обнимались, целовались друг с другом в толпе. Потом каждый у себя праздник справляли. Нам некого было с фронта встречать, а другие встречали с радостью и рукопожатиями.

После войны подписывали займы на развитие и восстановление народного хозяйства. Постепенно улучшали жизнь. За бездетность брали налог уже после 20 лет. Когда отменили – не помню, но в 1953 г. еще был.

С хлебом эти года плохо было. Была карточная система. Карточка на месяц, на ней было написано, сколько грамм причитается на день; в 57 г. уже не было. Очереди большие за хлебом. 20 коп. булка, а булочки по 10 коп.

НАШИ ЗЕМЛЯКИ – СИБИРСКИЕ НЕМЦЫ

ТРАДИЦИИ, ОБЫЧАИ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ БЛЮДА: ВСЕ, ЧТО СОХРАНИЛА ПАМЯТЬ (ВОСПОМИНАНИЯ РАЙФШНАЙДЕР ИРМЫ ГЕНРИХОВНЫ, с. НОВОСЕЛОВО)

Воспоминания записал Бауэр Александр Петрович
студент 3 курса исторического факультета
КГПУ им. В.П. Асафьева

Я отношусь к поколению первых послевоенных лет. Родилась в 1941 году, 23 августа, перед самым переселением.

Родители мои (Пиннекер Андрей, Пиннекер Сусанна), три мои старшие сестры (Эльвира-1933г.р, Эрна-1937г.р, Эрика-1939г.р, и я-1941г.р), были переселены из Саратовской области в Казахстан.

У российских немцев была своя культура, традиции, обычаи, свои

национальные блюда. Все это передавалось из поколения в поколение. Соблюдали эти традиции и бережно передали нам и мои родители: убранство дома, праздники, национальные блюда, свадьбы. Имея уже свои семьи, мы соблюдали эти традиции по мере возможности.

Убранство дома. Когда появилась возможность приобрести ткани, сшили занавески на окна, наволочки на подушки (на этих подушках не спали, они были украшением кровати). Пришивали и вшивали кружева, связанные крючком. Перед праздником все это стирали, крахмалили и гладили. И как это получалось у мамы при тех условиях жизни? Вязали при керосиновой лампе, утюг (большой) набивали древесным углем. Электричество появилось только в 1954г.

Праздники. На праздники готовили традиционные немецкие блюда. Самыми большими и почитаемыми праздниками были: Рождество, его праздновали 24 декабря вечером и 25-26 декабря. Пасха праздновалась согласно этого стиля. Для нас, детей, это были счастливые дни, мы их ждали весь год, потому что в этот день готовились для нас подарки.

Мама пекла в печи пряники. И одному Богу известно, где и как доставали конфеты-карамельки. Вечером собирались в одном доме: родня, соседи с детьми. Ставили елку 24 декабря. Игрушки были самодельные, свечи на елке тоже самодельные. Кто-нибудь из взрослых завешивался простыней и стучал в дверь. Его называли Christkind. Мы рассказывали четверостишие приблизительно такого содержания: Christkind komm, mach mich froh. Ich viel fron und frohlich sein, dier fur alles dankbar sein.

Религия тогда была запрещена. Все проводилось тихо.

На пасху мама пекла в печи традиционный немецкий пирог, вкуснее ничего не было на свете для нас. Тайком от детей красила яйца. Вечером, накануне пасхи, мы ставили возле кровати на полу корзинки, шапки, ночью снесут в них цветные яйца. Кошке мама намазывала лапы мелом, она делала следы ног своих от яиц до порога. Утром мама говорила: «Вот опять проспали, зайчик уже ушел!». Мы верили в эти чудеса.

Но время изменило многое. Жизнь шла стремительно вперед. Молодые стали жить в ногу со временем и традиции потихоньку остались в прошлом. Выдержала испытание временем только кухня – национальные немецкие блюда готовят и сегодня, их не забыли. Немцы – народ трудолюбивый. Жили мирно, работали, растили детей, сохраняли культурное наследие своей нации.. И сегодня, листая память, меня поражает то, что несмотря на пережитое, они остались доброжелательными людьми до конца жизни. Нас, детей учили не причинять никому зла, делать добро людям.

Что значит для меня быть российским немцем? – Сохранять память о том времени. Помнить, что пережили наши родители и старшие сестры и братья в то трудное время. Рассказать детям и внукам. Для них это история.

Времена изменились. Пришло и время возрождения. Сегодня, на современных новых праздниках, таких как, «День села», можно увидеть национальные подворья всех национальностей, которые есть в поселке.

Я была удивлена, когда увидела немецкое подворье. Те, кто готовили его, потрудились хорошо. Стояла кровать в немецком стиле тех, далеких времен. Были приготовлены немецкие национальные блюда. Пели песни на немецком языке.

Немецкие свадьбы, какими они были?

Я расскажу, как проходила свадьба моей старшей сестры Эльвиры 01.01.1953г в Казахстане. Мне было тогда 12 лет, я все видела своими глазами и хорошо все помню. В то время детям не разрешалось присутствовать на свадьбах, но мы успели заранее спрятаться под столом. Приходили сваты, сватали невесту, назначался день свадьбы, количество гостей, выбирали поваров из родственников, какие блюда, подругу невесты и друга жениха, им на свадьбе прикрепляли букетик к одежде. Приглашения на свадьбу разносили по домам жених и невеста. Накануне свадьбы проводили девичник, невеста прощалась с подругами, она выходила замуж. В день свадьбы, невеста в наряде, в родительском доме сидела на стуле, рядом ставили еще стул (он был пока пуст) для жениха. Приходили «зеваки»

смотреть наряд невесты. Невеста обязательно плакала, она уходила из родительского дома в дом свекрови.

Приходил жених, здоровался с невестой и садился рядом. Потом было катание на лошадях по селу. Лошадей украшали, украшали и кошовку, где сидели жених и невеста. Звон бубенцов был слышен по всему селу. Все выходили смотреть на жениха и невесту. Свадьба проходила два дня в доме жениха. Время прохождения свадьбы устанавливалось сразу. За столом, рядом с невестой, сидела подруга. Рядом с женихом – друг. Если сегодня кого-нибудь спросить: «Откуда пришел обычай выкуп туфель невесты» – никто точно не скажет, не знают. Этот обычай пришел из немецких свадеб.

Напротив невесты заранее садили человека, который снимал туфли с невесты и одевал ей галоши. Потом был выкуп туфель.

Свадебные блюда. В первый день подавали тушеную картошку с

Свадьба моей сестры Эрны.
1958 год.

мясом (тушили в печи). На десерт готовили чисто немецкое блюдо «филцел», его готовили тоже в печи, и компот из сухофруктов. Спиртные напитки на стол не ставили, их разносили уже разлитыми.

В 12 часов ночи невесту садили на стул, вокруг водили хоровод, пели песни и кто-то, кому было поручено, снимал венок с невесты. На этом первый день свадьбы заканчивался. Эту ночь жениху и невесте запрещено было проводить вместе, чтобы будущий их ребенок был зачат трезвыми родителями. Утром второго дня двое (мужчина и женщина), поджидали пришедших, выпачкивали им лица сажей. Потом их, под общий смех мыли, на этом «зарабатывали» чаевые. Приходили повара с перевязанными руками (как бы готовили еду, – поцарапались), гости давали им деньги.

Танцы в первый день свадьбы. В определенном месте сидели

музыканты. Первый танец танцевали жених и невеста. Потом подходили гости, заказывали танец, при этом ложили деньги музыкантам. Танцевали с женихам и невестой. Перед началом танца прикалывали к одежде жениха и невесты деньги (на одежде была булавка). Так продолжалось до тех пор, пока не заканчивался поток желающих. Подарков тогда не дарили.

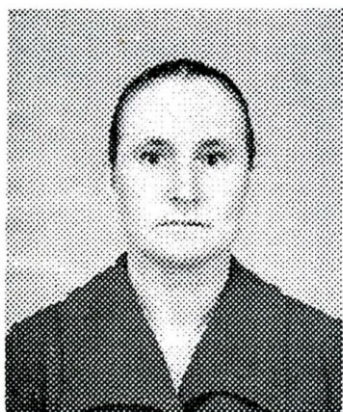
Из блюд на второй день подавали лапшу (по немецкой технологии) и печеное. На второй день не было строгих правил ведения свадьбы. Гости чувствовали себя свободно: пели, танцевали от души. Приходили ряженные, их угощали. Можно было услышать возгласы: «Hochzelt, nuchts im leib, alles in Fersen», что означло: «Ах свадьба, в желудке ничего, все в пятках».

Свадьба заканчивалась в 4 часа второго дня.

СИБИРСКОЕ СЕЛО ТУМАКОВО СТАЛО ВТОРОЙ РОДИНОЙ ...

*Воспоминания записала Гаврилькова Любовь Николаевна,
учитель истории Тумановской СОШ, Ирбейского района, студентка ОЗО
исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева*

ИРМА КАРЛОВНА ЛИБЕРТ

Либерт (Бельш) Ирма Карловна родилась в 1933 г. в д. Бородаевка, Марковского района, Саратовской области. Немка. Была выселена осенью 1941 г. в Ирбейский район д. Новотроицкое с родителями в соответствии с Указом ПВС СССР от 28.08.41 г. Реабилитирована в 1992 г. на основании ст. 1 -1 «В» ст. 3 Закона РФ от 18.10.91 г.. В 1949 г. переехала вместе с родителями в с. Тумаково, ныне пенсионер, ветеран труда Российской Федерации.

«Наша семья: Бельш Карл Давыдович отец. Бельш Эмма Александровна - мать. Брат, 1930 года рождения. Я родилась в 1933 году. Брат 1934 года рождения. Сестра 1937 года рождения.

Жили мы до войны в деревне Бородаевка, что возле г. Карлмаркштадта (г. Маркс) Саратовской области. Наша семья наряду с другими немецкими семьями была репрессирована - нас отправили в Сибирь. Как это было? Пришли военные в деревню, приказали собираться. С собой разрешили брать только покушать на неделю и все. До сих пор в памяти остался прощальный рев голодного скота. У родителей был свой дом и большое хозяйство: коровы, две лошади, сенокосилка, телега, плуг, упряжка и т.д. Все было оставлено.

Привезли нас в Маркс, там погрузили на баржу, и поплыли мы в Энгельс. В Энгельсе нас посадили в товарный вагон. Вагон был так плотно набит, что спать приходилось по очереди. Кормили один раз в день: давали миску супа и небольшой кусок хлеба.

Уже в пути самые слабые из нас погибали - старики и дети. Врачебная помощь нам не оказывалась. Тела умерших в пути не хоронили. Солдаты конвоя просто бросали их под откос.

Так мы и ехали до станции Солянка Красноярского края. А дальше на лошадях повезли нас в деревню Троицкое Ирбейского района... Кони остановились посреди деревни. К повозке подошла старушка и протянула нам блинчики, позже мы узнали, что это была мать председателя колхоза Романова. Нас было несколько семей и поселили нас по квартирам.

Все спецпереселенцы обязаны были каждый месяц отмечаться в комендатуре. Неявка наказывалась заключением на полгода.

В том же 41 году отца забрали в трудовую армию, а нас настиг страшный голод. Как к нам люди относились? Люди были добрые, помогали, чем могли, ведь они сами голодали.

Власти выгребали все для фронта. Работали все, и русские и немцы. И мы, ребята, тоже. На лошадях пахали, боронили, сеяли вручную. Осенью

молотили. Работали женщины и мы, дети в возрасте 13-14 лет. Из мужчин был с нами один машинист дядя Ваня Иванов. Работать приходилось много.

В школу пошла в 1944 году, учителя менялись часто. До сих пор помню учительницу, которая учила меня в 47-м году. Это Екатерина Францевна Яницкая. А Иван Александрович Иванов в 48 году вручил мне Свидетельство об окончании начальной школы. Благодаря им, я научилась писать и читать. Низкий им поклон.

В 1949 году отец перевез всю нашу семью в с. Тумаково. Работала на разных работах, а в 1950 году я пошла работать дояркой. Тяжело было, ведь вся работа выполнялась вручную. Позже работала в детском саду, откуда и вышла на пенсию в 1989 году. Работа моя была отмечена грамотами «За успехи, достигнутые в деле подрастающего поколения», «За многолетний добросовестный труд». Награждена медалью «Ветеран труда». Моя вторая родина - Ирбейский район, с. Тумаково.

В 1948 году, 26 ноября, вышло постановление, которое гласило, что все переселенные немцы высланы в Сибирь навечно, а самовольная отлучка карается 20-ю годами каторжных работ. С немцев обвинение в предательстве сняли только в августе 1964 года. Вернуться в Поволжье нам разрешили только в 1972 году...»

ЭРИКА КАРЛОВНА БЕЛЫШ

Бельш (Гюнтер) Эрика Карловна родилась в 1935 г. в г. Маркштадт Саратовской области. Немка. Была выселена в сентябре 1941 г. в Ирбейский район д. Подъянда с родителями в соответствии с Указом ПВС СССР от 28.08.41 г. Реабилитирована в 1992 г. на основании ст. 1-1 «В» ст.

3 Закона РФ от 18.10.91 г.. В 1946 г. переехала в с. Тумаково. Пенсионер, ветеран труда.

«Наша семья: Отец - Гюнтер Карл Иоганович 1903 г.р. Мать - Гюнтер Эмилия Ивановна 1904 г.р. Дети: 9 человек (4 брата и 5 сестер, в том числе и рожденные в Сибири). Жили очень хорошо. Отец работал в пимокатной артели, мать - домохозяйка.

«В памятный для нас день 28 августа 1941 года Калинин подписал указ об упразднении республики немцев Поволжья. В Указе писал: «... По достоверным данным среди немецкого населения, проживающего в Поволжье, имеются десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, полученному из Германии, должны произвести взрывы...»

Никогда немецкое население Поволжья не были врагами советского народа и Советской власти, но как и все, в сентябре 1941 года наша семья была репрессирована и выслана в Сибирь, в Красноярский край, Ирбейский район в д. Подъянда. Жили очень трудно, голодно как, впрочем и всем. Народ в этой деревне был очень доброжелательный. В 1946 году переехали в Тумаково. Работала в полеводстве с 12 лет на силосных ямах, на быках в поле, потом дояркой, телятницей. Незадолго до пенсии поработала няней в детском саду».

МАРИЯ ФРИДРИХОВНА ЛЕЙМАН

Мария Фридриховна Лейман (Рерих) родилась 2 октября 1934 г. в г. Маркс, Саратовской области. Немка. Была выселена осенью 1941 г. в Ирбейский район д. Чухломино с родителями в соответствии с Указом ПВС СССР от 28.08.41 г. Реабилитирована в 1992 г. на основании ст. 1-1 «В» ст. 3 Закона РФ от 18.10.91 г. Работала в полеводстве, дояркой.

Мария Фридриховна вспоминает: «Наша семья: Отец - Рерих Фридрих Генрихович. Мать - Рерих Альвина Генриховна. Дети - 3 человека.

Жили в Поволжье в большом доме, хозяйства не было, но жили хорошо, все было. Отец работал на заводе. Мать - в прачечной.

В 1938 году отец умер, а в 1941 году мать с тремя детьми выслали. 14 октября 1941 года из Маркса по Волге плыли на баржах до Энгельса. Потом на поезде через Казахстан до станции Солянка. Ехали в товарном вагоне. Из Солянки ехали на лошадях до с. Ирбейского. Оттуда отправили в с. Чухломино. Поселили в барак, где жили 12 семей. Шла война, жили плохо. Всем было трудно, но жили дружно. Собирали колоски, выбивали и перекручивали зерно, стряпали лепешки.

В школу пошла в 8 лет. Закончила только 2 класса, так как не в чем было ходить. Работали с малых лет. Летом на быках на сенокосе подвозили сено к зародам. Зимой помогали матери на работе. С 13 лет уже самостоятельно доила коров. С будущим мужем познакомилась здесь же, в Чухломино. Вместе воспитали 6 детей».

МИНА ГЕНРИХОВНА ЕЛИСЕЕВА

Мина Генриховна Елисеева (Михель) родилась в 1937 г. в д. Бауэр Красноармейского района Саратовской области. Немка. Репрессирована в сентябре 1941 г. по национальному признаку по Указу НВС СССР от 28.08.41 г., выслана с родителями в Иланский район. Реабилитирована в соответствии со ст. 3 п. «В» Закона РФ от 18.10.1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий». Родителей мобилизовали в трудармшо г. Игарку. В с. Тумаково с 1966 г. Пенсионер, «Ветеран Красноярского края».

Мина Генриховна вспоминает: «В сентябре 1941 году началось переселение немцев из Поволжья. Выселяли нас по национальному признаку. Прямо из дома нас погрузили на повозки и повезли на пристань,

затем погрузили на баржу. На барже нас доставили в г. Энгельс, там посадили на поезд и отправили в Сибирь. Меня с семьёй привезли в Иланский район Красноярского края. В Иланске нас встречали на подводах и везли целую неделю, было холодно, голодно, по дороге умирали дети, старики. Привезли нас в деревню Вершинку. Поселили в один дом сразу три семьи, 18 человек. Через неделю мужчин забрали в трудармию, а мы остались. Прошла ещё неделя, забрали дедушку с бабушкой с детьми в Игарку, тоже в трудармию.

Прожили там недолго. Дети умирали от голода и в семье Михель выжили только двое: я и мой брат. Потом брата приютили совершенно чужие люди и он жил с ними. Судьба его сложилась удачно. Сейчас он живет в Германии.

Мне было 4 года, вскоре мама родила еще мальчика. С утра до ночи она работала в колхозе, а я сидела с братом. Как мы выжили, я не знаю, ходила побиралась: кто кусок хлеба даст, а кто выкинет со словами: «Иди, работай!». Когда наступило лето, мы ели траву, а весной, когда пахали землю, выпаживали старую картошку, собирали ее, толкли, делали лепешки и ели. Не было даже соли. Когда мы это ели, люди отворачивались от нас, а нам казалось, что нет ничего вкуснее этих лепешек. Через 7 лет пришел отец, жить стало легче. Он стал работать в колхозе, за хороший труд ему дали телочку, мы ее вырастили. На нашем столе появилось свое молоко. За работу в колхозе на трудодни стали давать хлеб. Но беда нашу семью не оставляла, шла по пятам, - заболел и умер младший брат.

Трудное было детство. Да и было ли оно? Особых детских радостей не было. Голодно было. Постоянно хотелось есть, поэтому приходилось работать. Мы, дети, вместе со взрослыми ходили на поля полоть пшеницу, рожь.

В 1948 году родился брат Иван. Я должна была присматривать за ним. А через три года родилась сестра Мария, и нас, детей, стало трое. Чтобы прожить, мы еще меняли вещи на еду. Учиться возможности не было. В 1953

году родился брат Витя. Теперь в нашей семье было четверо детей. Забот прибавилось и у меня, главной помощницы мамы.

Прошло уже много лет. Мы так и живем в Сибири. Сейчас все хорошо. Много всего пережито, особенно трудно вспоминать детство военное и послевоенное. Все было, и хорошее, и плохое. Из песни слова не выбросишь. Местные жители нас сначала не приняли, относились к нам плохо, обзывали фашистами. Били палками, рвали волосы, одежду. Летом, бывало, пойдем, нарвем ягод, они встретят нас около деревни, отберут или высыпят на землю наши ягоды. И мы опять возвращаемся за ягодой в лес. Летом русские женщины заставляли детей носить молоко охлаждаться в речку. Однажды мой дядя нес молоко и разбил нечаянно бутылку. Он пошел на поле, чтобы сказать, что разбил бутылку, одна из женщин взяла этот осколок и вмяла ему в лицо...

Шли годы, в 20 лет я вышла замуж за Елисева А.И. Родила четырех мальчиков, один из которых умер через месяц после рождения. В 1966 году приехали в село Тумаково. Купили дом. Я пошла работать в пекарню. Проработала там 6 лет, зарплата была низкая и я пошла работать в совхоз, где проработала 20 лет дояркой до самой пенсии. Мой трудовой стаж 42 года.

Есть награды: Почетные грамоты, за многолетний добросовестный труд, присвоено звание «Ударником коммунистического труда», награждена знаком «Победитель социалистического соревнования 1978 года», «Ветеран Красноярского края».

ВЕРНЫЕ ПРИЕНИСЕЙСКОМУ СЕВЕРУ

Опрос проводили Штукерт Евгений Августович
и Штукерт (Пьянкова) Наталья Михайловна,
студенты ОЗО исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Опрос проведён у супругов Штукерта Августа Юлиусовича и Штукерт Лидии Александровны. В 1942 г. ещё детьми они попали под волну сталинских репрессий и были высланы на север Туруханского района в д.

Каношель (ещё говорят Канощель). После исчезновения деревни (хрущёвское время) жили в соседней деревни Горошихе. Работали в колхозе, совхозе.

Август Юлиусович работал штатным промысловиком в Туруханском промхозе. Имеет награды за трудовую деятельность (на 5 лет вперёд перевыполнял план). На данный момент наши родители вновь проживают на месте бывшей Каношли. Вдвоём в тайге уже более 15 лет.

На прилагаемых фотографиях жильё Штукертов (вид зимой),
а так же сами Штукерт Л.А. и Штукерт А.Ю. с сыном Штукертом А.А.

Ответы Л.А. и А.Ю Штукерт на вопросы анкеты «Время Н.С. Хрущёва»

1. Что вы помните о времени правления Н.С. Хрущёва?

Отвечает Штукерт Л.А. – «Мы плохо о Хрущёве не скажем, правил он правильно, ведь ещё только вот война прошла. Все тогда работали, не как сейчас»

2. Как изменилась жизнь в селе в эти годы?

Отвечают оба – «Тогда ещё одна беднота была. Все бедно жили. Лучше стало в 60-е годы. Но страна развивалась хорошо. Мы его не ругаем»

3. Что изменилось в домашнем хозяйстве

Отвечает Штукерт Л.А. – «Тогда все жители деревни купили коров. Это

было разрешено, даже заставляли покупать. Появились первые лодочные моторы, техника. С сенокосами проблем небыло – коси сколько хочешь. Семьям покосы давали, которые ближе, потому что одним им тяжелее работать, а колхозу те которые подальше».

4. Как стали платить налоги с домашнего хозяйства?

Отвечает Штукерт Л.А. – «По моему мы ничего не платили. Здесь на Севере не было такого. Ну если только 3 рубля то это не считается»

5. Было ли сокращение приусадебных участков?

Отвечает Штукерт Л.А. – «Нет. Наоборот сказали капать, садить, косить и т.д. Это там на верху было сокращение у нас же такого не было»

6. Зарплата колхозников, пенсии – какие, сколько рублей?

Отвечают оба – «Ну тогда трудодни были. Но я очень хорошо зарабатывала. Работала дояркой и поварихой. Корову купили и на книжку ложили. Если перевести на деньги где-то 300 рублей выходила в год. Только работай и всё.

7. Что можно было купить на эти деньги?

Отвечают оба – «Всё можно было купить. Хотя товара мало было. Деньги у всех были, а товара мало. На всех не хватало. Всем же людям надо не нам одним. Например шубы, шапки это было редко.

8. Как изменились цены на товары первой необходимости по сравнению со «сталинским временем» ?

Отвечает Штукерт Л.А. – «Мы тогда ещё совсем детьми были сказать так не можем. Да тут в Каношели одни сосланные были – выживали, как могли при Сталине.

9. Отпуска для работавших, декретный отпуск – сколько дней?

Отвечает Штукерт Л.А. – «Отпусков не было. Все только работали. И пенсий не было. Декретный отпуск был и оплачивали его, но я то не ходила в декрет – работала пока не родила. А сколько оплата декретного была уже не помню»

10. Сколько рублей составляли социальные пособия («детские», по

рождению ребёнка, и т.д.) ?

Отвечает Штукерт Л.А.- «по рождению 120р выплачивали, это помню. Инвалидам не платили, да их и не было»

11.Что вы помните о денежной реформе 1961г. ?

Отвечают оба – «она прошла нормально. Людям сказали менять и пошли менять. За 10 рублей давали 1рубль. Корова своя есть и всё идёт как и шло»

12.Было ли в селе радио Когда появился первый телевизор?

Отвечает Штукерт Л.А. –«где –то в 80-86 гг., – телевизор, радио в 60-х.

13. Как работал клуб Как в это время праздновали советские и народные праздники?

Отвечает Штукерт Л.А. –«Концерты были всегда. Ну примерно 12 раз в год. С Туруханска приезжали выступать и из Красноярска. Всех людей собирали и в клуб. Даже хоть ты на рыбалке – приедут и заберут в клуб. И интересно было и дети и взрослые вместе. По праздникам кстати можно было 6 телеграмм бесплатно отправить»

14.Велась ли какая-то борьба с пьянством в селе Были ли достигнуты результаты?

Отвечают оба – «Нет. Никогда»

15. Коснулась ли вашего села «кукурузная эпопея», когда вся страна сеяла кукурузу часто даже в ущерб другим сельскохозяйственным культурам?

Отвечают оба –«У нас на Севере нет, но мы были в это время в Киргизии там жителей это коснулось и люди были рады- можно было скот кормить.

16.Сочиняли ли какие –то частушки, песни, стихи о кукурузе?

Отвечает Штукерт Л.А. –«Нет тут только работали все. Топоры, вилы и т.д. Хотя и слышали – «в кукурузу он влюбился от культуры далеко»

17.Стремилась ли люди уехать из села. Почему?

Отвечает Штукерт Л.А. – «В это время соединяли деревни, и наша деревня распалась»

18.Куда чаще всего уезжали В какие города сёла?

Отвечает Штукерт Л.А. – «Кто на Алтай, Казахстан и на Волгу и Урал.

На Волгу родину. Мы только остались. Все разлетелись как птицы.»

19. Отразилось ли на вашем селе освоение целинных земель

Отвечают оба – «Нас на севере не коснулось»

20. Что говорили в народе о политике Н.С. Хрущёва?

Отвечают оба – «Тут например на севере никто не ругал. Все были довольны. Да и не обсуждали вообще эти вещи. И во Фрунзе мы были, там то же все довольны были»

Ответы Л.А. и А.Ю Штукерт на вопросы анкеты «Начало перестройки - распад СССР - сегодняшний день» (1985 -1991 - 2011 гг.)

1.Как, по Вашему мнению, на жизнь села повлияла перестройка?

Отвечает Л.А. –«Перестройка не повлияла на нас ни как. Можно было держать больше скота, например свиней и сдавать побольше. А на нас лично не повлияла. Вот в соседней деревне да.

2.Вы лично ощущали необходимость изменений в стране, районе, в селе?

Отвечают оба – «Нет, мы об этом и не думали. У нас всё было хорошо, а потом всё пошло и поехало»

3.Как жители села относились к изменениям в стране в ходе перестройки (антиалкогольная кампания, гласность и т.д.)?

Отвечает Штукерт Л.А.-« народ плохо отреагировал на запрет алкоголя, а мы нет. А гласность вообще ни как не повлияла – тут и так все свободные.

4. По вашему мнению, труженики села всегда добросовестно относились к своей работе?

Отвечает Штукерт Л.А. – «Нет. Тут всякие есть. Мы от и до работали. Помню случай, поехали все от разных учреждений тяпать картошку. И один работник как попало работает – раз раз прошёл и всё. Я ему говорю, как вы работаете? Так не делается. А он мне заявил – «Пусть начальство работает». Я ему сразу сказала, что у начальства своя работа. А здесь ты должен работать лучше чем на себя дома».

5.В каких случаях это отношение было недобросовестным?

Отвечает Штукерт А.Ю. – «Когда для промхоза надо было работать. Там как будто на зло, а вот для себя то там уже хорошо.

6. В какой именно момент люди почувствовали нежелание работать?

Отвечает Штукерт Л. А. – «Да такие всегда были. У них только питьё на уме».

7. Повлиял ли как-то распад СССР на организацию работы в совхозах?

Отвечает Штукерт Л.А. – «Да нет, так и продолжали работать. Всё хорошо было и премии получали»

8. Было ли у вас желание «всё бросить и уехать» - в другое село, район, куда-то еще? Что вас удержало?

Отвечают оба – «Нет. Тут природа наша. Всё своё».

9. Как люди реагировали на первые задержки зарплат?

Отвечает Штукерт Л.А. – «Здесь не задерживали зарплату, а там мы не были. Когда стали задерживать, мы уже жили в Каношели».

10. Как вы считаете, имеет ли смысл дальше и дальше оставаться в деревне?

Отвечает Штукерт Л.А. – «Да конечно. Если только люди дружно возьмутся. Это обязательно надо. Без деревни и города нет».

11. Имеет ли ваше село какие – то перспективы развития?

Отвечает Штукерт Л.А. – «Не знаю народ уже не тот. Тунеядство и пьянство одно»

12. Что надо сделать для возрождения села?

Отвечает Штукерт Л.А. – «Дружно браться и работать. Но решает всё власть, министерство».

13. Что для этого могут сделать простые люди?

Отвечают оба – «Только трудиться».

14. Как Вы считаете, какую политику проводит нынешнее правительство в отношении села?

Отвечает Штукерт Л.А. – «Я их не ругаю. Пенсию получаю. Сын помогает».

15. За столько лет развала сельского хозяйства у людей не пропало желание работать?

Отвечают оба- « У всех пропало»

16. Как вы считаете, в какие времена селу вообще и вашему в частности жилось наиболее хорошо и наиболее тяжело?

Отвечают оба – «Наиболее хорошо при Горбачёве, наиболее плохо после войны».

17. Есть ли в селе люди способные бороться со сложившейся ситуацией?

Отвечает – «Наверно нет. Сейчас все в сторону. Границы открыты и люди смотрят «за бугор». Начальство ничего не может сделать.

**ОЦЕНКИ СОВЕТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ОТ ВРЕМЕНИ Н.С. ХРУЩЕВА ДО СОВРЕМЕННОСТИ**

*** * ***

**ОТВЕТЫ ЖИТЕЛЕЙ с. СОКОЛОВКА ИЛАНСКОГО РАЙОНА НА
ВОПРОСЫ АНКЕТЫ «ВРЕМЯ Л.И. БРЕЖНЕВА»:**

Анкетирование провела Шледевиц Ирина Геннадьевна,
студентка ОЗО Исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

ШУЛЬГА В.И. (учитель, 1953 года рождения)

1. Что вы помните о времени правления Л. И. Брежнева (1964 – 1982)?

Это было удивительное время, время всеобщего патриотизма. Страна утверждалась на мировой арене; мы помогали всем: строили плотину в Египте, спасали жизнь Луису Карволану, вводили войска в Чехословакию, жили под лозунгом «Догнать и перегнать Америку».

2. Как изменилась жизнь в селе (в городе) в эти годы? Что изменилось в домашнем хозяйстве, в быту, в образе жизни?

Жизнь изменилась кардинально: можно было беспрепятственно уехать из села, у сельчан на руках были паспорта. Молодёжь училась, все стремились получить профессию, было престижно иметь высшее образование. Учились достойные, поступали без взяток, получали стипендии, малообеспеченные студенты жили в общежитиях, получали бесплатные талоны на питание. Государство заботилось о будущем страны: школы, ВУЗы, техникумы, профучилища – везде было бесплатное обучение. Молодые специалисты получали жильё, место работы. Страна строилась, росло благосостояние народа. Зарплата была небольшая, но стабильная, выплаты без задержек. На селе крестьяне держали хозяйство: корову, свиней, кур, растили овощи. Они обеспечивали себя продуктами питания, излишки сдавали государству. Проблем со сбытом не было. В деревнях появились дома быта: прачечные, парикмахерские, ателье. Люди ходили в кино, посещали театры, гуляли в парках.

3. Как стали платить зарплату, иные выплаты (13-я з/плата, премии)?

В колхозах стали платить зарплату, в домах появились телевизоры, швейные и стиральные машины, радиолы и магнитофоны. Горожане стояли в очередях за коврами, паласами, мебелью. Они получали стабильную зарплату, премиальные, 13 зарплату. Денег хватало на учёбу детей, одежду, питание, появились сбережения на книжках.

4. Политика по отношению к приусадебным участкам? Дача в жизни горожан этого времени?

Государственная политика была направлена на повышение благосостояния граждан. Выделялись участки земли, поощрялось строительство дач. Дача была кормилицей, местом летнего отдыха всей семьи. Работы было много, но водопроводы, автобусы и электрички

позволяли горожанам запастись провизией на год. Дачу иметь было престижно.

5. *Зарплата колхозников, пенсии – какие, сколько рублей?*

Зарплата колхозников была на порядок ниже, чем у горожан, но получали они её регулярно. Пенсии были сначала мизерные 30 – 50 рублей, затем у всего населения – 120-132 рубля.

6. *Что можно было купить на эти деньги в то время?*

На эти деньги можно было безбедно прожить пенсионеру, как городскому, так и деревенскому. Хлеб стоил 18 – 20 копеек, колбаса – 1 рубль 30 копеек, самая дорогая 3,5 – 4,5 рубля. Стиральная машина стоила в пределах 70 – 100 рублей.

7. *Как изменились цены на товары первой необходимости по сравнению со «сталинским временем», со временем «Хрущёва»?*

Цены стали более стабильные: часто проводилась уценка товаров. Качество товаров было невысоким. Хороших товаров было мало. Появилась импортная одежда, обувь, мебель, магнитофоны.

8. *Отпуска для работавших, декретный отпуск – сколько дней?*

Отпуск был небольшой (от 24 – до 30 дней) в колхозах и того меньше. Отпускные не выплачивались вовремя, отпуск начинался со дня выплаты отпускных. Декретный отпуск в 80-е годы был по 56 дней до родов, и столько же после родов.

9. *Сколько рублей составляли социальные пособия («детские», по рождению ребёнка, и т. д.)?*

Никаких детских пособий не получали, только декретные.

10. *Что вы помните об особенностях проведения досуга, отдыха, санаторном лечении, поездках на курорты и пр.?*

Все любили ходить в кино, на танцы. Санатории были доступны избранным, простые рабочие мало пользовались этими благами. В санатории и на курорты ездила элита общества – руководящие кадры, партийные босы.

Хотя были рабочие и колхозники, попавшие туда за доблестный труд, за высокие показатели.

11. Были ли в семье радио, телевизор? Как часто посещали кинотеатр, клуб, театр?

В каждой семье были радио или радиола, телевизор чёрно-белый. В кино ходили очень часто, в театр – реже.

12. Как в это время праздновали советские и народные праздники?

Советские и народные праздники гуляли широко, с размахом. Особое место занимала художественная самодеятельность. В ней участвовали и молодёжь и взрослые и пенсионеры.

13. Велась ли какая-то борьба с пьянством в селе, в городе? Были ли результаты?

Пьянство, туеядство наказывалось штрафами, лишением премиальных, 13 зарплаты. Нарушителей разбирали на профкомах, собраниях. Неподдающихся определяли на принудительное лечение в ЛТП (лечебно-трудовом профилактории- ред.).

14. Коснулись ли вашей семьи события в Афганистане? Каково было отношение к воинской службе в армии в это время? Служили ли ваши родственники в СА?

Родственники мужского пола все отслужили в рядах Советской Армии. Понятия об отмазке (т.е. «откосить», устранившись от службы в армии) не было. Это был тогда почётный долг каждого мужчины. Если парень не служил, значит, он болен – это было единственное оправдание. События в Афганистане моей семьи не коснулись, но ребята – односельчане с честью исполняли свой долг. Двое вернулись живыми, один погиб (Виктор Экгардт), кому должен был этот мальчик и за что?

15. Помните ли какие-то частушки, песни, стихи, анекдоты о Брежнев?

Анекдотов о Брежнев было много, были и песни, и частушки. Конкретно не помню. Помню, что все они были не злые.

16. Стремилась ли люди уехать из села? Почему? Как воспринимали жизнь в городе? Каковы были отношения между людьми, соседями в селе, городе?

Из села стремилась уехать молодёжь в город. В селе жить труднее: надо много работать (колхоз, домашнее хозяйство). А в городе отработал и отдыхай: ходи в кино, театр, музей, на выставки. В городе было больше развлечений. В селе жили намного скромнее. Разделение на городских и деревенских было значительным. В селе все друг друга знают, всегда придут на помощь. В городе соседей часто не знают, не здороваются даже. А в деревне сосед – друг, почти родственник. В городе квартира всегда на замке, а на селе дом всегда открыт.

17. Что говорили в народе о политике Л. И. Брежнева в тот период?

О политике Брежнева говорили и говорят очень много противоречивого. С одной стороны за почти 20 лет его правления страна расправила плечи: грандиозные стройки (электростанции, железные дороги) освоение космоса, внешняя политика. Люди стали жить лучше, выросло их благосостояние. Почти в каждой семье появился автомобиль или мотоцикл. Появились сбережения. С другой стороны – деньги некуда было потратить. В магазинах очереди за пресловутой колбасой, продуктами и товарами первой необходимости. Деньги были, но купить на них было особо нечего. Хотя по «блату» можно было «достать» всё.

18. Каково отношение ко времени Л. И. Брежнева сейчас?

Сейчас мнения также противоречивы. Кто-то вспоминает с ностальгией, а кто-то ругает прежние времена.

19. Как вы оцениваете преемников Л.И. Брежнева (Ю.В. Андропов и К.У. Черненко)?

Об Андропове и Черненко сказать нечего: они просто промелькнули в истории.

20. Каково ваше отношение к М. С. Горбачёву и его реформам?

Горбачёв виноват в развале Союза, но он себя виноватым не считает.

ЧЕРВЯКОВ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ (род. в 1949 году в п. Предивинск,
Большемуртинского района)

1. Что вы помните о времени правления Л. И. Брежнева (1964 – 1982)?

Работали много, жили просто, надеялись на лучшую жизнь.

2. Как изменилась жизнь в селе (в городе) в эти годы?

Жили на берегу Енисея в леспромхозном посёлке Предивинск. Посёлок строился прямо в тайге. Убирали деревья, расчищали и возводили дома, магазины, больницу, школу.

3. Что изменилось в домашнем хозяйстве, в быту, в образе жизни?

Взрослые мужчины работали в тайге, на деревообрабатывающем комбинате, на пилораме. Женщины – в школе, магазинах, в больнице, на стройке штукатурками, малярами. Работали в две смены.

4. Как стали платить зарплату, иные выплаты (13-я з/плата, премии и др)?

Зарплату платили вовремя, были премии.

5. Политика по отношению к приусадебным участкам? Дача в жизни горожан этого времени?

Приусадебные участки в леспромхозе были крошечные, потому что корчевали тайгу.

6. Зарплата колхозников, пенсии – какие, сколько рублей?

Зарплату в леспромхозе получали хорошую, но и продукты здесь были очень дорогие.

7. Что можно было купить на эти деньги в то время?

В семье были 2 лодки (сначала деревянная, потом дюралевая), 2-3 мотора к ним, небольшой мотоцикл, велосипед.

8. Как изменились цены на товары первой необходимости по сравнению со «сталинским временем», со временем «Хрущёва»?

Не помню.

9. Отпуска для работавших, декретный отпуск – сколько дней?

Для работавших были отпуска, около 30 дней.

10. Сколько рублей составляли социальные пособия («детские», по рождению ребёнка, и т. д.)?

В семье было двое детей, поэтому вряд ли на них что-то получали.

11. Что вы помните об особенностях проведения досуга, отдыха, санаторном лечении, поездках на курорты и пр.?

Жили в тайге на берегу Енисея, поэтому всё свободное время проводили на рыбалке, на охоте об остальном не думали. Рыбы ловили много, солили, коптили, морозили (в погребе делали отсек, набивали его льдом, так хранили свежую рыбу). Осенью ходили в тайгу за кедровым орехом. Охотились на соболей и белок. Шкурки сдавали, на вырученные деньги получали порох, дробь и т. д. в тайге стояли избушки, уходили небольшими группами.

12. Были ли в семье радио, телевизор? Как часто посещали кинотеатр, клуб, театр?

Очень хорошо работал клуб. Был бильярдный стол, шашки, домино, шахматы. Ежедневно показывали кинофильмы.

13. Как в это время праздновали советские и народные праздники?

Собирались все в клубе. Читали лекции, показывали концерты или бесплатно кино.

14. Велась ли какая-то борьба с пьянством в селе, в городе? Были ли результаты?

Были случаи пьянства. Вызывали на заседание профкома, на совет трудового коллектива. Лишали премиальных. Наказанным никто быть не хотел.

15. Каково было отношение к воинской службе в армии в это время?

Служили ли ваши родственники в СА?

В армии отслужил два года. Все родственники и друзья тоже служили. Служба в армии считалась престижной. Поэтому все парни готовились к службе и мечтали о ней.

16.Помните ли какие-то частушки, песни, стихи, анекдоты о Брежневе?

Нет, не помню.

17.Стремилась ли люди уехать из села? Почему? Как воспринимали жизнь в городе? Каковы были отношения между людьми, соседями в селе, городе?

Уезжала молодёжь учиться. Почти все возвращались в родное село.

18.Что говорили в народе о политике Л. И. Брежнева в тот период?

Плохо о политике Брежнева не говорили.

19.Каково отношение ко времени Л. И. Брежнева сейчас? Изменилось ли оно?

Люди работали, получали зарплату, покупали хорошие вещи. Была стабильность. Всё было хорошо.

20.Как вы оцениваете преемников Брежнева (Ю. В. Андропова, К. У. Черненко)?

Очень недолго были у власти.

21.Каково ваше отношение к М. С. Горбачёву и его реформам?

Реформы не дали положительного результата.

БРЕМ НАДЕЖДА ЕГОРОВНА (1947 года рождения)

1. Как изменилась жизнь в селе (в городе) в эти годы?

Жизнь постепенно начала меняться к лучшему. Колхозники получили паспорта. Стали получать зарплату, зерно.

2. Что изменилось в домашнем хозяйстве, в быту, в образе жизни?

Люди постепенно стали приобретать бытовую технику, колхозники держали подсобное хозяйство. В деревнях началось строительство домов, ферм, водопроводов.

3. Как стали платить зарплату, иные выплаты (13-я з/плата, премии)?

Колхозникам стали давать пенсию. Сначала 8 рублей в месяц, потом – 12 рублей. Зарплату платили ежемесячно, была и 13 зарплата, доплаты по результатам труда.

4. Политика по отношению к приусадебным участкам? Дача в жизни горожан этого времени?

Про дачи не могу сказать. Землю давали, только обрабатывай. Если уж кому дачу давали, то уже не отнимали.

5. Зарплата колхозников, пенсии – какие, сколько рублей?

Зарплата была в среднем по 100 рублей в месяц, но на жизнь хватало.

6. Что можно было купить на эти деньги в то время?

На эти деньги можно было купить всё необходимое. Кооперация закупала у жителей деревни картофель, яйцо, масло, мясо.

7. Отпуска для работавших, декретный отпуск – сколько дней?

Декретный отпуск был по 56 дней до родов, и 56 дней после родов. Работающим женщинам платили до 100% в зависимости от стажа.

8. Сколько рублей составляли социальные пособия («детские», по рождению ребёнка, и т. д.)?

Детских пособий не платили.

9. Что вы помните об особенностях проведения досуга, отдыха, санаторном лечении, поездках на курорты и пр.?

Муж ездил на курорт по профсоюзным путёвкам почти бесплатно. Деньги нужны были в основном только на дорогу.

10. Были ли в семье радио, телевизор? Как часто посещали кинотеатр, клуб, театр?

Как только появились телевизоры, мы вторые в деревне купили его. В театр не было возможности ездить в город. А в кино ходили регулярно.

11. Как в это время праздновали советские и народные праздники?

Праздники отмечали весело. Государственные – в клубе. Ставили концерты, сами в них участвовали. Очень весело справляли Новый год. Религиозные больше в семейном кругу. Троицу отмечали всем селом на озере. Приглашали артистов из района. Устраивали ярмарки. Самым весёлым праздником были проводы зимы. С тройками, гуляньями в центре села.

12. Велась ли какая-то борьба с пьянством в селе, в городе? Были ли результаты?

Борьба с пьянством велась. Посадить могли за самогонование. В уборочную и посевную страду не разрешалось продавать алкогольные напитки. В остальное время было ограничение по времени, можно было купить только с 11 – до 19 часов.

13. Каково было отношение к воинской службе в армии в это время? Служили ли ваши родственники в СА?

Ребята относились к службе нормально. Все годные по здоровью должны были отдать долг Родине.

14. Стремилась ли люди уехать из села? Почему? Как воспринимали жизнь в городе? Каковы были отношения между людьми, соседями в селе, городе?

Кто-то стремился, а кто-то нет. Во время Брежнева никто насильно в деревне не держал. Я бы хотела прожить в городе, потому что жизнь в деревне была тяжёлой: без выходных и без всяких благ.

15. Работали ли ваши родственники на БАМе, других стройках?

Мой дядя работал на БАМе.

16. Отразилось ли на вашем селе освоение целинных земель? (1954 - 1962)

Мою подружку родители увезли на целинные земли в 1955 году. У нас распахали все покосы, но уже позже примерно в 1976 году.

17. Что говорили в народе о политике Л. И. Брежнева в тот период?

В народе о политике говорили мало.

18. Каково отношение ко времени Л. И. Брежнева сейчас? Изменилось ли оно?

В последние годы жизни Брежнева был большой дефицит товаров и продуктов. Было много наград у генсека.

19. Как вы оцениваете преемников Брежнева (Ю. В. Андропова, К. У. Черненко)?

Не успели что-либо разобрать.

20. Каково ваше отношение к М. С. Горбачёву и его реформам?

История рассудит.

ЧЕРВЯКОВА ВАЛЕНТИНА РОДИОНОВНА (род. в 1953 году в пос. Рощинский, совхоз «Южный», Курагинского района)

1. Что вы помните о времени правления Л. И. Брежнева (1964 – 1982)?

Я родилась в 1953 году. Годы правления Брежнева – это мои школьные, студенческие и первые трудовые годы. Было трудно, но была цель.

2. Как изменилась жизнь в селе (в городе) в эти годы?

Люди работали, старались изменить свою жизнь к лучшему, добиться успехов.

3. Что изменилось в домашнем хозяйстве, в быту, в образе жизни?

Вели домашнее хозяйство. У нас была корова, два поросёнка, куры и гуси, овцы. Телёнка через месяц сдавали в совхоз в обязательном порядке. (50-е годы)

4. Как стали платить зарплату, иные выплаты (13-я з/плата, премии)?

Зарплату платили вовремя. Отец работал весной на тракторе, осенью на комбайне. Всегда был в передовиках, поэтому получал премии, ценные подарки. Был награждён медалью к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Всегда висела его фотография на доске почёта.

5. Политика по отношению к приусадебным участкам?

Был приусадебный участок 6 соток, часть земли занимали постройки (дом, баня, летняя кухня, сарай, стайки). Земельный участок вскапывали руками, выращивали овощи и ягоды. Под картофель давали на совхозном поле не более 15 соток.

6. Зарплата? Что можно было купить на эти деньги в то время?

У нас в доме была необходимая мебель (буфет, диван, круглый стол, платяной шкаф, комод, швейная машинка). Был мотоцикл «ИЖ».

7. Отпуска для работавших, декретный отпуск – сколько дней?

Был отпуск для работающих около 20 дней. Декретный отпуск 56 дней до родов, и 56 дней после родов.

8. Сколько рублей составляли социальные пособия («детские», по рождению ребёнка, и т. д.)?

В семье было 5 детей. На пятого ребёнка получали 6 рублей. Выдавалась специальная книжка, в которой строго отмечалась выдача денег. Пятый ребёнок посещал детский сад.

9. Что вы помните об особенностях проведения досуга, отдыха, санаторном лечении, поездках на курорты и пр.?

Отец за работу на комбайне, за высокий намолот зерна был награждён бесплатной туристической путёвкой по городам-героям. Проходил санаторное лечение в Красноярском крае.

10. Были ли в семье радио, телевизор? Как часто посещали кинотеатр, клуб, театр?

В доме было радио. Работало с 6 утра до 12 ночи. Утром всегда передавали концерт по заявкам тружеников страны. В посёлке работал клуб. Ежедневно показывали фильмы, в 18.00 – детский, в 20.00 – взрослый. Для взрослых показывали документальные киножурналы об учёных, достижениях науки и техники, о передовиках производства. Один раз в неделю привозили индийские фильмы. Детский билет стоил 10 копеек, взрослый – 25 копеек. Индийский фильм – 45 копеек.

11. Как в это время праздновали советские и народные праздники?

В клубе всегда был концерт, лекция. Концерты часто готовили школьники, иногда приезжали артисты с района. Часто выступал духовой оркестр районного детского дома.

12. Велась ли какая-то борьба с пьянством в селе, в городе? Были ли результаты?

Люди много работали, пьянства не было. Были праздничные весёлые гуляния.

13. Каково было отношение к воинской службе в армии в это время? Служили ли ваши родственники в СА?

Служба в армии была святым долгом. Брат (1958 года рождения) служил в морфлоте 3 года и 3 месяца. Матери из армии приходили благодарственные письма за хорошее воспитание от командира части.

14. Помните ли какие-то частушки, песни, стихи, анекдоты о Брежневе?

По-моему их в то время не было.

15. Стремилась ли люди уехать из села? Почему? Как воспринимали жизнь в городе?

Уезжали люди из села, но редко. Молодёжь распределяли после ВУЗа на обязательную отработку (учитель – 3 года, медик – 5 лет). С соседями жили дружно. Строили дома сами, помогали друг другу.

16. Что говорили в народе о политике Л. И. Брежнева в тот период?

О политике не говорили плохо, просто честно относились к своему долгу на рабочих местах.

17. Каково отношение ко времени Л. И. Брежнева сейчас?

Я благодарна тем руководителям, что получила высшее образование. Я была из многодетной семьи, поступала по своим знаниям (сдавала пять экзаменов). Поступила в пединститут и закончила очно.

18. Как вы оцениваете преемников Брежнева?

Не было преемственности и последовательности.

19. Каково ваше отношение к М. С. Горбачёву и его реформам?

Мы были не готовы к этим реформам.

СТУПНЕВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА (1951 года рождения)

1. Что вы помните о времени правления Л. И. Брежнева (1964 – 1982)?

Помню плакат «Кто не работает, тот не ест». Работа – самое главное. Все находили работу и трудились.

2. Как изменилась жизнь в селе (в городе) в эти годы?

Жизнь сельчан (даже в самой многодетной семье) была сытой. Все имели возможность держать корову и другой скот. Колхоз выделял технику для скашивания покоса, перевозки сена во время сенокоса. Очень много сажали картофеля, так как поля были вспаханы. Работала колхозная картофелесажалка.

3. Что изменилось в домашнем хозяйстве, в быту, в образе жизни?

Колхозники все могли купить мебель, бытовую технику за наличные или в кредит. Почти в каждой семье был мотоцикл. Многие имели возможность купить автомобиль, но «достать» его было очень трудно.

4. Как стали платить зарплату, иные выплаты, премии?

Колхозникам выплачивали в конце года стажевые, премиальные. Это были большие деньги, поэтому свои сбережения колхозники хранили в сберкассе.

5. Политика по отношению к приусадебным участкам? Дача в жизни горожан этого времени?

Все колхозники имели приусадебные участки. При желании могли взять участок на поле. Колхоз помогал в обработке полей.

6. Зарплата колхозников, пенсии – какие, сколько рублей?

Пенсии были небольшие, но их хватало на всё: и на питание, и на проживание, и на одежду

7. Что можно было купить на эти деньги в то время?

В магазинах в избытке товаров не было, но ситец, штапель, шерсть можно было купить недорого. Ситца или сатина (2 метра 30 сантиметров – на платье) по цене 90 копеек или 1 рубль 20 копеек можно было купить с каждой зарплаты. Шила себе платья на лето всего за 2 или 3 рубля.

8. Отпуска для работавших, декретный отпуск – сколько дней?

Декретный отпуск предоставлялся женщинам предродовой и послеродовой – по 56 дней.

9. Сколько рублей составляли социальные пособия («детские», по рождению ребёнка, и т. д.)?

Детских пособий не платили. Пенсии по потере кормильца были чуть более 30 рублей.

10. Что вы помните об особенностях проведения досуга, отдыха, санаторном лечении, поездках на курорты и пр.?

В те годы можно было свозить учеников на экскурсию; достать путёвку в Шушенское; в Красноярск. Обходилось недорого для родителей. Оплачивали только дорогу. Очень запомнилась одна из таких поездок в 80-е годы. Круиз по Енисею. Мы со своей коллегой (мы учителя) были руководителями. Групп из 30 наших учащихся (с 1 по 10 класс). Программа круиза была очень продуманной. Каких только мероприятий нам не предлагали! Ребята везде участвовали. Побывали в Лесосибирске, познакомились с его достопримечательностями. Плавали на теплоходе трое суток. Обслуживание было великолепным. А как кормили! Всего много и очень вкусно.

11. Были ли в семье радио, телевизор? Как часто посещали кино?

Радио (динамики), радиолы были в каждом доме. Мои родители купили телевизор в 1970 году. Это было просто чудо. Я купила телевизор в 1974 году.

12. Как в это время праздновали советские и народные праздники?

Лучшим отдыхом в то время было посещение кинотеатра, посмотреть фильм. Билет стоил 5 копеек, затем 10 копеек. Это было всем по карману. С

1973 года, проживая в Соколовке, не пропускала ни одного кино, которое показывали в клубе. Молодёжь была очень активная, готовили сценарии, пьесы, концерты к каждому празднику. Очень здорово устраивали проводы зимы, праздник русской берёзки (после окончания посевной). Не было равнодушных. Все собирались к месту проведения мероприятий. Пели, плясали, проходили распродажи, массовые игры и т. д.

13. Велась ли какая-то борьба с пьянством в селе, в городе? Были ли результаты?

С пьянством борьба велась (во время посевной, уборочной) запрещалось вообще продавать спиртные напитки. Такого пьянства, как сейчас, вообще даже и не снилось!

Работали районные и сельские административные комиссии, женсоветы и т. д.. на них разбирались торговцы самогоном, дебоширы, тунеядцы. Наказывали их штрафом. Второй раз на комиссии никто не хотел попадать. Боялись осуждения со стороны односельчан.

14. Каково было отношение к воинской службе в армии в это время? Служили ли ваши родственники в СА?

Все без всякого, служили, и хотели служить. Из родственников-мужчин все отдали долг Отечеству.

15. Помните ли какие-то частушки, песни, стихи, анекдоты о Брежневе?

Не помню.

16. Стремилась ли люди уехать из села? Почему? Как воспринимали жизнь в городе?

Люди не стремились уехать из деревни. Были, конечно, такие. Больше из молодёжи, которые отучившись, оставались в городе. Но большинство возвращались в родное село.

17. Что говорили в народе о политике Л. И. Брежнева в тот период?

О политике в народе не говорили, или очень мало.

18. Каково отношение ко времени Л. И. Брежнева сейчас?

По-моему 70-80-е годы – годы строжайшей дисциплины. Когда не было открытого воровства, пьянки, безработицы, безразличия, деградации человека. Была власть, которая следила и принимала необходимые меры.

Самое главное, я считаю, что молодёжь, окончив школу, могла найти себе работу по душе, продолжая заочное бесплатное образование. Предоставлялись бесплатные общежития. Наше государство было в этом заинтересовано. Безработных не было. Жизнь на селе текла трудовая: с раннего утра до позднего вечера гудение тракторов, машин, все в работе, заботе. Но ехали доярки на дойку с песнями, возвращались с песнями. Весело и хорошо было и уезжать из деревни никто не хотел.

19. Как вы оцениваете преемников Брежнева?

Не могу ничего сказать.

20. Каково ваше отношение к М. С. Горбачёву и его реформам?

О Горбачёве воспоминания не особо тёплые. Больше неприятные. Развалил страну, разорил народ своими необдуманными реформами.

ЗАБАБОНИНА ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВНА (1946 года рождения)

1. Что вы помните о времени правления Л. И. Брежнева (1964 – 1982)?

Съезды КПСС, 1980 год – Московская олимпиада, война в Афганистане, бурный рост промышленности. Лозунг дня «Догоним и перегоним Америку». В кинотеатрах и по телевидению часто показывали киножурнал «Новости дня», где рассказывали о событиях прошедшего дня. Причём рассказ был настроен оптимистично. Но о каких-либо печальных событиях (авариях, природных катаклизмах, убийствах и т. п.) никогда не говорили. Люди жили с верой и надеждой в лучшее будущее.

2. Как изменилась жизнь в селе (в городе) в эти годы?

Я приехала по распределению на работу в 1970 году. В деревне была одна длинная улица. Но как-то быстро началось строительство жилых домов, появилось много новых улиц, деревня расширялась. Дороги заасфальтировали. Работал КБО (комбинат бытового обслуживания): стирка,

услуги парикмахера, пошив одежды, химчистка. Работали два магазина, клуб, ФАП. Построили новую школу в 1977 году.

3. Что изменилось в домашнем хозяйстве, в быту, в образе жизни?

В домашнем хозяйстве колхозники держали свиней, коров, кур. Кормом снабжал колхоз. В быту у людей - стиральные машины, телевизоры, электропечи, газовые плиты. Не было безработицы, работали все.

4. Как стали платить зарплату, иные выплаты (13-я з/плата, премии)?

Зарплата в колхозе выплачивалась регулярно, в среднем 150-200 рублей. По итогам года выплачивались отпускные, стажевые, 13-я зарплата. Многие колхозники получали сразу около 1000 рублей. А это были очень большие деньги.

5. Политика по отношению к приусадебным участкам? Дача в жизни горожан этого времени?

Приусадебные участки у колхозников были достаточного размера. Для посадки картофеля выделялся земельный участок. В городе дача, конечно, имела большое значение для семьи. Участок могли получить все желающие.

6. Зарплата колхозников, пенсии – какие, сколько рублей?

Зарплата колхозников в среднем 150-200 рублей. Она зависела ещё и от сезона. Например, тракторист в весеннее-летне-осенний период мог заработать до 300 рублей. Но зимой, ремонтируя трактор, получал около 100 рублей. Колхозная пенсия была 12 – 28 рублей. В городе жили от зарплаты до зарплаты. Самая большая 120 рублей.

7. Что можно было купить на эти деньги в то время?

На эти деньги можно было купить всё, что было в продаже в магазинах.

8. Как изменились цены на товары первой необходимости по сравнению со «сталинским временем», со временем «Хрущёва»?

Цены стабилизировались, соответствовали средней зарплате трудящегося.

9. Отпуска для работавших, декретный отпуск – сколько дней?

Отпуск, по-моему, составлял 24 рабочих дня. У учителей – 64 календарных дня. Декретный отпуск – два месяца до родов, два месяца после родов.

10. Сколько рублей составляли социальные пособия («детские», по рождению ребёнка, и т. д.)?

Ничего этого не было. Оплачивали только декретный отпуск.

11. Что вы помните об особенностях проведения досуга, отдыха, санаторном лечении, поездках на курорты и пр.?

Поездки в санатории и на курорты в порядке очереди по заболеванию. Оплачивал профсоюз. Поэтому путёвки были почти бесплатные. Также можно было поехать отдыхать по туристической путёвке (например, я ездила по такой путёвке в 1971 году по республикам Закавказья). Были и «горящие» путёвки. Такие – почти бесплатно.

12. Были ли в семье радио, телевизор? Как часто посещали кинотеатр, клуб, театр?

В семье были и радио и телевизор. Кинотеатр посещали часто, иногда было трудно купить билеты. В театр ходили реже. В сельской местности клуб заменял и кинотеатр и театр. В деревню с концертами приезжали разные ВИА. Приезжала с концертом Л. Луценко, Новосибирский цирк, проводили сеансы гипноза (было очень интересное представление) и многое другое. Фильмы показывали часто.

13. Как в это время праздновали советские и народные праздники?

Все советские праздники – дни отдыха: 9 мая - парады, 7 ноября, 1 мая – демонстрации. Также весело отмечали Новый год. По телевидению шёл Новогодний «Голубой огонёк». В преддверии праздника бегали по магазинам. Что плохо – был дефицит продуктов. Хотелось мандаринов к Новому году – их не было (не всегда). Праздник Троицы называли праздником «Русской берёзки», в деревне были гуляния. Пасху отмечали также.

14. Велась ли какая-то борьба с пьянством в селе, в городе? Были ли результаты?

Борьба с пьянством в селе велась. Во время посевной, уборочной кампании в селе был сухой закон по приказу председателя колхоза. Пьющих сельчан (особенно женщин) могли вызвать на женсовет, сделать внушение, но и помочь. В городе пьющих работников разбирали на собраниях трудового коллектива. Штрафовали, наказывали, переводили на низкооплачиваемую должность.

15. Каково было отношение к воинской службе в армии в это время? Служили ли ваши родственники в СА?

Мои братья служили в СА. Оба брата служили в Московской области. Дедовщины не ощутили.

16. Помните ли какие-то частушки, песни, стихи, анекдоты о Брежневе?

Не помню.

17. Стремилась ли люди уехать из села? Почему? Как воспринимали жизнь в городе?

Люди не особо стремились уехать из села. Работа была стабильная, неплохая зарплата, бесплатное жильё, школа для детей, детский сад. Все условия для нормальной жизни. Было много молодых семей. Отношения между односельчанами были дружелюбные, воровства из квартир не было.

18. Что говорили в народе о политике Л. И. Брежнева в тот период?

Ничего плохого не говорили, правда подсмеивались, что Леонид Ильич любит награждать себя орденами (четыре героя Соцтруда!).

19. Каково отношение ко времени Л. И. Брежнева сейчас?

У людей старшего поколения, я думаю, остались хорошие воспоминания о том времени. Конечно сейчас почти нет дефицита товаров, но их качество и цена оставляют желать лучшего.

20. Как вы оцениваете преемников Брежнева?

Андропов и Черненко прошли как-то незамеченными. Я мало что помню. Помню, что Андропов вводил сухой закон, повысил цены на алкоголь.

21. Каково ваше отношение к М. С. Горбачёву и его реформам?

Реформы Горбачёва были до конца не продуманы. Он по-моему скакал из одной крайности в другую и ничего не вышло. Это сказалось и в дальнейшем в 90-е годы.

ПАШКЕВИЧ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ (1936 года рождения)

1. Как изменилась жизнь в селе (в городе) в эти годы?

Были трудодни, а стали получать в колхозах деньги, жизнь стала лучше. Колхоз «Родина» держал в соцсоревновании третье, а иногда выходил на второе место, после колхозов «Красный хлебороб», и колхоза «Имени VII Съезда советов».

2. Что изменилось в домашнем хозяйстве, в быту, в образе жизни?

Разreshалось держать в подсобном хозяйстве любое количество скота, реализовывать было доступно.

3. Как стали платить зарплату, иные выплаты?

Стабильно платили зарплату, но товары (бытовая техника, транспортные средства) купить можно было только по очереди или по большому «блату».

4. Политика по отношению к приусадебным участкам? Дача в жизни горожан этого времени?

Кто желал, получал участок без проблем, сколько хотел и где хотел.

5. Зарплата колхозников, пенсии – какие, сколько рублей?

Заместитель председателя по хозяйственным вопросам – 180 рублей и 13-я зарплата. Пенсия у колхозников была от 8 до 12 рублей.

6. Что можно было купить на эти деньги в то время?

Хлеб второй сорт – 15 копеек, первый – 22 копейки, чёрный – 18 копеек, маленькая сдобная булочка – 4 копейки. Конфеты карамель – 1 рубль

02 копейки, сахар – 96 копеек, шоколадные конфеты – 5 рублей 50 копеек. Конечно, это могли себе позволить не каждый день, точно также с фруктами – только к празднику. Зато осенью можно вдоволь поесть и яблок, и винограда и арбузов за копейки.

7. Как изменились цены на товары первой необходимости по сравнению со «сталинским временем», со временем «Хрущёва»?

Изменилось в лучшую сторону. Цены стали постоянными, стабильными.

8. Отпуска для работавших, декретный отпуск – сколько дней?

Сначала отпуск у колхозников был 12 дней, потом 24 дня. Декретный отпуск сначала 2 месяца, потом 56 дней до родов, 56 дней после родов. Декретные платили с оклада (32 рубля).

9. Сколько рублей составляли социальные пособия («детские», по рождению ребёнка, и т. д.)?

Не платили.

10. Что вы помните об особенностях проведения досуга, отдыха, санаторном лечении, поездках на курорты и пр.?

Лечение было бесплатное. Отношение к людям уважительное. На престижные курорты (Чёрное море) – по блату, в колхозе давали путёвки, за границу по результатам соревнований. Но сильно отдыхать было некогда.

11. Были ли в семье радио, телевизор? Как часто посещали кинотеатр, клуб, театр?

Купили радиоприёмник в 1972 году, телевизор в 1974 году, а цветной телевизор в 1981 году. Клуб посещали часто. Посещали все концерты и очень охотно участвовали сами.

12. Как в это время праздновали советские и народные праздники?

Очень широко отмечали государственные. Советские – открыто, а церковные втихую. О церковных праздниках сообщала бабушка. Она ездила в церковь, привозила святую воду, освящала куличи).

13. Велась ли какая-то борьба с пьянством в селе, в городе? Были ли результаты?

Велась борьба с самогонщиками. С работы увольняли по 33 статье. Были созданы комиссии, на которых разбирали нарушителей.

14. Каково было отношение к воинской службе в армии в это время? Служили ли ваши родственники в СА?

В армии служили все родственники-мужчины. Отношение к службе было как к долгу чести.

15. Помните ли какие-то частушки, песни, стихи, анекдоты о Брежневе?

Не помню.

16. Стремилась ли люди уехать из села? Почему? Каковы были отношения между людьми, соседями в селе, городе?

Наоборот. Учились и возвращались специалистами в колхоз. Собирались в праздники, гуляли всей деревней: проводы в армию, свадьбы, отведки, крестины. Ну а уж если приходила беда в дом – то всей деревней помогали. Никто не оставался равнодушным. Кто-то помогал деньгами, кто-то продуктами и т. д.

17. Работали ли ваши родственники на БАМе, других стройках?

Да. Работал на БАМе дядя – Пашкевич Василий Васильевич. 1981 – 1983 годы. Заработал себе ВАЗ – 02.

18. Отразилось ли на вашем селе освоение целинных земель?

Да, раскорчёвывали и распахивали земли, увеличивали пахотные земли, были специальные бригады.

19. Что говорили в народе о политике Л. И. Брежнева в тот период?

Хорошее. Было видно хорошее отношение к людям.

20. Каково отношение ко времени Л. И. Брежнева сейчас? Изменилось ли оно?

В памяти осталось как лучшее время.

21. Как вы оцениваете преемников Брежнева?

Андропов был справедливым, но ему не дали повластвовать (по отношению к коррупции). Черненко не оставил хорошего мнения.

22. Каково ваше отношение к М. С. Горбачёву и его реформам?

К реформам Горбачёва отношение плохое: развал, хаос,. Всё насильно навязывал. Какие-то ненужные действия.

КАЗИННИКОВА НАДЖДА ПАВЛОВНА (1946 года рождения)

1. Что вы помните о времени правления Л. И. Брежнева (1964 – 1982)?

В магазинах не было изобилия. Люди жили интересно. Держали хозяйство. Жили одинаково.

2. Как изменилась жизнь в селе (в городе) в эти годы?

В селе люди жили бедно. По деньгам жить было легче. Бытовой техники было мало. Жизнь горожан отличалось тем, что квартиры были благоустроенными. В деревне люди больше работали.

3. Как стали платить зарплату, иные выплаты (13-я з/плата, премии)?

Зарплату получали маленькую, но её хватало. в медицине не было других выплат. Зарплата была 120 рублей. В колхозе давали доплату, зерно, премии.

4. Политика по отношению к приусадебным участкам? Дача в жизни горожан этого времени?

Приусадебные участки были. Маленький огород для овощей, большой для картошки.

5. Зарплата колхозников, пенсии – какие, сколько рублей?

Пенсия у колхозников в то время была 12 рублей. Зарплата от 40 – до 70 рублей.

6. Что можно было купить на эти деньги в то время?

На эти деньги можно было купить всё. Можно жить месяц. Хватало на всё необходимое.

7. Отпуска для работавших, декретный отпуск – сколько дней?

Отпуск 24 рабочих дня. До родов 56 дней, после родов 56 дней.

8. *Что вы помните об особенностях проведения досуга, отдыха, санаторном лечении, поездках на курорты и пр.?*

Концерты в клубе по праздникам. Очень популярен был спорт. Ходили в школу на спортивные секции. В селе было несколько команд. Было весело.

9. *Были ли в семье радио, телевизор? Как часто посещали кинотеатр, клуб, театр?*

Были радиоприёмники, телевизоров было мало. Мы купили в 1976 году.

10. *Как в это время праздновали советские и народные праздники?*

Советские праздники, концерты дети ставили в клубе. Приезжали и артисты из района. Пасху готовили тщательнее. Дети ходили за крашенками. Также отмечали Рождество, 7 ноября, 1 мая.

11. *Велась ли какая-то борьба с пьянством в селе, в городе? Были ли результаты?*

В то время столько не пили и не продавали. Все были заняты работой. Нарушителей разбирали на комиссиях. Результаты были, люди работали, исправлялись.

12. *Каково было отношение к воинской службе в армии в это время? Служили ли ваши родственники в СА?*

Отношение к армии было нормальное. Никто не боялся. Служба считалась долгом. Парень отслуживший был завидным женихом. Все родственники-мужчины служили.

13. *Помните ли какие-то частушки, песни, стихи, анекдоты о Брежнев?*

Нет.

14. *Стремилась ли люди уехать из села? Почему? Каковы были отношения между людьми, соседями в селе, городе?*

Уезжали учиться, но возвращались. Нравилось в деревне. Все были дружные.

15. Что говорили в народе о политике Л. И. Брежнева в тот период?

О политике не говорили.

16. Каково отношение ко времени Л. И. Брежнева сейчас? Изменилось ли оно?

Люди жили интересно. Были честнее. Не было воровства. Было трудно, много работали. Материально жили бедно, но одинаково. Зато люди были дружнее, были уверены в завтрашнем дне.

17. Как вы оцениваете преемников Брежнева (Ю. В. Андропова, К. У. Черненко)?

Не заметили.

18. Каково ваше отношение к М. С. Горбачёву и его реформам?

Не один же Горбачёв это всё затеял.

ФИЛИМОНОВА НИНА ФИЛИППОВНА (1954 года рождения)

1. Что вы помните о времени правления Л. И. Брежнева (1964 – 1982)?

О времени правления Брежнева можно сказать много хорошего. Я бесплатно окончила институт, получила высшее образование.

2. Как изменилась жизнь в селе (в городе) в эти годы?

В 1974 году по распределению я приехала в Иланский район, в село Соколовку (колхоз «Родина»). Соколовка, в то время, небольшое, очень грязное село, широкие улицы с маленькими домиками, избушками. Школа – старое здание, сельский совет, небольшой домик, контора, детский сад тоже были в старых зданиях. красивое двухэтажное здание – интернат, где жили школьники из соседских деревень. Начала строиться новая улица.

3. Что изменилось в домашнем хозяйстве, в быту, в образе жизни?

Сменился председатель колхоза, изменилась и жизнь. Стали строить 2-х квартирные дома для колхозников, специалистов, учителей. построили новые коровники, телятники, свинарники, увеличилось поголовье скота. Были рабочие места. Молодым семьям давали корову, поросят.

4. Как стали платить зарплату, иные выплаты (13-я з/плата, премии)?

Зарплату платили вовремя. По итогам посевной, уборочной, по полученному привесу молодняка, по надоенному молоку давали премии. На каждый заработанный рубль давали доплату, зерно. Люди были заинтересованы, поэтому трудились от зари до зари.

5. Политика по отношению к приусадебным участкам? Дача в жизни горожан этого времени?

Были приусадебные участки, площади были разными от 10 – до 50 соток. На поле дополнительно можно было взять до 0,5 га. Колхоз давал сажалку под картофель, а вот копали вручную. Излишки сдавали в колхоз, получали деньги.

6. Зарплата колхозников, пенсии – какие, сколько рублей?

Зарплата колхозников была хорошая.

7. Что можно было купить на эти деньги в то время?

Чтобы что-то купить, нужно было встать на «очередь». По «очереди» брали ковры, мебель. На «Жигули» мы в очереди стояли пять лет. Очень хорошо, что в это время давали крупные вещи в кредит на 12 месяцев.

8. Отпуска для работавших, декретный отпуск – сколько дней?

Учителя имели отпуск. Колхозники почти не ходили в отпуск, но получали отпускные.

9. Сколько рублей составляли социальные пособия («детские», по рождению ребёнка, и т. д.)?

Детские пособия не получала, за третьего ребёнка получила 24 рубля, единовременно.

10. Что вы помните об особенностях проведения досуга, отдыха, санаторном лечении, поездках на курорты и пр.?

Работал сельский клуб, показывали кинофильмы, проходили лекции на рабочих местах, концерты. Нуждающиеся ездили на курорт.

11. Были ли в семье радио, телевизор? Как часто посещали кинотеатр, клуб, театр?

Во многих семьях были телевизоры, радио.

12. Как в это время праздновали советские и народные праздники?

В клубе все собирались, слушали лекции, смотрели концерты. На колхозных отчётных собраниях подводились итоги соцсоревнования, «Ударник коммунистического труда», «Гвардеец жатвы», «Победитель соцсоревнования», медали, ордена.

13. Велась ли какая-то борьба с пьянством в селе, в городе? Были ли результаты?

За пьянство на рабочем месте лишали доплаты (частично или полностью), поэтому люди боялись потерять деньги и работу.

14. Каково было отношение к воинской службе в армии в это время? Служили ли ваши родственники в СА?

В армии служили младший брат и муж. Это было долгом чести.

15. Помните ли какие-то частушки, песни, стихи, анекдоты о Брежневе?

Их не было в то время.

16. Стремилась ли люди уехать из села? Почему? Как воспринимали жизнь в городе? Каковы были отношения между людьми, соседями в селе, городе?

Многие уезжали, но многие и оставались, работали доярками, шоферами, комбайнерами. О соседях мы знали почти всё: сколько получали доплаты, на сколько сдали картошки и т.д. никто не прятал и никто не завидовал.

17. Что говорили в народе о политике Л. И. Брежнева в тот период?

О политике плохо не говорили.

18. Каково отношение ко времени Л. И. Брежнева сейчас? Изменилось ли оно?

Коммунисты умели заинтересовать людей. Различные соревнования стимулировали людей к труду.

19. Как вы оцениваете преемников Брежнева (Ю. В. Андропова, К. У. Черненко)?

Не было преемственности.

20. Каково ваше отношение к М. С. Горбачёву и его реформам?

К реформам были не готовы.

ИНТЕРВЬЮ С УЧАСТНИКОМ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ ШАТАЛОВЫМ АЛЕКСЕЕМ ИВАНОВИЧЕМ

Интервью провел Шаталов Иван Сергеевич
студент 5 курса ОЗО исторического факультета
КГПУ им. В.П. Астафьева

Шаталов Алексей Иванович, 1971 рождения, пос. Ванавара, проживает в г. Красноярск. Служба в Советской - Российской Армии в 1990 - 94 гг.

1. Участником какой войны вы являетесь?

Конфликт между Арменией И Азербайджаном

2. Кем вы были до войны? (Укажите профессию.)

Рабочий.

3. В каком возрасте вы попали на войну? Каким образом (по призыву, добровольно, другим путем, каким именно)?

В 19 лет. По призыву.

4. Где и как застало вас известие о войне? Какие чувства вызвало?

На месте постоянной дислокации части. Азарт.

5. Сколько времени вы воевали? В каких войсках (формированиях)? В каком звании? В какой должности?

В боевых участвовал 2 месяца. Служил в ВДВ. Рядовой. Пулеметчик, старший наводчик АГС.

6. В какого рода операциях участвовали? Боевые задания какого характера вам приходилось выполнять?

Недопущение прохода НВФ через зону ответственности нашего подразделения. Уничтожение проникших боевиков, оборона расположения подразделения.

7. Ваше отношение к войне на разных ее этапах: С какими чувствами шли на войну? С какими возвращались? Была ли вера в победу, в правоту своего дела? Как влияли на настроение людей победы и поражения?

Поначалу был азарт, достало в части все уже. Чувствовали себя героями. Возвращались пришибленными. Вера в победу, в правоту своего дела была. Удачи добавляли сил, потери добавляли злости.

8. Какие чувства вы испытывали в боевой обстановке?

Перед боем — возбуждение, страх. Потом азарт. А после первого боя блевал долго.

9. Какая минута, день, событие были самыми трудными, тяжелыми, опасными? Что было самым страшным для вас на войне? Что запомнилось больше всего?

Когда нас из минометов накрыли. Самое страшное — что сделать ничего не можешь. Запомнилось возвращение.

10. Ваше отношение к врагу: каким его видели, воспринимали? Образ врага, противника, неприятеля — смысловой оттенок слов: что более подходит? Какое значение в этой связи имели идеологические мотивы?

Смотрели на них как на бандитов. Они шли грабить, убивать. Это не противник, не неприятель — это ВРАГ. И никакой идеологии.

11. Участвовали ли вы в разведке, во взятии «языков» и других операциях, связанных с проникновением в тыл врага?

А там фронта не было. Смотрели на 360 градусов. «Языка» не брал, часового снимать пришлось раз. Больше не хочу.

12. Первый пленный, которого вы увидели. Ваши чувства, впечатления. Отношение к пленным вообще.

Тогда нам попались мрази. Раздавленные, Обосравшиеся. Неприятное зрелище.

13. Что вы думаете о своих, попавших в плен к неприятелю? При каких обстоятельствах это происходило?

На войне всякое может случиться, жаль пацанов. У нас в плен никто не попал.

14. Ваше мнение о союзниках, если они были.

Союжников не было.

15. Отношения с местным населением.

Поначалу отличные отношения были. Потом не до них стало.

16. Боевая техника (оружие) — свое и противника: на равных шла борьба или нет? Особенности партизанской войны. Система взаимоотношений «человек и техника»; чем было для вас личное оружие?

Оружие было одинаковым. Про партизанскую войну там речи не идет. Личное оружие было как часть тела. Потом без автомата голым себя чувствовал.

17. Климатические условия: какие трудности были с ними связаны, как их переносили?

Закавказье, конец лета — КУРОРТ!

18. Роль боевого товарищества, взаимовыручки. Взаимоотношения старших и младших. Потери друзей.

Только благодаря друг другу мы вернулись почти все. Поначалу старички пытались пальцы гнуть, но быстро, после первого выстрела это слетело с нас. Да и совсем молодых у нас не было. Свои потери пришибают...

19. Взаимоотношения солдат и офицеров (рядовых и командиров).

Если бы не наш командир... только не сразу поняли.

20. Знакомы ли вам понятия «тыловая крыса», «штабная крыса», «окопная братва»? Есть ли современные аналоги?

Слава богу, с таким явлением на срочной не столкнулся.

21. Как снабжалась ваше формирование на войне?

Снабжение в то время было налажено отвратительно. Кроме боеприпасов и сухпая ничего не было, и то нерегулярно.

22. Солдатский быт. Трудности. Забавные случаи.

Не до быта было. Мотались по району как гончие, на блок придешь, до топчана добрался — и вот оно, счастье. Помыться нормально было нигде. Вся эта войнушка — один сплошной забавный случай. Только страшно. Попробовали в речке искупаться. В горной. Потом долго смеялись. Я привез кинжал. Потом в бригаде украли.

23. Были ли вы суеверны? В какие приметы верили? Повлияло ли участие в войне на ваше отношение к религии? Если да, то каким образом?

Про приметы не успели прочесть. Под минами я молился.

24. Минуты отдыха на войне. В каких условиях и сколько приходилось спать? Какие были развлечения? Какие песни пели?

Спали мало. В основном кто где урвет. На блоке нары дощатые, матрас старый. Только разувались. Из развлечений, карты. Пели Цоя, казачьи песни.

25. Ранения, контузии, болезни. Кто и где оказывал вам медицинскую помощь? Что запомнилось из госпитальной жизни?

Была контузия. Очень неприятная штука. Санинструктор уколол чем-то, не помню. В госпитале простыни чистые есть!!!

26. Имеете ли вы награды? Какие и за какие заслуги?

Наград не имею.

27. Какие письма вы писали домой с войны и получали из дома?

Писем не писал тогда, и не получал.

28. Как вас встречали на Родине после войны? Какое было отношение к ветеранам? Какое отношение к ним сейчас?

Небыло этого. И я не ветеран. Наша часть не участвовала.

29. Что такое война — для вас? Знакомо ли вам чувство «фронтальной ностальгии»? Мучают ли вас воспоминания, военные сны?

Грязь, пот, и... все ясно и понятно. Вот враги, вот свои. Вот приказ. Не думай. Задумался — умер. Сейчас уже мало, а раньше раз во сне чуть жену не задушил, приснилась такая жуть.

30. Как вы относитесь ко всему этому теперь, спустя столько лет? Как

шел процесс переосмысления, переоценки прошлого?

Не тех били!!! тогда бы по пройтись по горбачевым, шеварнадзе, алиевым...
Вот их бы всех разом под БМД положить и прокатиться.

31. Ваше отношение к тем, кто вас туда послал, тогда и теперь.

Правители — суки продажные. Это можно и нужно было не допустить.
А тогда об этом не думал.

32. Как повлияло участие в войне на вашу дальнейшую жизнь?

Не знаю. Как бы оно было бы...

МОЛОДЫЕ ВЕТЕРАНЫ ВТОРОЙ ЧЕЧЕНСКОЙ ...

Воспоминания записала Л.Н. Коротюк, учителя истории,
Заместителя директора по воспитательной работе, депутата с/ совета,
студентки ОНЗО исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева

Мною, Людмилой Николаевной Коротюк записаны со слов сына, участника Второй Чеченской кампании, воспоминания о периоде службы в боевой обстановке в рядах Вооруженных сил РФ.

Мой сын, Коротюк Сергей Юрьевич, уроженец Красноярского края, Кежемского района. Родился в 1980 году, в ряды вооруженных сил был призван в июне 1998 года. Вырос в семье, где мать - учитель, отец - шофер. Закончил школу, затем стал учиться в ПТУ, где получил права водителя. До армии успел поработать в с. Богучаны водителем пассажирского автобуса. Затем пришла повестка в армию. В армии он хотел служить, считал, что каждый мужчина должен прослужить в ее рядах, чтобы стать «настоящим мужчиной».

Его служба началась с «учебки», которую он прошел в г. Усолье-Сибирское. Учеба продолжалась полгода, затем его отправили в Чечню. Сначала они прибыли в станицу Калиновскую, где были две недели на так называемой переподготовке, т.е их готовили к военным действиям. Затем две недели находились в Ханкале. За это время они слышали и повидали очень многое, хотя сами в военных действиях еще не участвовали. Сын видел раненых и убитых солдат, как говорится, своими глазами наблюдал следование «груза

200». Затем опять дорога, но сейчас уже в г. Грозный, точнее микрорайон «Северный». Служил, как и все его одногодки, перенося все тяготы военной службы. Повышение шло по порядку рядовой – ефрейтор - младший сержант - сержант - старший сержант; закончил службу старшиной роты.

Отношения с товарищами и командирами были хорошими. Делились сигаретами, продуктами питания, как выражались солдаты «не крысятничали». Особо дружеские отношения сложились с человеком, которого немного недолюбливал до армии, а были они земляками. И началось это все с того, как однажды, при выполнении боевой задачи под Грозным, попали под обстрел. Фугас разорвался очень близко. Сергея моего ранило и очень сильно обожгло руку. Он очнулся от того, что его тащили за ворот кителя. Оглянулся, а это Алексей. После госпиталя это парень стал лучшим его другом. Все неприязни куда-то ушли, осталось чувство глубокой благодарности за спасенную жизнь. Позднее Сергей также помог Алексею и их дружба стала братской. Их рота не оставалась на одном месте, ее перебрасывали по всей Чечне, рота-то инженерная. Поэтому были постоянные командировки.

Находясь в Чечне невозможно было не общаться с местным населением. Сергей говорит, что знакомые были, но очень мало. Потому, что всегда оставалась опасность, - получить пулю в спину. Старались общаться «накоротке». Находясь в таком месте, как Чечня, было очень тяжело молодым ребятам смотреть на кровь, раненых и убитых товарищей и молча это переносить. Помогал алкоголь. Выпивали почти каждый день, чтобы притупить чувство страха.

Очень часто вспоминается один случай, когда чеченец привез в расположение части двух своих детей. Они подорвались на растяжке. До сих пор Сергей спрашивает себя: «Выжили ли они?». Девочка была особенно тяжело ранена. Детей помогли отправить в госпиталь.

«На войне привыкаешь ко всему, так говорят все, но я почему-то не смог привыкнуть ни к трупам, ни к крови, ни к выстрелам, пулеметным или артиллерийским, постоянно просыпался и вскакивал. Они мне снятся до сих пор и я так же вскакиваю, хотя уже прошло 10 лет» - это дословно записанное мной

признание моего сына.

Сергей рассказывает, что находясь в Чечне голода никогда не чувствовал голода, еды хватало. Но был общий психологический надлом. Когда начинался бой или был его разгар, всегда были случаи паники с ребятами, с теми, у кого сдавали нервы. «А вообще не хочется говорить об этом, ведь каждому хотелось жить. Особенно такое чувство возникало во время зачисток, там можно было ожидать что угодно и от местного населения в том числе. «Было страшно, очень страшно и мне не стыдно об этом говорить!» - так сказал Сергей и грустно посмотрел в окно. «Но обо всем можно было поговорить со старшими товарищами и командирами». Для Сергея такими были замполит и комбат. До сих пор он вспоминает их с огромной теплотой и уважением. Более вышестоящее начальство не вызывало в нем должного уважения. Сергей вспомнил случай неподчинения вышестоящему начальнику. В тот день ему поручили сопровождать уже демобилизованных солдат к месту отправки на Родину. К месту сбора прибыл какой-то высокий чин, увидев взвод солдат, он стал кричать о том, чтобы они возвращались и шли в бой. Сергей вступил в спор, ведь у него был приказ своего командира «доставить солдат к месту отправки».

Поговорив на очень высоких тонах, Сергей развернул взвод и всем составом направил его к военной прокуратуре. Там во всем разобрались. Но, с тех пор, к вышестоящим чинам, которые наблюдали бой по карте, он относился с недоверием.

Все ребята, которые служили вместе с Сергеем в Чечне к концу службы во что бы то ни стало хотели прийти домой живыми, поэтому в каждую «командировку» они уходили со страхом.

Домой вернулся после госпиталя, сначала в свою часть за документами, а затем в Грозный и домой. Вернувшись домой, долго не верил, что жив и что все позади. За время службы получал награды:

- знак за участие в Чеченской войне;
- за отличную стрельбу;

- за боевую и политическую подготовку;

Всего 9 различных наград.

Сейчас он ветеран Чеченской войны второй кампании. Осталась горечь от того, что многих смертей могли бы избежать, но приказы не обсуждаются.

Самое обидное и то, что после этой войны так и не получил полностью деньги, заработанные своим потом и кровью. «Мы защищали Родину, а нам выплатили только треть, и то после многочисленных разбирательств и писем в прокуратуру. А некоторые годы спустя я узнал, что оказывается нашей части вообще не было. Вот так штука! А как же мы! Как ребята, которые погибли, они что, тоже понарошку жили? А запись в военном билете - сами начеркали?»

Такие противоречивые и горькие воспоминания о военных действиях в Чечне остались не только у Сергея, но и у многих других ребят. Молодых ветеранов, так и не получивших своих «боевых», переживших кровь и потери близких друзей; рано поседевших ребят, которые до сих пор во снах бредят войной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Повседневность — это обычное ежедневное существование со всем, что окружает человека: бытом, окружающей средой, поведением, культурным фоном, языковой лексикой. Изучение повседневности на основе «устной истории» казалось бы подразумевает, что история пишется только с использованием устных свидетельств, однако использование эпистолярных, мемуарных, периодических, делопроизводственных и других документов позволяет прийти к интересным и многогранным заключениям. Однако многие черты классической историографической модели исторической науки продолжают противоречить направлениям истории повседневности и устной истории. Существующее недоверие будет преодолеваться по мере новых достижений в этой области.

Очевидная ограниченность источников советской эпохи и накопление материалов устной истории позволяет формировать комплексную

источниковую базу будущих исследований. В различных интервью, воспоминаниях людей ярко проявляются стороны жизни, которые не отразились или практически отсутствуют в других видах источников. Речь идет о возможности с их помощью изучать советскую повседневность, ментальность, духовный мир человека XX в.

В изучении процессов жизнедеятельности человека в его повседневных проявлениях значимым предстает многоуровневый и многокомпонентный межпредметный подход как в выборе комплекса источников, так и в процессе их анализа и интерпретации. Отсюда для изучения повседневной жизни крайне важны субъективные свидетельства и оценки современников судьбоносных событий XX века. Воспоминания, зафиксированные в форме рассказа, интервью, личных записок, помогают глубже и понятнее осмыслить прошлое и понять настоящее. Устная история - это попытка сохранить личную и коллективную память, зафиксировать ценности уходящей культуры, красоту и гармонию человеческой личности во всех его жизненных проявлениях.